

Академия
Фундаментальных
Исследований

Ф. Ф. Соколов

ИСТОРИЯ

ГОМЕРОВСКИЙ ВОПРОС

URSS

Ф. Ф. Соколов

ГОМЕРОВСКИЙ ВОПРОС

Издание третье

URSS
МОСКВА

ББК 63.3(0)32 81.21

Соколов Федор Федорович

Гомеровский вопрос. Изд. 3-е. — М.: ЛЕНАНД, 2014. — 160 с.
(Академия фундаментальных исследований: история.)

Книга рекомендуется историкам, литературоведам, философам, а также широкому кругу читателей, интересующихся античной историей. философией и поэзией.

Формат 60×90/16. Печ. л. 10. Зак. № ЕО-09.

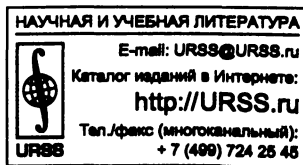
Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978–5–9710–1149–1

© ЛЕНАНД, оформление, 2014

18054 ID 185707

ГОМЕРОВСКІЙ ВОПРОСЪ *).

Подъ именемъ «Гомеровскаго вопроса» обыкновенно разумѣется вопросъ о происхожденіи поэмъ Гомера, поставленный и по своему рѣшенный Фр. Авг. Вольфомъ въ знаменитомъ его сочиненіи: *Prolegomena ad Homerum* (Halle 1795). Главная мысль Вольфа извѣстна: *Иліада* и *Одиссея* не цѣлыя поэмы, созданныя однимъ поэтомъ по извѣстному плану, но собраніе небольшихъ отдѣльныхъ пѣсень разныхъ авторовъ, приведенное въ настоящій порядокъ и записанное не ранѣе VI вѣка до Р. Х., не ранѣе времени Писистрата, тирана афинскаго. Подобныя мысли высказывались нѣкоторыми писателями и ранѣе Вольфа; онъ самъ указываетъ на нѣкоторыхъ своихъ предшественниковъ; но то были догадки, или выраженные случайно, голословно (какъ, напримѣръ, у Бентлея), или изложенныя совершенно ненаучнымъ образомъ, такъ что мнѣніе Вольфа можно считать вполне самостоятельнымъ. Со времени появленія книги Вольфа поднялся оживленный и нескончаемый споръ: Гомеровскій вопросъ разросся, развѣтвился и все-таки остается до сихъ поръ вопросомъ. Сначала мнѣніе Вольфа одерживало верхъ; явилось множество диссертаций, подтверждавшихъ и развивавшихъ его положенія. Правда, вслѣдъ за появленіемъ Вольфовой книги, явились и возражатели ему, но такіе, которые только вредили собственному своему дѣлу: то были люди, которымъ не нравилась смѣлость и новость идеи и методы Вольфа, которые привыкли держаться буквы древнихъ писателей и не различали достовѣрныхъ извѣстій правдивыхъ историковъ отъ массы сказокъ и ребяческихъ комбинацій разныхъ позднѣйшихъ компиляторовъ, слѣдо-

1) <Журн. Мин. Нар. Просв. 1868, ноябрь, 360—442; декабрь, 834—886>.

вательно, не имѣли никакого понятія о критикѣ источниковъ. Но нѣсколько позже наступила и серьезная реакція противъ Вольфа: бѣли указаны многія слабыя стороны его теоріи, полнѣе собраны и внимательнѣе обсуждены мѣста древнихъ писателей, относящіяся къ Гомеровскому вопросу, и начато изученіе работъ древнихъ ученыхъ надъ гомеровскимъ текстомъ. Новые защитники единства гомеровскихъ поэмъ стояли уже на уровнѣ новой науки, и съ ними надобно было спорить, какъ съ равными. До сихъ поръ выходятъ сочиненія, защищающія то или другое изъ противоположныхъ мнѣній, и хотя большинство нѣмецкихъ ученыхъ стоитъ на сторонѣ противниковъ единства, однако и защитники единого Гомера не принуждены еще замолчать. Гомеровскій вопросъ представляетъ много разныхъ сторонъ и отдѣльныхъ пунктовъ; постараемся изложить сущность спора и разобрать мнѣнія разныхъ ученыхъ всѣхъ отбѣнковъ по главнымъ частямъ вопроса.

Сущность теоріи Вольфа заключается въ слѣдующемъ. При Гомерѣ не было въ Греціи письменности. Это доказывается, во-первыхъ, свидѣтельствами древнихъ писателей о рѣдкости и позднемъ распространеніи писчаго матеріала, во-вторыхъ—отсутствіемъ въ самомъ Гомерѣ всякихъ указаній на письменность. И это отсутствіе не случайно; патриархальный бытъ времени, изображеннаго Гомеромъ, самъ по себѣ не совмѣстимъ съ существованіемъ письменности. То мѣсто Илиады, въ которомъ прежде находили упоминаніе о письмѣ (VI, 167 сл.), Вольфъ объясняетъ иначе; онъ говоритъ, что слово *γραφεῖν*, встрѣчающееся здѣсь, значитъ «долбить», «рѣзать», а не «писать». Но если въ гомеровское время не было письменности, то и произведенія Гомера не могли быть написаны. Далѣе, сами древніе прямо свидѣтельствуютъ, что произведенія Гомера сначала устно передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе въ формѣ небольшихъ пѣсенъ, а потомъ были собраны Писистратомъ, тиранномъ аонскимъ, въ двѣ большія поэмы и записаны. При этомъ Вольфъ приводитъ слова Юсіфа Флавія (с. Аріон. 1, 2) и другія мѣста древнихъ. Созданіе такихъ большихъ поэмъ безъ помощи письма невозможно. Какъ же могъ Гомеръ, не записывая, удержать въ своей памяти всѣ подробности своего разсказа, всѣ десятки тысячъ стиховъ? Для чего было создавать такія огромныя поэмы въ безграмотное время? Наконецъ, кто сталъ бы слушать нѣсколько дней сряду рецитированіе

всей Илиады или Одиссеи? Для того времени нужны были небольшія застольныя пѣсни во славу боговъ и героевъ. Вольфъ признаеть, впрочемъ, что Илиада и Одиссея сами свидѣтельствуютъ о своей цѣлости и единствѣ, хотя и замѣчаетъ въ обѣихъ поэмахъ нѣкоторыя частныя противорѣчія. Онъ говоритъ, что теорія его представляетъ много трудностей и что онъ самъ долго сомнѣвался въ истинѣ своихъ выводовъ, но что должно постоянно имѣть въ виду указанную имъ невозможность созданія такихъ большихъ поэмъ въ такое древнее время, постоянно помнить ясныя свидѣтельства древнихъ, и тогда всѣ возраженія противъ его выводовъ будутъ лишены всякой силы.

Нельзя не согласиться, что метода Вольфа прекрасна. Въ его диссертациі много ошибокъ и невѣрныхъ мнѣній, которыя указаны и опровергнуты новою наукою; но въ цѣломъ сочиненіе его превосходно. Онъ глядитъ на предметъ прямо и ясно. Онъ представилъ именно всѣ главные аргументы, которые можно выдвинуть противъ единства гомеровскихъ поэмъ, и напираеть именно на самыя важныя доводы. Можно сказать безъ преувеличенія, что всѣ остальные доказательства противниковъ единства гомеровскихъ поэмъ ничтожны въ сравненіи съ доказательствами, представленными Вольфомъ. И дѣйствительно, вопросъ о началѣ письменности и о возможности созданія большихъ поэмъ въ безграмотное время есть главный узелъ всего гомеровскаго спора. Между тѣмъ замѣчательно, что послѣдователи Вольфа обращали на этотъ пунктъ гораздо менѣ вниманія, чѣмъ на другіе, несравненно менѣ важные. Вольфъ признавалъ строгую внутреннюю связь поэмъ и сказалъ даже, что необыкновенно художественное построение Одиссеи навсегда останется самымъ славнымъ памятникомъ греческаго духа; а между тѣмъ подражатели и послѣдователи Вольфа бросились именно на внутренній анализъ Илиады и Одиссеи, нашли въ нихъ множество несообразностей и противорѣчій и стали отрицать художественность построенія тѣхъ самыхъ поэмъ и высокую поэзію тѣхъ самыхъ отдѣльныхъ сценъ, которыя возбуждали общее удивленіе и восторгъ и въ древнее и въ новое время.

Книга Вольфа имѣла огромное вліяніе на движеніе науки о классической древности, и нѣмецкіе ученые прямо называютъ Вольфа отцомъ новѣйшей филологіи. Такое высокое

уваженіе вполне заслужено имъ. Хотя бы мы и не соглашались съ результатами изслѣдованій Вольфа, тѣмъ не менѣе метода его останется и для насъ образцовою, и тотъ, кто занимался древнею исторіей, пойметъ и оцѣнить силу его доводовъ и твердость его шага. Въ изслѣдованіи древности мы очень часто можемъ достигнуть только большей или меньшей вѣроятности выводовъ, такъ что и за мнѣніемъ, противоположнымъ нашему, тоже останется извѣстная доля вѣроятности. Правда, ученые изслѣдователи часто не сознаютъ такого положенія дѣла; часто, придя къ какому-нибудь результату выставивъ какую-нибудь заманчивую комбинацію, они упорно держатся ея и отрицаютъ всякую возможность другого рѣшенія; но это будетъ уже ихъ собственною виной, и за нее они жестоко поплатятся тѣмъ, что слѣдующій изслѣдователь, не стѣсняясь своими предшественниками, построитъ свою иную комбинацію, очистивъ для нея мѣсто разрушеніемъ всѣхъ прежнихъ. Понятно, какъ важно было бы узнать, что извѣстное рѣшеніе вопроса не возможно; тогда всѣ свидѣтельства, которыя могутъ быть выставлены въ пользу его, тотчасъ же уничтожились бы сами собою, и дѣло упростилось бы значительно. Очень часто ученые дѣлаютъ важныя ошибки, потому что обращаются съ историческими событіями и лицами, какъ съ шашками или картонными фигурами, которыя можно разставлять по своему произволу; очень часто ученые не спрашиваютъ себя, было ли въ самомъ дѣлѣ возможно такое положеніе или стеченіе обстоятельствъ, какое они допускаютъ, не спрашиваютъ, согласны ли ихъ мудренныя соображенія съ условіями древней жизни. Вольфъ именно задалъ себѣ вопросъ: возможно ли созданіе Илиады и Одиссеи однимъ поэтомъ въ то время, къ которому приурочивали этотъ фактъ, и, рѣшивъ вопросъ отрицательно, преодолѣлъ всѣ свои сомнѣнія. Между тѣмъ послѣдователи Вольфа перешли на такую дорогу, на которой произволу и личному вкусу изслѣдователя открывается обширное поле, на которой невозможно достигнуть результатовъ несомнѣнныхъ, и для каждаго отдѣльнаго вопроса возможно нѣсколько вѣроятныхъ рѣшеній.

Литература Гомеровскаго вопроса очень обширна: съ конца прошлаго вѣка до настоящаго времени появилось и продолжаетъ появляться, преимущественно въ Германіи, множество диссертаций, статей въ ученыхъ сборникахъ и программъ, по-

священныхъ разсмотрѣнію этого вопроса. Всякая сколько-нибудь замѣчательная попытка къ его разрѣшенію вызывала массу послѣдователей, старавшихся приложить методу своихъ образцовъ къ анализу Иліады и Одиссеи и подкрѣпить рѣшеніе новыми доводами. Въ развитіи этого вопроса можно замѣтить три главныя направленія: одни ученые строго держатся теоріи Вольфа и думаютъ, что Иліада и Одиссея записаны и составлены при Писистратѣ изъ отдѣльныхъ небольшихъ стихотвореній разныхъ авторовъ, разнаго времени и разнаго достоинства; другіе признаютъ, что въ древнѣйшее время существовало нѣсколько большихъ поэмъ, изъ которыхъ впослѣдствіи были составлены Иліада и Одиссея; третьи, наконецъ, защищаютъ единство поэмъ, но принимаютъ, что Иліада и Одиссея содержатъ въ себѣ многія позднѣйшія вставки или интерполяціи. Впрочемъ, представители всѣхъ трехъ направленій признаютъ многія мѣста и многіе отдѣльные стихи въ Гомерѣ позднѣйшими вставками; но защитники единства исключаютъ иногда изъ текста Гомера такіе стихи, въ которыхъ вольфіанцы находятъ противорѣчія съ другими мѣстами. Вольфіанцы же часто считаютъ такія противорѣчивыя мѣста одинаково древними, но принадлежащими двумъ разнымъ стихотвореніямъ и двумъ разнымъ поэтамъ. Между этими тремя главными направленіями находится много разныхъ переходныхъ мнѣній и оттѣнковъ, потому что разныя ученые рѣшаютъ отдѣльныя стороны Гомеровскаго вопроса различнымъ образомъ. Представителями перваго направленія — малыхъ пѣсенъ — можно считать Готфрида Германна и Лахманна.

Въ сочиненіи «De interpolationibus Homeri», написанномъ въ 1832 году (Opuscula, vol. V), Г. Германнъ высказываетъ самый крайній, рѣзкій взглядъ на достоинство гомеровскихъ поэмъ. Онъ прямо признаетъ, что Иліада, какъ одно цѣлое, есть въ высшей степени неудачное, неловкое произведеніе; онъ говоритъ, что связь между отдѣльными сценами Иліады есть, но плохая; многія отдѣльныя сцены онъ называетъ просто нелѣпыми. Это очень замѣчательно: тысячи лѣтъ восхищались Гомеромъ, восхищались иногда именно тѣмъ, что подвергается у Германна и его послѣдователей насмѣшкѣ. Лахманнъ (его изслѣдованія собраны въ книгѣ «Betrachtungen über Homers Ilias, mit Zusätzen von M. Haupt», Berlin 1847) похожъ на Германна по безцеремонности своего отношенія къ Гомеру. Онъ отыскиваетъ

много противорѣчій въ гомеровомъ разсказѣ и раздѣляетъ первыя 22 книги Иліады на 16 пѣсенъ. Сущности вопроса о происхожденіи гомеровскихъ произведеній Лахманнъ и не касается; онъ вполне принимаетъ выводы Вольфа, что Иліада и Одиссея не были записаны до Писистрата. Замѣчательна у Лахманна необыкновенная рѣзкость, съ которою онъ отстраняетъ самую возможность противорѣчія или несогласія съ его воззрѣніями. Напримѣръ, съ начала XI книги до 590 стиха XV книги Иліады Лахманнъ находитъ четыре отдѣльныя пѣсни, «въ высшей степени различныя по духу», и прибавляетъ: «Кому это различіе кажется незначительнымъ, кто не почувствуетъ его тотчасъ же, какъ только оно будетъ указано, кому эти книги Иліады кажутся стройными частями художественнаго эпоса, тотъ лучше бы всего сдѣлалъ, если бы не забоялся ни о моихъ изслѣдованіяхъ, ни объ эпической поэзіи, потому что онъ слишкомъ слабъ, чтобы понимать что-нибудь въ этомъ дѣлѣ» (стр. 54). Всѣ изслѣдованія Лахманна вращаются въ области личнаго вкуса и своеобразныхъ эстетическихъ воззрѣній. Множеству поколѣній нравилось и нашему поколѣнію нравится то, что не нравилось Лахманну. Казалось бы, что подобныя изслѣдованія, написанныя къ тому же такимъ высокоумѣреннымъ тономъ, будутъ забыты вскорѣ послѣ своего появленія. Между тѣмъ большинство нѣмецкихъ ученыхъ приняло ихъ съ восторгомъ; Лахманнъ нашелъ множество послѣдователей и подражателей. Самого его считали въ высшей степени остроумнымъ, великимъ критикомъ. Мнѣнія, высказанныя имъ въ частномъ разговорѣ, въ частныхъ письмахъ, приводятся съ благоговѣніемъ; напримѣръ, Зенгебушъ приводитъ пзъ частнаго своего разговора съ Лахманномъ мнѣніе этого послѣдняго, что 326 и 327 стихи XVII книги Одиссеи подложны. Въ этихъ стихахъ говорится, что собака Одиссея Аргусъ умерла, увидѣвъ своего господина. Когда Зенгебушъ замѣтилъ, что смерть собаки тутъ трогательна, Лахманнъ отвѣчалъ, смѣясь: «Да зачѣмъ же ей умирать? Оставьте старую дворняжку въ покоѣ на ея навозѣ» (см. Jahrbücher f. Phil. LXVII, 244). Вотъ въ такомъ родѣ и всѣ почти возраженія Лахманна и его послѣдователей. Къ числу приверженцевъ теоріи Вольфа принадлежатъ: Лауеръ, В. Риббекъ, Кёхли, Г. Курціусъ, Шюцъ, Зенгебушъ, Лизегангъ, Боницъ, Ла Рошъ и мн. др.

Ко второму направленію въ изслѣдованіи Гомеровскаго вопроса могутъ быть отнесены мнѣнія довольно разнообразныя. Кирхгофъ (Die homerische Odyssee und ihre Entstehung, Berlin 1859) всего прямѣе высказываетъ свое среднее мнѣніе. По его словамъ, Одиссея не цѣлая и единая поэма, а также и не собраніе пѣсенъ разныхъ временъ и авторовъ. Одиссея—это сравнительно поздняя, составленная по плану обработка древняго произведенія. Это древнее произведеніе, древняя редакція, по Кирхгофу, есть тотъ видъ Одиссеи, въ которомъ она была извѣстна приблизительно до 30-й олимпіады. Но и древняя редакція не цѣлое произведеніе, а состоитъ изъ двухъ частей, древней и новой. Одиссея почти въ настоящемъ своемъ видѣ существовала уже и была распространена около 50-й олимпіады. Писистратовская редакція этой поэмы измѣнила ее очень мало: она была простымъ изданіемъ Одиссеи; лишь немногіе стихи были тогда вставлены. Кирхгофъ напечаталъ даже текстъ Одиссеи въ новомъ порядкѣ, по слоямъ разныхъ выдуманныхъ имъ редакцій. Замѣчательно рѣзкое противорѣчіе между взглядомъ Кирхгофа и ученіемъ Вольфа и Лахманна относительно происхожденія поэмъ и значенія редакціи Писистрата. Оба ученые, Лахманнъ и Кирхгофъ, вѣчно во всеоружіи своей учености, выражаютъ свои мнѣнія съ полною увѣренностью, постоянно говорятъ о своихъ догадкахъ: «это очевидно», даже съ презрѣніемъ относятся къ противному мнѣнію, и между тѣмъ вся сущность ихъ «многорукавыхъ и широкоувѣщательныхъ» диссертаций основана на томъ, хорошо или худо такое-то мѣсто у Гомера, могъ ли одинъ поэтъ произвести такія-то двѣ тирады и т. п., то-есть, всѣ соображенія ихъ не выходятъ изъ области субъективныхъ мнѣній. Лахманнъ говоритъ: «Смѣшно и думать, чтобы до работы Писистрата существовала наша Илиада въ настоящей связи своихъ главныхъ частей»; то-есть, онъ приписываетъ писистратовой редакціи все строеніе поэмы. Напротивъ того, Кирхгофъ относительно Одиссеи ограничиваетъ всю писистратовскую работу простою проверкою разныхъ чтеній и изданіемъ и тоже говоритъ, что это несомнѣнно. Правда, Лахманнъ говоритъ объ Илиадѣ, а Кирхгофъ объ Одиссеѣ; но, конечно, Лахманнъ не согласился бы съ Кирхгофомъ. Такое огромное различіе въ дѣятельности редакціи относительно двухъ поэмъ немыслимо. Всѣ вольфіанцы говорятъ, что пѣсни, изъ

которых образовались поэмы, принадлежали разнымъ авторамъ и разнымъ временамъ. Между тѣмъ Зенгебушъ рѣшительно утверждаетъ, что эти пѣсни не могли быть сочинены въ разныя времена, но сложились непремѣнно въ одно и то же время, въ теченіе, на примѣръ, двадцати лѣтъ и даже въ одномъ и томъ же городѣ (см. его *Homeric dissertation*, II, 106). Какъ же согласить теперь рѣшительное утверженіе Зенгебуша съ «очевидностью» Кирхгофа? Такая твердая и даже рѣзкая увѣренность прискорбна въ подобныхъ вопросахъ: она показываетъ, что ученый упустилъ изъ виду условія той области знаній, разработкѣ которой онъ хочетъ содѣйствовать. Хотя Кирхгофъ и держится, повидимому, середины между двумя крайними мнѣніями, но на самомъ дѣлѣ онъ гораздо дальше отходитъ отъ истины, чѣмъ вольфианцы. Не говоря уже о томъ, что онъ дозволяетъ себѣ чрезвычайно много произвола, онъ вступаетъ на совершенно невѣрный путь и примѣняетъ къ рѣшенію вопроса, можетъ быть безсознательно, ложный, давно отвергнутый и нечлриличный нашему времени принципъ—ставить факты и условія позднѣйшей жизни и свѣдѣнія, почерпаемыя изъ позднѣйшихъ источниковъ, впереди фактовъ и рассказовъ гомеровскихъ.

Повидимому, не слѣдовало бы ставить въ одинъ разрядъ съ Кирхгофомъ историка Грота, который посвящаетъ Гомеровскому вопросу цѣлую большую главу въ своей «Исторіи Греціи»: разница между ихъ мнѣніями велика; Гротъ считаетъ Одиссею художественнымъ произведеніемъ одного поэта; еще громаднѣе различіе между этими учеными въ методѣ и въ жизненности и вѣрности отношенія къ предмету. Гротъ не забываетъ никогда, о какомъ темномъ, малоизвѣстномъ времени ему приходится говорить. Но тѣмъ не менѣе результатъ, къ которому приходитъ Гротъ въ разборѣ Иліады, до нѣкоторой степени сходенъ съ результатами Кирхгофа касательно Одиссеи. Въ Иліадѣ Гротъ видитъ соединеніе двухъ отдѣльныхъ большихъ поэмъ, Ахиллеиды и Иліады собственно, и нѣсколькихъ меньшихъ. Къ древней Ахиллеидѣ онъ относитъ книги I, VIII, XI—XXII, къ Иліадѣ книги II—VII; IX книга, рассказъ о посольствѣ грековъ къ Ахиллу, есть собственно камень преткновенія для Грота и источникъ, изъ котораго возникла его теорія. По высотѣ поэтическаго достоинства IX книга не уступаетъ никакому другому мѣсту Гомера; но Гротъ изъ-за одного кажущагося про-

творѣчія рѣшается приписать эту могучую рѣчь Ахилла не тому поэту, который создалъ характеръ Ахилла въ I книгѣ Илиады. X, XXIII и XXIV книги Илиады, по мнѣнію Грота, три отдѣльныя произведенія.

Изъ пѣмецкихъ ученыхъ Фридлиндеръ принялъ мнѣніе Грота (см. *Die Homerische Kritik von Wolf bis Grote*, Berlin 1853). Въ другихъ работахъ Фридлиндеръ основательно возстаеъ противъ крайностей новыхъ критиковъ. Дюнцеръ еще раньше Грота выразилъ мысль, что III—VII книги Илиады въ сущности не имѣютъ той связи съ остальными частями поэмы, которая дана имъ въ нынѣшней ея редакціи (*Homer und der epische Kyklos*, Köln 1839). Но кромѣ того Дюнцеръ принимаетъ въ Гомерѣ множество интерполяцій и склоплется въ пользу направленія, признающаго происхожденіе поэмъ изъ малыхъ пѣсенъ.

Представителемъ третьяго направленія, защитниковъ единства, по справедливости должно считать Григ. Вилъг. Ницша. Въ продолженіе сорока лѣтъ Ницшъ во многихъ своихъ сочиненіяхъ высказывалъ свои мысли о Гомеровскомъ вопросѣ и защищалъ единство Гомера отъ всякаго новаго горячаго критика. Прежнія диссертациі Ницша собраны въ книгѣ «*De historia Homeri meletemata*», 2 fasciculi. Hannover 1830—1837; *Anmerkungen zu der Odyssee*, 3 Bände. Hannover 1826, 1831, 1840; *Die Sagenpoesie der Griechen kritisch dargestellt*, 1852; *Die Angriffe auf die belobte Einheitlichkeit der Odyssee* въ *Philologus*, vol. XVII; посмертное изданіе: *Beiträge zur Geschichte der epischen Poesie der Griechen*, 1862. Такъ какъ въ Гомеровскомъ вопросѣ всего важнѣе вопросъ о письменности, то Ницшъ сначала и обратилъ особенное вниманіе на этотъ предметъ. Онъ доказываетъ въ своихъ «*Meletemata*», что писчій матеріалъ и письменность были у грековъ задолго до Писистрата. Потомъ Ницшъ разбираетъ вопросы о гомеридахъ и рапсодахъ и о редакціи Писистрата. Прежде знали объ этой послѣдней еще меньше, нежели теперь; Ницшъ говорилъ, что Ономакрить, мистическій поэтъ и тайный авторъ разныхъ мнимо-древнѣйшихъ предсказаній, жившій при дворѣ Писистратидовъ, едва ли былъ редакторомъ пѣсенъ Гомера, какъ предполагали на основаніи одного намека у древнихъ. Но потомъ Озаннъ и Ричль нашли въ неизданныхъ латинскихъ схоліяхъ на Плавта важное мѣсто, въ которомъ

говорится о редакціи Писистрата и о библиотекѣ Александрійской. Тамъ Ономакрить прямо названъ, вмѣстѣ съ другими тремя лицами, редакторомъ пѣсень Гомера. Вслѣдствіе этого Ницшъ вернулся къ вопросу о писистратовской работѣ въ III-мъ томѣ своихъ примѣчаній къ Одиссеѣ и высказалъ много замѣчательныхъ предположеній. Когда Лахманнъ выступилъ съ своими «Betrachtungen», Ницшъ опровергалъ его. Наконецъ, онъ говорилъ и противъ Кирхгофа. Вообще Ницшъ много сдѣлалъ для объясненія Гомера, и его комментаріи къ Одиссеѣ можно читать съ пользою и даже удовольствіемъ. Въ вопросѣ о самомъ Гомерѣ онъ старался отстранить возраженія противниковъ разными уступками, такъ что противники нѣсколько разъ обращали его оружіе противъ него самого. Онъ утверждалъ, напримѣръ, что Гомеръ воспользовался для своихъ поэмъ прежними отдѣльными пѣснями, такъ что для авторства Гомера оставалось въ его теоріи немного мѣста. Кромѣ того Ницшъ принималъ множество позднѣйшихъ вставокъ, и часто безъ всякой нужды и на весьма шаткихъ основаніяхъ.

Къ числу сторонниковъ единства могутъ быть еще отнесены Беумлейнъ, Гике (Hiecke) и Лерсъ (Lehrs). Лерсъ знаменитъ превосходною книгой «De Aristarchi studiis Homericis» (1-е изданіе: Königsberg 1833). О работахъ древнихъ александрійскихъ ученыхъ надъ Гомеромъ прежде имѣли весьма смутное понятіе, которое сводилось въ сущности къ стиху: *sensor Aristarchus normaque Zenodoti*. Между тѣмъ для насъ очень важно знать, какія пособія были у александрійскихъ ученыхъ, когда они рецензировали текстъ Гомера, и какихъ правилъ держались они въ своихъ критическихъ работахъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія были изданы знаменитыя Венеціанскія схоліи на Гомера, въ которыхъ передано, хотя и изъ вторыхъ рукъ, много примѣчаній Аристарха и другихъ древнихъ. Еще Вольфъ началъ разработку свѣдѣній о древнихъ критикахъ; но всѣ согласны, что Лерсъ первый объяснилъ дѣятельность и методу Аристарха. Лерсъ доказалъ, что Аристархъ не позволялъ себѣ произвольныхъ перемѣнъ въ текстѣ; напротивъ того, онъ старался объяснить существующее чтеніе; Аристархъ изучилъ Гомера основательно и потому могъ защищать его отъ несправедливыхъ нападеній. Уже и древніе ученые находили разныя мѣста въ Гомерѣ неудачными, неприличными и потому позднѣйшими. Но критики,

жившіе раньше Аристарха, напримѣръ, Зинодоть, были слишкомъ поспѣшны въ своихъ приговорахъ о подложности разныхъ стиховъ. Аристархъ доказывалъ, что нѣтъ основаній исключать тѣ или другіе стихи изъ Гомера и что можно иначе объяснить то, что кажется неприличнымъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже выражая свое сомнѣніе въ подлинности стиха или въ вѣрности чтенія, онъ не рѣшался однако же измѣнять или исключать ихъ. Поэтому у Аристарха гораздо меньше подложныхъ стиховъ, чѣмъ у его предшественниковъ. Нельзя не относиться съ уваженіемъ къ дѣятельности Аристарха, особенно если вспомнить о томъ времени, когда онъ жилъ; но было бы странно считать его непогрѣшимымъ, какъ дѣлаеть, напримѣръ, Зенгебушъ. Во второмъ изданіи своего сочиненія, вышедшемъ въ 1865 году, Лерсъ прибавилъ нѣсколько статей на нѣмецкомъ языкѣ, въ которыхъ выражаетъ свое полное несогласіе съ теоріей вольфіанцевъ, смѣется надъ разказами авторовъ позднѣйшей древности о «собираніи Гомера» Писистратомъ и защищаетъ единство поэмъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ Илиаду и Одиссею произведеніями двухъ разныхъ поэтовъ и припимаетъ много интерполяцій. Основанные на эстетическомъ разборѣ доводы вольфіанцевъ, дѣйствительно, оказываются слабыми послѣ опроверженій Лерса; но и доводы Лерса въ пользу мнѣнія, что Илиада и Одиссея принадлежать не одному автору, совершенно незначительны. Лерсъ выводитъ свои заключенія изъ самыхъ пустыхъ различій въ болѣе или менѣе частомъ употребленіи одного рода цезуры въ гекзаметрѣ. И опять тотчасъ же у него являются самыя рѣзкія утвержденія: «was sogleich auf das entschiedenste in die Augen springt», «schwer einem Zweifel unterliegen möchte».

Между приверженцами единства замѣчательнъ Кипе (Kiene) своею теоріей внѣшней симметріи древнихъ поэтическихъ произведеній. Кипе находитъ, что древніе поэты старались внѣшними средствами выяснитъ для слушателей или читателей строеніе своихъ произведеній и группировку частей, такъ что всѣ лучшія произведенія древности строго симметричны какъ въ главныхъ, такъ и во второстепенныхъ частяхъ. Мысль свою Кипе примѣняетъ къ Илиадѣ въ сочиненіи «Ueber die Komposition der Ilias» (Göttingen 1864) и въ статьѣ «Der Schild des Achilleus beim Homer». Philologus, XXV [1867], 577 сл.). Извѣстно, что третья битва

Иліады излагается въ цѣлыхъ восьми книгахъ (XI—XVIII) и богата событіями. Многіе ученые находят это описаніе у Гомера спутаннымъ и указываютъ на разныя противорѣчія. Кине, напротивъ того, показываетъ, что въ описаніи третьей битвы соблюдена строгая симметрія, ибо три раза ахейцы гонятъ троянъ, и три раза трояне ахейцевъ, и даже прилагаетъ чертежъ въ объясненіе колебаній битвы. Это выведено у Кине очень просто и удачно. Точно также Кине видитъ строгую симметрію и въ расположеніи сценъ на шитѣ Ахилла и также объясняетъ дѣло чертежемъ. Между тѣмъ многіе критики находили разныя отдѣльныя сцены цита позднѣйшими вставками, чѣмъ, очевидно, рѣзко нарушали симметрію Кине. Понятно, что ученіе Кине діаметрально противоположно ученію вольфганцевъ: онъ принимаетъ полную цѣлость и единство Иліады. Но, конечно, отыскивать во всѣхъ частяхъ поэмъ такую строгую, основанную на числовыхъ отношеніяхъ симметрію, значить — выходить на скользкую дорогу. Тутъ легко впасть въ мелочность и въ натяжки.

Большая часть ученыхъ не-нѣмецкихъ не приняли теоріи Вольфа. Изъ англичанъ, противниковъ Вольфа, замѣчательны Мюръ (Mure, History of language and literature of ancient Greece) и Гладстонъ (Studies on Homer and the Homeric age, Oxford 1858). Греческіе ученые также высказались рѣшительно противъ критики, разбиравшей драгоценныя поэмы Гомера такими грубыми руками. Напримѣръ, Францъ выразилъ свое полное согласіе съ изслѣдованіями Ницша о началѣ письменности и даже увѣренность, что въ Греціи писали уже и при Гомерѣ (Elementa epigraphices Graecae, 29 сл.).

Иліада и Одиссея драгоценны не только сами по себѣ, по своему несравненному поэтическому достоинству, но также и какъ единственный почти источникъ для древнѣйшей исторіи Греціи, слѣдовательно, для исторіи начала нашей европейской цивилизаціи. Онѣ составляютъ достовѣрный источникъ во всемъ, что касается внутренней жизни, нравовъ и обычаевъ древнѣйшаго времени; о внѣшней исторіи, преимущественно о взаимныхъ отношеніяхъ древнѣйшихъ племенъ и городовъ Греціи, могутъ быть выведены изъ этихъ поэмъ болѣе или менѣе вѣрныя заключенія. Поэтому для исторіи выйдетъ огромная разница отъ того или иного рѣшенія Гомеровскаго вопроса. Если извѣстное мѣсто у Гомера, въ которомъ упоминается

извѣстное политическое состояніе или отношеніе, будетъ признано подложнымъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны признать, что упоминаемый политическій фактъ или принадлежитъ позднѣйшему времени, или совсѣмъ не существовалъ (если, на примѣръ, вставка сдѣлана съ политическою цѣлью). Если мы признаемъ поэмы Гомера простымъ собраніемъ пѣсенъ разныхъ временъ и авторовъ, то тѣмъ самымъ отнимаемъ большую долю значенія у этого историческаго источника. Мы просто не будемъ въ состояніи рѣшить, къ которому времени относится тотъ или другой фактъ, тамъ упоминаемый. Тогда наше незнаніе древняго міра будетъ еще полнѣе, наши сомнѣнія еще многочисленнѣе. Но, конечно, такое соображеніе не должно останавливать критика. Заблужденіе хуже всякаго незнанія и сомнѣнія. Итакъ, первостепенная важность Гомеровскаго вопроса очевидна. Но въ то же время онъ въ высшей степени сложенъ. Всякая тирада Гомера имѣетъ свою исторію и возбудила множество объясненій въ древнее и въ новое время; многія мѣста Гомера послужили темою для позднѣйшихъ работъ поэтовъ и биографовъ и были причиною происхожденія разныхъ народныхъ преданій. Для каждаго такого отдѣльнаго мѣста то или другое рѣшеніе вопроса о происхожденіи поэмъ имѣетъ самое существенное значеніе. Такимъ образомъ оказывается, что съ главнымъ Гомеровскимъ вопросомъ связано множество частныхъ вопросовъ. Въ главномъ Гомеровскомъ вопросѣ можно различить четыре стороны или части: 1) разборъ извѣстій древнихъ писателей о Гомерѣ; 2) исторія гомеровскихъ произведеній и, между прочимъ, разборъ извѣстій древнихъ о Писистратовской редакціи; 3) вопросъ о началѣ письменности, и 4) анализъ внутренняго строенія поэмъ. Постараемся представить сущность дѣла по каждой изъ этихъ частей.

I.

О жизни Гомера древніе рассказываютъ намъ много, гораздо болѣе, нежели о другихъ поэтахъ. Во-первыхъ, до насъ дошло девять маленькихъ древнихъ жизнеописаній Гомера. Восемь изъ нихъ собраны въ книгѣ Вестерманна: *Biographoi. Vitarum scriptores Graeci minores* (Braunschweig 1845). Первая изъ этихъ біографій (у Вестерманна А) написана отъ имени

Иродота, περί τῆς τοῦ Ὁμήρου γενέσεως καὶ βιοτῆς, хотя, очевидно, не принадлежит ему. Позднѣйшій авторъ этого произведенія старался поддѣлаться подъ языкъ Иродота, старался избѣгнуть ссылокъ на какіе-нибудь позднѣйшіе источники, но ссылается, какъ Иродотъ, на рассказы разныхъ городовъ и на небольшія стихотворенія, такъ пазываемыя гомеровскія эпиграммы. Бѣольшая часть его сочиненія построена именно на этихъ стихотвореніяхъ. Въ нихъ встрѣчаются между прочимъ обращенія къ гражданамъ города Кимы, къ экипажу одного судна, къ горшечникамъ. Въ біографіи рассказываются исторіи, которыя должны объяснить эти обращенія; но на самомъ дѣлѣ единственнымъ основаніемъ этихъ анекдотовъ служатъ самыя стихотворенія. Вторая біографія (у Вест. В, у насъ Pseudoplut. А) приписывается Плутарху, хотя, конечно, также не принадлежит ему; третья принадлежитъ Проклу, автору грамматической христоматіи; четвертая, пятая и шестая (у Вест. D, E и F) анонимныя; седьмая—статья въ лексиконѣ Свида; восьмая—«о Гомерѣ и Исидѣ, ихъ родѣ и состязаніи» (certamen); наконецъ, девятая, не помѣщенная у Вестерманна, также какъ и вторая, носитъ на себѣ имя Плутарха (у насъ Pseudoplut. В) и издается въ собраніи его нравственныхъ сочиненій (Moralia). Эти послѣднія восемь біографій приводятъ мнѣнія и рассказы разныхъ древнихъ авторовъ. Кромѣ того для Гомеровскаго вопроса очень важны мѣста нѣсколькихъ отцовъ церкви, которые собирали противорѣчивыя извѣстія древнихъ о Гомерѣ, чтобы показать позднее происхожденіе греческой цивилизаціи и недостоверность древней греческой исторіи въ сравненіи съ глубокою древностью и несомнѣннымъ авторитетомъ Священнаго Писанія. Таковы мѣста у Епифанія, Климента Александрійскаго и Татіана, собранныя и приведенныя цѣликомъ въ первой гомеровской диссертациі Зенгебуша. Наконецъ, у многихъ древнихъ писателей встрѣчаются разныя отрывочныя свѣдѣнія о Гомерѣ или о его произведеніяхъ. Изъ всѣхъ этихъ источниковъ мы узнаемъ множество самыхъ противорѣчивыхъ рассказовъ о времени и обстоятельствахъ жизни Гомера. Масса самыхъ разнообразныхъ показаній съ перваго раза совершенно сбиваетъ изслѣдователя съ толку. Все дѣло кажется безнадежною путаницей и сборомъ нелѣпыхъ басенъ. Вотъ, на примѣръ, чтò говоритъ Сvida:

„Поэтъ Гомеръ былъ сынъ Мелита, рѣки смирской, и Криейды; по другимъ, сынъ Аполлона и музы Калліопы; по словамъ историка Харака, сынъ Меона или Митія и Евмитиды; по инымъ, сынъ Тилемаха, сына Одиссеева, и Поликасты, дочери Нестора.... Иные считаютъ его смиренйцемъ, иные хіосцомъ, иные колофонцемъ, иные іотомъ (то-есть, съ острова Юса), иные кимейцемъ, иные изъ троянскаго мѣстечка Коикрей, иные лидйцемъ, иные аеиняниномъ, иные ивакййцемъ, иные кипріотомъ, иные саламинцемъ, иные кносійцемъ, иные микинейцемъ, иные египтяниномъ, иные ессалійцемъ, иные италіотомъ, иные луканомъ, иные гринйцемъ, иные римляниномъ, иные родосцемъ“.

Касательно времени жизни Гомера разница показаній доходитъ до громаднхъ размѣровъ. Діонисій Киклогграфъ считалъ Гомера современникомъ похода Семи вождей противъ Оивъ, а равно и Троянской войны, а Аристархъ и другіе— современникомъ переселенія іонійцевъ въ Малую Азію (1044 годъ до Р. Х. по обыкновенному счету): Иродотъ думалъ, что Гомеръ жилъ за 400 лѣтъ до его времени, слѣдовательно, въ IX вѣкѣ; если же вѣрить тѣмъ, которые считали Аристея Прокопнсскаго учителемъ Гомера, то Гомеръ жилъ въ срединѣ VI вѣка, при Кирѣ и Крезѣ! Такимъ образомъ разница между этими эпохами простирается на семьсотъ лѣтъ. Очевидно, что такія противорѣчія прямо свидѣлствуютъ о незнааніи истины; и дѣйствительно, сами древніе сознавались въ томъ, что о жизни Гомера трудно сказать что-либо достовѣрное (см., напримѣръ, *Procli vita Homeri*). Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы могли просто отбросить всѣ свидѣтельства древнихъ о Гомерѣ, какъ никуда негодныя. Какъ бы ни были эти рассказы баснословны, нелѣпы и противорѣчивы, все-таки они не могли произойти безъ какой-либо причины. Весьма желательно было бы знать, откуда древніе писатели взяли то или другое свѣдѣніе, на какомъ основаніи относятъ они Гомера къ тому или иному времени. Когда мы внимательно перечитываемъ всѣ дошедшія до насъ извѣстія о Гомерѣ, то видимъ, что нѣкоторые изъ нихъ похожи на народныя преданія, а другія на догадки позднѣйшихъ писателей. Но трудно опредѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ, къ какому разряду относится то или другое извѣстіе. Кто въ подобныхъ случаяхъ слишкомъ поспѣшно высказываетъ свое рѣшеніе (какъ это нерѣдко дѣлаютъ новые ученые), тотъ неизбѣжно впадаетъ въ ошибки. Необходимо строго взвѣшивать всякое извѣстіе, добиваться, откуда оно взято, и не увлекаться первымъ понав-

шимся сближеніемъ. Древніе писатели слѣдовали въ своихъ выводахъ соображеніямъ особаго рода; наука въ то время была еще въ зародышѣ; осторожности и строгой методы нельзя и требовать отъ древнихъ. Внѣшняя связь нѣсколькихъ разсказовъ, хотя бы происшедшихъ изъ совершенно различныхъ источниковъ и сложившихся по совершенно различнымъ поводамъ, была для нихъ достаточна, чтобы соединять эти разсказы, приводить въ согласіе и строить на основаніи ихъ свой собственный историческій разсказъ. Ихъ выводы нерѣдко могутъ быть названы дѣтскими. При разборѣ извѣстій большей части древнихъ писателей, а особенно писателей позднѣйшей древности, необходимо постоянно помнить, что имѣешь дѣло съ людьми, стоящими на степени весьма незначительной еще научной опытности. Очень легко каждое извѣстіе древнихъ принимать такъ, какъ будто бы они строго извѣшивали каждое свое слово, папирать на ихъ выраженія и, сопоставляя нѣсколько свидѣтельствъ, выводить изъ нихъ свои соображенія такъ, чтобы не стать въ противорѣчіе ни съ однимъ словомъ извѣстій; подобнымъ образомъ часто дѣлаютъ ученые; но не будетъ ли это именно то дѣтское отношеніе къ разбору фактовъ, которые мы находимъ у древнихъ? Извѣстія о жизни и сочиненіяхъ Гомера прошли цѣлыя столѣтія, прежде чѣмъ явились въ той формѣ, въ которой мы ихъ имѣемъ. Понятно, что въ теченіе такого долгаго времени они могли подвергаться различнымъ измѣненіямъ по разнымъ причинамъ и принимать разныя формы. То, что было первоначально простою комбинаціей, простымъ соображеніемъ какого-нибудь отдѣльнаго лица, могло быть принято на вѣру жителями какого-нибудь города (потому что льстило ихъ мѣстному патріотизму), стало городскимъ преданіемъ и явилось къ намъ въ этой формѣ. И наоборотъ, то, что кажется комбинаціей, первоначально могло быть преданіемъ. Но пора обратиться къ разбору самихъ извѣстій.

Смирну считалъ родиною Гомера, между прочимъ, Стисимвротъ васійскій, одинъ изъ древнѣйшихъ объяснителей Гомера (Vita F). Басня о рожденіи поэта отъ смирской рѣки Мелиты и дѣвы или нимфы Кривоиды всего чаще повторяется у древнихъ писателей въ разсказахъ о Гомерѣ (Vita D, Vita E, Suidas, Certamen, Pseudoplutarchi vita B, Philostrat. Imag. II, 8 и др.; у Pseudoherodot., Pseudoplut. A и Прокла въ суц-

ности та же басня передается въ формѣ, свойственной собственно историческимъ событіямъ). Гомеръ назывался поэтоу Мелисигеномъ. Древніе охотно указывали на то, что Мелитъ напоминаетъ своимъ именемъ медь и рѣчи Гомера, которыя слаще меда. Можетъ быть, это созвучіе до нѣкоторой степени и помогло смирнскому разсказу одержать верхъ надъ другими и распространиться. Филостратъ описываетъ картину, предметомъ которой была любовь рѣки Мелита и Кривоиды. Тамъ, между прочимъ, были изображены музы. «Зачѣмъ?» спрашиваетъ Филостратъ и отвѣчаетъ: «Когда аоняне отправлялись въ іонійское переселеніе, музы въ видѣ пчелъ вели флотъ ихъ. Онѣ радовались Іоніи изъ-за Мелита. Теперь музы прыдуть по опредѣленію судебъ рожденіе Гомеру» (Imag. II, 8). Музы являются въ преданіи передъ флотомъ іонійскимъ именно потому, что въ Іоніи долженъ родиться величайшій поэтъ Гомеръ. Отношеніе къ рѣкѣ Мелиту очевидно во всемъ разсказѣ Филострата и, въ частности, въ самыхъ пчелахъ, подъ видомъ которыхъ (ἐν εἰδὲι μελιττῶν) являются музы. Замѣтимъ этотъ фактъ для послѣдующаго разбора мнѣній Зенгебуша. Многіе города изъявляли притязаніе на честь считаться родиной Гомера. Мы видѣли, сколько разныхъ родицъ Гомера насчитываетъ Свидя. Исчисленіе ихъ служило одною изъ любимыхъ темъ для древнихъ стихотворцевъ (ср. Anthol. Palat. VII, 5; Anthol. Planud. IV, 283—299). Но преимущество Смирны видно уже изъ того, что другіе города связывали свои разсказы съ преданіемъ смирнскимъ. Вотъ что разсказываетъ лже-Иродотъ:

„При основаніи Кимы эолійской собрались въ нее люди изъ разныхъ племенъ греческихъ и, между прочимъ, нѣкто Меланопъ, изъ еессалійской Магнисіи. У него въ Кимѣ родилась дочь Кривоида. Умирая, Меланопъ поручилъ Кривоиду своему другу Клеанакту. Отъ тайной связи Кривоида стала беременою; Клеанактъ, чтобы скрыть это отъ гражданъ, отослалъ ее къ своему другу Исминію, который участвовалъ въ колоніи кимейской, строившей въ то время городъ Смирну. Тамъ Кривоида, вышедши во время одного праздника съ другими женщинами изъ города, родила на рѣкѣ Мелитѣ сына и назвала его Мелисигеномъ. Потомъ она вышла замужъ за Фимію, который училъ дѣтей грамотѣ и музыкѣ. Мелисигенъ скоро превзошелъ своихъ товарищей и сравнялся съ Фиміемъ. Послѣ смерти Фиміи Мелисигенъ наслѣдовалъ его состояніе. Онъ познакомился съ Ментомъ, хозяиномъ корабля, происходившимъ изъ Левкады или окрестныхъ странъ (ἀπὸ τῶν περὶ Λευκάδα τόπων), отправился съ нимъ путешествовать, былъ на Иеакѣ, познакомился съ Менторомъ иеакійцемъ, узналъ отъ него много объ Одиссеевѣ, вернулся въ Мелитѣ

Азію, ослѣпъ въ Колофонѣ и возвратился въ Смирну, гдѣ сталъ заниматься поэзіей. Гомеромъ назвали его потому, что на кимейскомъ діалектѣ *ἄμυρος* значитъ „слѣпой“.

Затѣмъ въ біографіи разсказываются пустые и нисколько не занимательные анекдоты о разныхъ странствованіяхъ Гомера, причѣмъ канвою служатъ маленькія гомеровскія стихотворенія. Въ заключеніе авторъ даетъ такое хронологическое опредѣленіе: «Отъ похода на Иліонъ до заселенія Лесвоса 130 лѣтъ; отъ заселенія Лесвоса до основанія Кимы эолийской или фрикоидской 20 лѣтъ; отъ основанія Кимы до основанія Смирны кимейцами 18 лѣтъ: въ это время родился Гомеръ. Отъ рожденія Гомера до похода Ксеркса въ Грецію 622 года; отъ Троянской войны до рожденія Гомера 168 лѣтъ». Итакъ, походъ на Трою начался, по мнѣнію лже-Иродота, въ 1270 году до Р. Х., тогда какъ общепринятая эратосееновская эра Троянская есть 1194—1184 года. Если перевести данное лже-Иродота на эратосееновскую эру, то годомъ рожденія Гомера окажется 1026 годъ. Историкъ Ефоръ, бывшій родомъ изъ Кимы, также доказывалъ, что Гомеръ былъ кимеецъ. Разсказъ Ефора о рожденіи Гомера сходенъ, за неважными исключеніями, съ разсказомъ лже-Иродота: какъ и въ семъ послѣднемъ, у Ефора рожденіе Гомера происходитъ на рѣкѣ Мелитѣ, слѣдовательно, въ Смирнѣ. Ефоръ кромѣ того связываетъ родословную Гомера съ родословною Исіода; по словамъ Ефора, Мэонъ, отецъ Гомера, и Дій, отецъ Исіода, были родные братья (*Pseudoplut. vitæ A et B*). Ефоръ производилъ родъ Гомера отъ Харифима, одного изъ основателей Кимы. Кимейцемъ считалъ Гомера и историкъ Иппія (*vita F*). Такимъ образомъ, притязанія Кимы ограничиваются матерью и предками Гомера. Что же касается Мента, Ментора, Фимія и другихъ лицъ, встрѣчающихся въ разсказѣ лже-Иродота и взятыхъ изъ поэмъ Гомера, то здѣсь видимъ мы примѣры позднѣйшихъ «соображеній». Вѣроятно, думали иные, поэтъ, выставляя разныхъ, по преданіямъ неизвѣстныхъ людей, не выдумывалъ отъ себя, но выводилъ своихъ знакомыхъ, друзей и благодѣтелей и этимъ самымъ доставлялъ имъ безсмертную славу. Замѣчательно, что историкъ Ефоръ также дѣлаетъ Фимія, пѣвца жениховъ Пепелопы, отчимомъ Гомера.

Въ связи со смирнскимъ мѣстомъ является и мѣсто Іоса. Аристотель разсказывалъ, что на островѣ Іосѣ въ то время,

когда Нилей, сынъ Кодра, велъ іонійскихъ переселенцевъ въ Малую Азію, одна дѣва, по имени Кривоіида (или Климена, ср. Pausan. X, 24,2), вошла въ связь съ какимъ-то божествомъ изъ хоравада музъ; беременная, она ушла въ мѣстечко Эгину; оттуда разбойники похитили ее и привезли въ Смирну, которая находилась тогда подъ властію Маона, царя лидійцевъ; Маону они и отдали свою плѣнницу; тамъ, на рѣкѣ Мелитѣ, Кривоіида родила Гомера (Pseudoplut. A). Кромѣ того, іиты показывали гробницу Гомера съ надписью, и существовало очень распространенное сказаніе о смерти Гомера на ихъ островѣ (оно повторяется почти во всѣхъ біографіяхъ). Итакъ, преданіе о Мелитѣ и Кривоидѣ является и въ сказкахъ кимейцевъ, и въ сказкахъ іитовъ. Вѣроятно, оно составилось въ очень древнее время, гораздо раньше Ефора и Аристотеля, которые уже сообщаютъ преданія другихъ городовъ, примкнувшія къ преданію смирнскому. Но все-таки это только народное преданіе, неизвѣстно на какомъ основаніи и по какимъ поводамъ сложившееся. Смирнейцы не имѣли никакихъ вѣрныхъ извѣстій о жизни Гомера. Если бы смирнейцы могли доказать, что Гомеръ родился и жилъ въ ихъ городѣ, не было бы такого разногласія между позднѣйшими, и ссылки ихъ не ограничивались бы одною сказкой о Мелитѣ и Кривоидѣ. Нѣкоторые города стали присвоивать себѣ Гомера, потому что въ нихъ были сочинены разныя поэтическія произведенія, которыя также приписывались Гомеру. Такъ, Ѳуклидидъ считалъ Гомера хіосцемъ на основаніи гомеровскаго гимна Аполлону, который онъ приписываетъ Гомеру безъ всякаго затрудненія (III, 104). Самъ авторъ гимна называетъ себя хіосцемъ. Симопидъ называлъ Гомера хіосцемъ, Пиндаръ — то хіосцемъ, то смирнейцемъ (Pseudoplut. B, Vita E, Vita F). Апаксименъ, Дамастъ, Теокрытъ также считали Гомера хіосцемъ (Theocrit. Idyll. VII, 47, Vita F). Незвѣстные намъ писатели Евэименъ и Архемахъ говорили, что Гомеръ былъ современникомъ Исіода и жилъ на Хіосѣ двѣсти лѣтъ спустя послѣ паденія Трои (Clemens). Въ пользу Хіоса говорило также то обстоятельство, что на этомъ островѣ существовалъ родъ Гомеридовъ, изъ котораго произошелъ будто бы Гомеръ (Certamen). О Гомеридахъ хіосскихъ намъ говоритъ и Арпократіонъ въ своемъ словарѣ къ десяти ораторамъ въ статьѣ *Ὀμηρίδαι*. Исократъ упоминалъ о Гомеридахъ, и изъ его словъ

(Епсом. *Нелене*, 65) видно, что подъ Гомеридами онъ разумѣлъ людей, изучавшихъ Гомера, или любителей поэта. Арпократіонъ замѣчаетъ къ мѣсту Исократъ: «Гомериды—родъ въ Хіосѣ, получившій имя отъ поэта, по словамъ Акусилая въ 3-й книгѣ и Елланака въ «Атлантидѣ». Селевкъ во второй книгѣ жизнеописаній говоритъ, что Кратитъ ошибается, когда считаетъ Гомеридовъ потомками поэта. Селевкъ думаетъ, что они происходятъ отъ заложниковъ, взаимно данныхъ нѣкогда женщинами и мужчинами хіосскими послѣ одной ссоры»¹⁾. Пиндаръ (*Нем.* II, 1) упоминаетъ о Гомеридахъ, какъ о поэтахъ или пѣвцахъ (рапсодахъ). Схولیастъ Пиндара замѣчаетъ: «Прежде называли Гомеридами людей, которые происходили изъ рода Гомера и пѣли его поэмы, передавал ихъ другъ другу (то-есть, изъ поколѣнія въ поколѣніе), а потомъ стали такъ называться и рапсоды, не происходившіе отъ Гомера». Это весьма замѣчательное мѣсто есть единственное, гдѣ говорится о преемствѣ храненія гомеровскихъ поэмъ въ родѣ или въ школѣ пѣвцовъ, которые называли себя Гомеридами. Платонъ въ разговорѣ «*Юнъ*» (р. 530 D) употребляетъ имя Гомеридовъ такъ же, какъ Исократъ, въ смыслѣ цѣпителей Гомера²⁾. Всѣ эти извѣстія, нельзя не сознаться, весьма скудны, а между тѣмъ предметъ, котораго они касаются, въ высшей степени важный и любопытный. Желательно было бы знать въ подробности, каковы были школы рапсодовъ, изучавшихъ гомеровскія произведенія, какъ рапсоды хранили и передавали поэмы Гомера, насколько добросовѣстно или осторожно относились они къ своему сокровищу, и, наконецъ, насколько они сами были поэтами, и какъ создалось множество мелкихъ такъ называемыхъ гомеровскихъ стихотвореній (гимновъ, эпиграммъ и шуточныхъ поэмъ). Но такихъ извѣстій у насъ нѣтъ, и мы можемъ только предположить съ вѣроятностью, что на Хіосѣ была школа гомеровскихъ пѣвцовъ.

Колофонцы показывали въ защиту своихъ правъ на Го-

¹⁾ Вторую половину статьи Арпократіона я привелъ здѣсь въ извлеченіи.

²⁾ Также *Republ.* X, p. 599 E. Въ мѣстѣ Фэдра (p. 252 B) слово „Гомериды“ можетъ быть принято въ смыслѣ поэтовъ, писавшихъ гекзаметромъ, и именно поэтовъ древняго эпического кикла, такъ что другіе древніе, можетъ быть, приписали бы стихи, приводимые Платономъ, самому Гомеру.

мера мѣсто, гдѣ Гомеръ будто бы училъ дѣтей, гдѣ онъ началъ сочинять свои произведенія и прежде всего сочинилъ «Маргита» (Certamen). Маргитомъ называлась шуточная поэма, описывавшая приключенія одного безтолковаго и безталаннаго человѣка, «который много зналъ, но все зналъ плохо». Маргитъ начинался словами: «Припелъ въ Колофонъ старый и святой пѣвецъ, служитель музъ и дальнометнаго Аполлона, держа въ рукахъ звонкую лиру» (Atilius Fortunatianus, *Ars metrica* въ собраніи Гайсфорда *Scriptores latini rei metricae*, p. 342). Можно принять, что Маргитъ сочиненъ въ Колофонѣ; но принадлежитъ ли это произведеніе тому поэту, который создалъ Иліаду и Одиссею? Аристотель изъ большихъ поэмъ, составлявшихъ впоследствии эпическій киклъ, считаетъ принадлежащими Гомеру только Иліаду и Одиссею; онъ прямо приписываетъ другимъ авторамъ разныя киклическія поэмы, напримѣръ, «Кипрскія пѣсни», «Малую Иліаду» (*Poetic.* 23). Но Маргита приписываетъ онъ Гомеру и цѣнитъ очень высоко (с. 4). Однако другіе приписывали Маргита вмѣстѣ съ «Войной мышей и лягушекъ» Пигриту аликарпасскому, брату царицы Артемисіи, прославившейся въ войнѣ персовъ съ греками, слѣдовательно, жившему въ началѣ V вѣка. Говорятъ, что Пигритъ послѣ каждаго гекзаметра Иліады поставилъ по пентаметру (Suidas, v. Πίγρης). Замѣчательно, что изъ трехъ сохранившихся стиховъ начала Маргита, первые два—гекзаметры, а третій—ямбическій триметръ. Лауеръ думаетъ, что Пигритъ не написалъ Маргита, но только передѣлалъ и вставилъ эти ямбы (*Gesch. der homerischen Poesie*, 100); однако это только предположеніе. Аристотелю, по крайней мѣрѣ, не было извѣстно, что Маргитъ подвергался передѣлкамъ. Онъ говоритъ, что въ Маргитѣ является у Гомера ямбъ, какъ метръ, наиболѣе подходящій къ элементу комизма. Но ямбъ—размѣръ позднѣйшій, и уже по одному этому нельзя приписывать Маргита поэту Иліады и Одиссея. Колофонцемъ считали Гомера Антимахъ и Никандръ, оба колофонцы родомъ (Pseudoplut. B; см. также стихотвореніе *οἰὰ Μέλητος* κτλ. apud Pseudoplut. A).

На Самосѣ, какъ рассказываютъ, Гомеръ подружился съ Креофиломъ, жилъ у него, выдалъ за него свою дочь и подарилъ ему свою поэму «Взятіе Ихаліи», которую Креофилъ и выдалъ подъ своимъ именемъ (Suidas, v. Κρεώφυλος; Plat.

Republ. X, p. 600 B; Scholia Plat., vol. VI, p. 361 изданія Платона Германна; Strab. XIV, p. 891). Прокль и «Состязаніе» помѣщаютъ Креофила на Іосѣ. Свидя говоритъ: Χῖος ἢ Σάμιος. Но родъ Креофила древніе помѣщаютъ только на Самосѣ. Евритъ, знаменитый стрѣлокъ, царь Ихалии, города еессалійскаго (II. II, 730; по другимъ этолійскаго), отказалъ Ираклу въ рукѣ своей дочери Іолы; Иракль взялъ Ихалию, убилъ Еврита и полонилъ Іолу. Разсказъ этого мионическаго событія составлялъ содержаніе поэмы. Другіе, и между ними Каллимахъ, говорили, что «Взятіе Ихалии» написано Креофиломъ и несправедливо приписывается Гомеру (Strabo). На Самосѣ существовалъ долгое время родъ Креофила. Отъ потомковъ Креофила знаменитый Ликурзь спартанскій взялъ, какъ рассказываютъ, гомеровскія поэмы и привезъ ихъ въ Целоппонисъ (Heraclid. Pont. Pol. 2. Plutarch. Lycurg. 4). Такимъ образомъ и на Самосѣ мы видимъ родъ, сохраняющій поэмы Гомера, вѣроятно, родъ или школу рапсодовъ. Правда, разсказы о путешествіяхъ Ликурга вообще, и о прибытіи его въ Малую Азію въ частности, вовсе недостоверны и, по всей вѣроятности, даже просто выдуманы; но извѣстія о родѣ Креофила не связаны неразрывно съ путешествіемъ Ликурга и кромѣ того не заключаютъ въ себѣ ничего невѣроятнаго или нелѣпаго. Было мнѣніе, что Ликурзь на Самосѣ видѣлся съ самимъ Гомеромъ (Plutarch. Lyc. 1).

Рапсоды пѣли произведенія Гомера и другихъ поэтовъ на праздникахъ, въ болѣе древнее время, и на пирахъ; это было ихъ занятіе, ихъ способъ жизни. Они изучали Гомера основательно и разносторонне, благоговѣли предъ нимъ (см. «Іонъ» Платона). Понятно, что въ городскихъ школахъ рапсодовъ могли образоваться преданія о томъ, какъ Гомеръ былъ въ ихъ городѣ, о связяхъ Гомера съ ихъ родоначальникомъ или основателемъ ихъ школы, все равно — былъ ли этотъ родоначальникъ лицо историческое или мионическое. Понятно также, какъ могло образоваться преданіе о томъ, что Ликурзь привезъ сочиненія Гомера. Гомеръ былъ въ большомъ уваженіи у спартанцевъ, а всѣ свои учрежденія и обычаи спартанцы привыкли приписывать Ликургу. Наконецъ, свиданіе такихъ двухъ великихъ личностей, какъ Ликурзь и Гомеръ, представляло фантазіи заманчивую сцену.

На Кипрѣ были также любопытные разсказы. Саламинцы

кипрскіе (а можетъ быть, также и другіе кипріоты—Suidas) говорили, что Гомеръ родился на Кипрѣ, что мать его звали Ѳемиста, что древній кипрскій поэтъ Евклъ предсказалъ его рожденіе (Eriphanus; Cicero pro Archia, 8; Anthol. Pal. VII, 5; Anthol. Plan. IV, 299; объ Евклѣ Pausan. X, 12, 24; Татіанъ говоритъ, что Евклъ былъ древнѣе Гомера, см. Oratio ad Græc. 41). Рассказывали также, что за кипріота Стасива Гомеръ выдалъ свою дочь Арсифону и въ приданое далъ «Кипрскія пѣсни», поэму, въ которой описывались событія, предшествовавшія событіямъ Иліады (Tzet. Chil. XIII, 634 сл.). Здѣсь мы видимъ то же отношеніе Гомера къ Стасину, какъ на Самосѣ къ Креофилу. О времени, когда жилъ Стасинъ, мы рѣшительно ничего не знаемъ. Обыкновенно «Кипрскія пѣсни» приписываютъ самому Стасину (напримѣръ, Schol. in II. I, 5).

О рожденіи Гомера въ Аѳинахъ собственно, насколько мы можемъ видѣть по дошедшимъ извѣстіямъ, не было никакого преданія. Всего проще выраженъ характеръ аѳинскихъ притязаній на Гомера въ стихотвореніи о Писистратѣ: «Гомеръ былъ нашъ гражданинъ, если правда, что мы, аѳиняне, основали Смирну» (Vitæ D, E). По обыкновенному преданію, іонійцы вышли въ Малую Азію именно изъ Аѳинъ. Между писателями, производившими Гомера изъ Аѳинъ, первое мѣсто занимаетъ Аристархъ, знаменитый критикъ Гомера (Pseudoplut. B, Vita E и мн. др.). Мы обязаны съ особеннымъ вниманіемъ относиться къ мнѣніямъ Аристарха, потому что онъ не выставлялъ никогда легкомысленныхъ предположеній. Въ данномъ случаѣ мы также можемъ, кажется, усмотрѣть, на чемъ именно основывался Аристархъ. Онъ находилъ въ языкѣ Гомера сходство съ аттическимъ діалектомъ и въ обычаяхъ, описываемыхъ у Гомера, обычаи аттическіе (Schol. in II. II, 371; XIII, 197. 827). Нѣкоторые полагали, что Гомеръ жилъ во время іонійскаго переселенія; Аристархъ примкнулъ къ этому мнѣнію и вмѣстѣ съ тѣмъ не отказался отъ Іоніи: Гомеръ, по его мнѣнію, родился въ Аѳинахъ и переселился въ Малую Азію во время общаго движенія іонійцевъ (Clemens). Почему же Аристарху такъ необходимо было все-таки признать переселеніе Гомера въ Малую Азію? Вѣроятно потому, что мнѣніе о происхожденіи Иліады и Одиссеи въ Малой Азіи укоренилось уже слишкомъ сильно. Стоять

за аттическое происхожденіе Гомера побудило Аристарха, вѣроятно, еще и то обстоятельство, что нѣкоторые древніе думали видѣть въ пѣсняхъ Гомера эолійскій діалектъ и считали Гомера эолійцемъ, такъ какъ Смирна, по преданію кимейцевъ, была основана первоначально изъ Кимы эолійской. Аристархъ считалъ такой взглядъ на языкъ Гомера совершенно невѣрнымъ и собиралъ доводы въ опроверженіе мнимаго эолизма Гомера (см., напримѣръ, Schol. in II. XVI, 856). Если бы Аристарху удалось доказать, что Гомеръ былъ іоніецъ и родился въ Аоинахъ, центрѣ іонизма, тогда бы объ эолійскомъ діалектѣ не могло быть и рѣчи. Съ другой стороны, малоазійскія преданія о рожденіи Гомера, какъ мы уже видѣли, вовсе не отличались достовѣрностью, такъ что Аристарху нетрудно было, до нѣкоторой степени, отступить отъ нихъ. Но по свойственной ему осторожности, онъ сдѣлалъ уступку въ томъ, что послалъ Гомера изъ Аоинъ въ Малую Азію. Есть у древнихъ и еще нѣсколько указаній на отношеніе Гомера къ Аоинамъ. Во-первыхъ, авторъ «Состязанія Гомера съ Исиодомъ» говоритъ, что Гомеръ пріѣхалъ однажды въ Аоины и пользовался гостепримствомъ Медонта, царя аоинскаго; но рядомъ съ этимъ рассказывается столько самыхъ пустыхъ сказокъ, что, безъ всякаго сомнѣнія, и этотъ рассказъ относится къ ихъ же числу. Во-вторыхъ, Діодоръ (III, 67) называетъ Пронапида, котораго считали аоиняниномъ, учителемъ Гомера; но самъ Пронапидъ совершенно мифическое лицо и принадлежитъ къ мнимо-древнимъ поэтамъ въ родѣ Орфея и Мусэя; объ этихъ до-гомеровскихъ поэтахъ, учителяхъ Гомера, мы скажемъ ниже. Въ-третьихъ, рассказывали, что аоиняне объявили Гомера безумствующимъ и наложили на него штрафъ въ 50 драхмъ (Heraclid. ap. Diog. Laert. II, 43; Діонъ Хрисостомъ, or. XLVII, vol. II, p. 222 Reiske, p. 524 Morelli, p. 130 Dindorf, говоритъ о 25-ти драхмахъ; его мѣсто неясно и, кажется, испорчено). Нелѣпость этой басни видна уже изъ того, что она заставляетъ Гомера платить драхмами въ то время, когда еще не было драхмъ. Выдумали ее отъ того, что любили упрекать аоинянъ въ неблагодарности къ ихъ знаменитымъ согражданамъ. Именно, какъ примѣръ такой неблагодарности аоинянъ, этотъ анекдотъ и приводится у Діогена Лаертскаго; позднѣйшее происхожденіе этой басни очевидно.

Мы видѣли сказанія о связи Гомера съ Креофиломъ и

Стасиномъ. Въ древнее время ходило много рассказовъ объ отношеніяхъ Гомера къ другимъ поэтамъ. Извѣстна исторія о состязаніи Гомера съ Исіодомъ въ Халкидѣ. Исіодъ рассказываетъ въ «Трудахъ и Дняхъ» (648 сл.), что онъ ѣздилъ въ Халкиду на состязаніи по царѣ Амфидамантѣ и одержалъ побѣду своимъ гимномъ. Изъ этого позднѣйшее вывели цѣлую исторію о поэтическомъ состязаніи Исіода съ Гомеромъ и о томъ, по какимъ причинамъ предсѣдатель состязаній отдалъ преимущество Исіоду. Есть, какъ мы видѣли, цѣлое сочиненіе объ этой борьбѣ. Прокль (въ жизни Гомера) съ презрѣніемъ отзывается объ изобрѣтателяхъ этой сказки. Иные думали, что Гомеръ древнѣе Исіода; иные считали обоихъ поэтовъ современниками; другіе, напротивъ того, предполагали Исіода болѣе древнимъ (*Procli vita Hesiodi* и др.). Наконецъ, признавали Гомера и Исіода родственниками, двоюродными братьями (см. выше). Приводили также Гомера въ отношенія къ Орфею и другимъ поэтамъ этого круга. Въ біографіяхъ сохранились родословныя, въ которыхъ производятъ Гомера отъ Лина въ двѣнадцатомъ поколѣніи и отъ Орфея въ девятомъ (*Suidas, Certamon*). Тутъ предками Гомера являются лица съ очень звучными именами, прямо указывающими на поэзію и мудрость (въ родѣ Армонида, Филотерпа, Евфима, Эпифрада и пр.). Подобнымъ мифическимъ предшественникомъ Гомера является на Кипрѣ Евклъ. Но весьма замѣчательно, что иные ставили Гомера позже даже Аристея проконнискаго и Фалита критскаго. Аристей загадочное лицо. Иродотъ помѣщаетъ его болѣе чѣмъ за 340 лѣтъ до своего времени (насколько больше — мы не знаемъ), такъ что Аристей жилъ, если вѣрить Иродоту, въ IX вѣкѣ (*Herodot. IV, 14*). Между тѣмъ, по другимъ извѣстіямъ, онъ современникъ Кира и Креза и жилъ въ VI вѣкѣ (*Suidas*). Фалитъ, какъ можно вывести изъ разныхъ мѣстъ сочиненія Плутарха «о музыкѣ», жилъ во второй половинѣ VII вѣка. Между тѣмъ какого-то Фалита, вѣроятно того же самаго, Димитрій магнитъ называетъ современникомъ Гомера, а Свида даже болѣе древнимъ, чѣмъ Гомеръ (*Diog. Laert. I, 38; Suidas, v. Θαλήτας*). Какъ объяснить такіе анахронизмы? Не потому же говорили такъ древніе, что имъ просто вадумалось такъ ни съ того, ни съ сего.

Накопецъ, вотъ разногласица древнихъ авторовъ о времени жизни Гомера:

Діонисій Киклографъ помѣщаетъ Гомера во время войнъ Оивейской и Троянской (*Procli vita Hesiodi*). Грамматикъ Кратитъ—вскорѣ послѣ Троянской войны, еще до вторженія Ираклидовъ въ Пелопоннись (*Clemens, Tatianus, Pseudoplut. V, vita F*). Къ Кратиту подходятъ мнѣнія неизвѣстныхъ писателей у Филострата, относящія Гомера ко времени паденія Трои или 24 года послѣ того (*Philostrat. Her. I, 12. 19, 3*); также мнѣніе неизвѣстныхъ писателей у Евсевія (подъ 853 годомъ Авраама у Иеронима, изд. Schönö, — 17 лѣтъ послѣ взятія Трои)—въ то время, какъ Орестъ убилъ Пирра.

Неизвѣстные въ первой лже-плутарховской биографіи — 100 лѣтъ послѣ паденія Трои, за 1084 года до Р. X.

Аристархъ и нѣкоторые другіе — во время іонійскаго переселенія, за 1044 года (*Hieronum. ann. 978 Авраама; Aristot. ar. Pseudoplut.; Аноним. ар. Philostr. Her. 19, 3 etc.*).

Лже-Иродотъ — 168 лѣтъ послѣ начала Троянскаго похода, по обыкновенному счету въ 1026 году. Къ нему приближается опредѣленіе неизвѣстныхъ у Свида (160 лѣтъ послѣ паденія Трои) и др. Нѣкоторые—во время Лавота, царя спартанскаго, въ 165 годъ послѣ паденія Трои, около 1019 года до Р. X. (*Cyrill. adv. Julian. p. 11; D. Hieronum. ann. 998*); слѣдовательно, и это опредѣленіе подходитъ къ опредѣленію лже-Иродота.

Филохоръ — 180 лѣтъ послѣ паденія Трои, 1004 годъ (*vita F, Clemens, Tatianus*). Неизвѣстные у Прокла (*vita Hesiodi*) въ концѣ царствованія Архиппа въ Аоинахъ. Архиппъ умеръ, по Иерониму, въ 995 году.

Евемень и Архемахъ — 200 лѣтъ послѣ взятія Трои, около 984 года (*Clemens*).

Ератосеень и Аполлодоръ — 100 лѣтъ послѣ іонійскаго переселенія, около 944 года (*Vita F, Clemens, Tatianus*).

Неизвѣстные у Цицерона (*De her. II, 10*) — 30 годами старше старшаго Ликурга, за 138 лѣтъ до первой олимпіады, около 914 года. То же самое опредѣленіе принято и другими латинскими авторами, напримѣръ, Веллеемъ (*I, 5*). Сюда же относится мнѣніе нѣкоторыхъ, что Гомеръ жилъ восемь поколѣній спустя послѣ Трои (*Philostr. Her. I, 12*). Сюда же можно отнести дату Порфірія, за 132 года до первой олимпіады, то-есть, 908 годъ (*Suidas*), и паросскаго надписи (*Marmor Parium*), въ 907 году.

Сосивій лакедемонянинъ — въ 8-й годъ Харилла, царя спартанскаго, 876 годъ (Clemens).

Иродотъ — за 400 лѣтъ до своего времени, въ IX вѣкѣ (II, 53).

Неизвѣстные у Свида — за 57 лѣтъ до первой олимпіады, 833 годъ.

Евфоріонъ — при Гигесѣ лидійскомъ, слѣдовательно въ концѣ VIII и началѣ VII вѣка (Clemens). Сюда же относятся всѣ тѣ, которые дѣлали Гомера современникомъ Архилоха (Tatianus).

Θεοпомпъ — 500 лѣтъ послѣ начала Троянскаго похода, 694 годъ (Clemens).

Не считаю тѣхъ, которые ставили разныхъ позднихъ поэтовъ древнѣе Гомера, потому что, по моему мнѣнію, тутъ никакъ нельзя искать хронологическихъ опредѣленій, да и не изъ-за хронологическихъ соображеній появлялись такія мнѣнія. Какимъ же образомъ произошла такая огромная разница въ мнѣніяхъ?

Изъ новыхъ ученыхъ двое особенно старательно занимались разборомъ древнихъ извѣстій о Гомерѣ: Лауеръ и Зенгебушъ. Въ сочиненіи своемъ «Geschichte der homerischen Poesie» (Berlin 1851) Лауеръ принялъ для объясненія разницы въ хронологическихъ опредѣленіяхъ теорію Карла Мюллера, выставленную этимъ послѣднимъ въ примѣчаніяхъ къ хронологическимъ отрывкамъ при дидотовскомъ изданіи Иродота, 1844 года. Карлъ Мюллеръ предполагаетъ, что древніе опредѣляли время событій отдаленной древности по киклямъ, придуманнымъ позднѣйшими астрономами для того, чтобы согласить лунные годы съ солнечными. Одинъ изъ такихъ кикловъ состоялъ изъ 63 лунныхъ лѣтъ или 60 солнечныхъ. «Говорили, какъ выражается Лауеръ, что то-то и то-то случилось чрезъ столько-то кикловъ прежде или послѣ того-то». Карлъ Мюллеръ примѣняетъ свои киклы ко многимъ даннымъ древней хронологіи, и если цифры, показываемыя писателями, не подходятъ подъ его теорію, безъ дальняго затрудненія измѣняетъ ихъ. Онъ доходитъ въ своей смѣлости до того, что самого Θυκιδιδα обвиняетъ въ хронологической испослѣдовательности, потому что данныя Θυκιδιδα никакъ не укладываются въ киклы почтеннаго ученаго. Лауеръ подражаетъ Мюллеру и въ этомъ отношеніи. Опредѣленіе Евѳимена и Архе-

маха означаетъ, по его мнѣнію, три кккла послѣ взятія Трои, то-есть, 189 лѣтъ. Между тѣмъ они предполагали здѣсь періодъ въ 200 лѣтъ. Такимъ образомъ немудрено разложить на киклы всякое хронологическое данное даже изъ новой исторіи. Теорія Мюллера невѣрна уже потому, что она нисколько не объясняетъ дѣла. Почему же, спрашивается, припимали для извѣстнаго даннаго столько-то и столько-то кикловъ? Развѣ тутъ позволялось брать первое попавшееся число кикловъ? Между тѣмъ Мюллеръ и Лауеръ, а за нимъ и Зенгебушъ, принимая извѣстное число кикловъ для какого-нибудь древняго опредѣленія, думаютъ, что тѣмъ самымъ дѣло уже рѣшено. Гораздо проще и вѣрнѣе объяснять хронологію древнѣйшей исторіи счетомъ поколѣній. Никакихъ другихъ средствъ и не могло быть у древнихъ хронологовъ для опредѣленія времени мионическихъ событій, которыя они считали историческими. Обыкновенно считали на сто лѣтъ три поколѣнія, и жизнь пзвѣстныхъ людей или какія-либо важныя событія примѣряли къ тому или другому поколѣнію царствовавшихъ родовъ. Но генеалогіи этихъ родовъ тоже мионическія. Съ какихъ поръ начинается достовѣрное преданіе въ родословныхъ, опредѣлить невозможно; впрочемъ, можетъ быть, нѣкоторые списки царей съ числами годовъ ихъ царствованія и подлинны, несмотря на отдаленную древность. Лауеръ говоритъ и о счетѣ по поколѣніямъ, но не примѣняетъ его къ разбору извѣстій о жизни Гомера, а вездѣ находитъ киклы.

Зенгебушъ подробно обсуждаетъ вопросъ въ разборѣ сочиненія Лауера (*Jahrb. f. Philol.* I.XVII, 241—269, 361—416, 609—644) п въ «Гомеровскихъ диссертаціяхъ» (*Homericæ dissertatio prior—posterior*). напечатанныхъ при 4-мъ диондорфовскомъ изданіи Гомера. Надо отдать справедливость Зенгебушу: онъ собралъ извѣстія древнихъ съ большою полнотою (правда, что въ этой работѣ были у него хорошіе предшественники), сопоставляетъ ихъ иногда довольно удачно и строитъ на ихъ основаніи цѣлое знаніе, въ которомъ ничто не нарушаетъ симметріи и прочности котораго съ перваго взгляда кажется несомнѣнною. Къ числу полемическихъ достоинствъ Зенгебуша принадлежитъ также глубокая и непоколебимая увѣренность его въ томъ, что онъ, и онъ одинъ, обладаетъ истиною. Онъ вѣруетъ въ своего аѳинскаго Гомера и въ своего Аристарха, какъ въ религіозный догматъ. Извѣстна истина, что глубокая

увѣренность, твердое убѣжденіе человѣка всегда имѣетъ вліяніе на другихъ людей. Это свойство Зенгебуша, а также эффектная сопоставленія придають вѣсь его теоріи. Не мудрено, что онъ, благоговѣйный почитатель Лахманна, пашель себѣ въ свою очередь благоговѣйныхъ почитателей. Боницъ вполне принимаетъ его мнѣнія и говоритъ о немъ: «Трудно сказать, чему удивляться болѣе въ этомъ изслѣдованіи, осязательной ли простотѣ главной мысли, или доведенной до педантизма строгости историческаго доказательства» (Ueber den Ursprung der homerischen Gedichte, 2-е изд. Wien 1864). Правда, мысль Зенгебуша проста, оригинальна и заслуживаетъ полного вниманія. Но если мы разберемъ поближе его «до педантизма строгія» доказательства, то увидимъ, что въ нихъ нѣтъ и тѣни строгости, что, напротивъ того, въ ходѣ доводовъ Зенгебуша постоянно встрѣчаются громадныя скачки, что авторъ постоянно перелетаетъ на крыльяхъ своей предвзятой теоріи чрезъ самыя существенныя препятствія. По ученію Зенгебуша, хронологическія данныя о жизни Гомера, которыя встрѣчаются въ городскихъ преданіяхъ, означаютъ время, когда въ этихъ городахъ въ первый разъ появилась гомеровская поэзія и когда была основана городская школа рапсодовъ. Городскія школы относили рожденіе Гомера именно ко времени своего основанія и думали, что Гомеръ родился въ ихъ городѣ. Оттого произошелъ споръ между городами о рожденіи Гомера и часть разногласія въ хронологическихъ опредѣленіяхъ. Надобно замѣтить, что мы имѣемъ до нѣкоторой степени достовѣрное извѣстіе только о хіосской школѣ рапсодовъ и менѣе достовѣрное о самосской. Ни о какихъ другихъ городскихъ школахъ мы не можемъ сказать ни полслова, хотя само по себѣ вѣроятно, что онѣ существовали и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Въ большой части городовъ отдѣльныя рапсоды существовали, вѣроятно, и безъ школъ. Мы не знаемъ также ровно ничего объ устройствѣ этихъ школъ (если онѣ существовали) и объ отношеніяхъ къ нимъ рапсодовъ. Не знаемъ, имѣемъ ли мы право отождествлять роды, производившіе себя отъ Гомера, со школами. Изъ мнѣнія Селевка о Гомеридахъ, приведеннаго у Арпократіона, можно, пожалуй, вывести, что Гомериды хіосскіе вовсе не занимались Гомеромъ. Между тѣмъ Зенгебушъ не только вполне увѣренъ въ существованіи школъ хіосской и самосской, но

еще принимаетъ безъ всякаго затрудненія на весьма слабыхъ, призрачныхъ основаніяхъ школы смирнскую, ітскую, колофонскую, кипрскую, милетскую, проконнискую и другія. Всѣ эти учрежденія онъ выводитъ на основаніи своей теоріи изъ разныхъ городскихъ разсказовъ или такихъ, по крайней мѣрѣ, которые кажутся ему городскими. Такъ, іиты приурочивали рожденіе Гомера ко времени іонійскаго переселенія; значитъ, по мнѣнію Зенгебуша, школа рапсодовъ на Іосѣ основана въ это время. Но сначала надобно доказать справедливость теоріи. Для этого необходимо, чтобы рядомъ съ извѣстіями о городскихъ школахъ всюду являлись извѣстія о мѣстныхъ хронологическихъ опредѣленіяхъ жизни Гомера, такъ чтобы можно было заключить, что эти хронологическія опредѣленія дасть именно школа рапсодовъ, а не кто другой. Во-вторыхъ, надо доказать, что мнѣніе этой школы справедливо, что она дѣйствительно знала, когда была основана. Очень могло быть, что рапсоды и не знали навѣрно, когда поэзія Гомера начала изучаться въ городѣ, а относили жизнь Гомера къ тому или другому времени по соображеніямъ постороннимъ. Правда, для рѣшенія разпогласій въ показаніяхъ о времени жизни Гомера нѣтъ пужды знать, справедливы ли эти показанія или нѣтъ; надо только знать, какъ они произошли. Точно такъ и Зенгебушу достаточно показать, что городскія школы такъ вѣрили, а справедливы ли ихъ разказы, ему все равно. Но самъ Зенгебушъ смотритъ на дѣло иначе. Онъ считаетъ свои выводы о времени основанія гомеровскихъ школъ вполне вѣрными; онъ говоритъ, что составленная имъ таблица хронологическихъ показаній разныхъ школъ даетъ достовѣрное основаніе для исторіи гомеровской поэзіи. Такое мнѣніе очень наивно. Тутъ видно именно то неправильное отношеніе къ свидѣтельствамъ древнихъ, о которомъ я говорилъ выше,—обычай принимать всѣ показанія, какъ будто бы древніе говорятъ послѣ продолжительныхъ изслѣдованій и строго взвѣшиваютъ свои слова, какъ будто бы древніе всегда могли узпуть истину и пользовались достовѣрнѣйшими источниками. Наконецъ, надо спросить, что разумѣетъ Зенгебушъ подъ основаніемъ школы рапсодовъ въ такое отдаленное время, какъ, напримѣръ, эпоха іонійскаго переселенія или начало X вѣка? Повторяю, мы совершенно ничего не знаемъ объ устройствѣ этихъ древнихъ школъ; самое существованіе ихъ еще не вполне доказано.

Можетъ быть, то, что Зенгебушъ называетъ городскою школою рапсодовъ, основывалось постепенно, мало-по-малу. такъ что нельзя было и сказать, когда именно оно началось.

Разсмотримъ доводы Зенгебуша въ отдѣльныхъ случаяхъ. Онъ съ чрезвычайною рѣзкостью напалъ на Лауера за то, что тотъ не придалъ особеннаго значенія мнѣнію Аристарха объ аонинскомъ происхожденіи Гомера. Зенгебушъ говоритъ, что Аристархъ былъ настолько остороженъ, что не выставилъ бы такого предположенія, не имѣя основаній въ самомъ преданіи. Онъ восхваляетъ обширный умъ, ученость и строгость методы великаго критика древности. Мы охотно присоединяемся къ мнѣнію Зенгебуша объ Аристархѣ; но все-таки помнимъ, что Аристархъ могъ ошибиться и дѣйствительно ошибался; помнимъ, что для лучшихъ умовъ древняго времени казалось достаточно основательнымъ такое заключеніе, которое людямъ новаго времени, болѣе опытнымъ въ опиякахъ человѣческаго ума, кажется поспѣшнымъ. Зенгебушъ приводитъ миѳъ іитскій, рассказанный Аристотелемъ, въ доказательство того, что преданія о происхожденіи Гомера ведутъ къ Аѳинамъ. Но миѳъ говоритъ только то, что Гомеръ родился во время іонійскаго переселенія, и именно въ Смирнѣ, впрочемъ отъ іитской матери. Нѣкоторые думали, что Гомеръ жилъ во время іонійскаго переселенія, и это самое обстоятельство навело Аристарха на мысль объ аонинскомъ происхожденіи Гомера. Всѣхъ свидѣтелей, которые помѣщаютъ Гомера во время іонійскаго переселенія, Зенгебушъ относитъ въ своихъ таблицахъ къ приверженцамъ аонинскаго Гомера, но на это онъ не имѣетъ никакого права. Что такое было іонійское переселеніе? Развѣ эта была аонинская колонія? Тутъ былъ, по словамъ Иродота, сбродъ всѣхъ племенъ Греціи. Всѣ ли іонійцы вышли изъ Аоніи? Иродотъ прямо утверждаетъ, что далеко не всѣ. Насколько справедливо извѣстіе, что они вышли изъ Аоніи? Тѣ, которые относили жизнь Гомера ко времени іонійскаго переселенія, все-таки думали, что Гомеръ родился въ Малой Азіи. Самъ Аристархъ все-таки принималъ, что Гомеръ переселился въ Малую Азію. Напрасно старались бы мы отыскать какое-нибудь аонинское преданіе о Гомерѣ. Я разобралъ выше тѣ пустыя и позднія басни, которыя Зенгебушъ приводитъ въ пользу Аоніи. Мы видѣли также, что въ преданіи, приводимомъ у Филострата, музы, сопровождающія флотъ іоній-

скій изъ Аоинъ въ Малую Азію, имѣютъ отношеніе къ смирскому миѳу, а вовсе не къ аѳинскому. Такимъ образомъ оказывается, что всѣ рѣзкія увѣренія Зенгебуша рѣшительно не имѣютъ основанія. А между тѣмъ Зенгебушъ выводитъ очень много изъ своего аоинскаго Гомера. Хотя онъ и не говоритъ прямо, что Иліада и Одиссея созданы въ Аоинахъ, по это неизбѣжно слѣдуетъ изъ разныхъ его тезисовъ. Гомеровская поэзія на Іосѣ, говоритъ онъ, заимствована не отъ Смирны, но привезена въ Іосъ аоинянами на пути въ Іопію. Въ такомъ случаѣ она аоинскаго происхожденія. Дальше, мионическія родословныя, въ которыхъ Гомера производятъ отъ Мусэя, мнимаго аоинскаго поэта, и отъ Орфея, эти созданія самой наивной фантазіи, побуждаютъ Зенгебуша построить новую гипотезу, которую онъ и высказываетъ съ обычною своею увѣренностью. Онъ думаетъ, что поэзія Гомера произошла отъ древней орфической поэзіи, поэзія мионическихъ оракійцевъ Аттики, а Гомеръ или поэты, создавшіе Иліаду и Одиссею, произошли въ прямой линіи отъ мионическихъ оракійскихъ поэтовъ (Jahrbücher, 386; Nouv. diss. II, 101). Это утвержденіе, надо сказать откровенно (*ut ingenue fatear*, какъ выражается Зенгебушъ), въ высшей степени странно. Поэзія Гомера происходитъ отъ поэзіи Орфея и Мусэя съ братіею! Имени Орфея и орфиковъ Зенгебушъ избѣгаетъ, потому что съ ихъ именемъ соединена не совсѣмъ добрая и не совсѣмъ древняя слава; но кого же онъ называетъ рядомъ съ Мусэемъ «служителями музъ»? Во-первыхъ, Мусэй и Орфей неразрывны. Во-вторыхъ, если кто можетъ быть поставленъ, какъ служитель музъ, рядомъ съ Мусэемъ, то, конечно, Орфей. Но развѣ Зенгебушъ позабылъ, что эти служители музъ (и Пронапидъ, учитель Гомера, въ томъ числѣ) суть изобрѣтенія орфиковъ VI вѣка? Или онъ думаетъ, что орфики взяли имена поэтовъ изъ народнаго преданія? Но, во-первыхъ, это весьма сомнительно; во-вторыхъ, Еллапикъ и Дамастъ, производи Гомера отъ Орфея и Мусэя, конечно, были подъ влияніемъ подложныхъ орфическихъ стихотвореній, которыя были распространены тогда по всей Греціи. Да и что мы знаемъ объ этихъ оракійцахъ аттическихъ, оракійцахъ Евмолпа и елевсинской Димитры? Это одинъ изъ самыхъ спутанныхъ и темныхъ вопросовъ всей древней греческой исторіи. Во всякомъ случаѣ поэзія мионическихъ оракійцевъ совершенно чужда Го-

меру. Онъ упоминаетъ всего одинъ разъ о оракійскомъ поэтѣ Тамирисѣ, ни слова не говоритъ объ Орфеѣ, и оракійцы, встрѣчающіеся въ его поэмахъ, суть варвары сѣвернаго берега Эгейскаго моря и союзники троянъ. Гизеке, выставившій очень обширную и заманчивую гипотезу о миоическихъ оракійцахъ, признаетъ поэзію Гомера и оракійскую поэзію двумя чуждыми областями (Thrakisch - pelagische Stämme der Balkanhalbinsel und ihre Wanderungen in mythischer Zeit, Leipzig 1853, 29 сл.). Если мы можемъ сказать что-нибудь о поэзіи миоическихъ оракійцевъ, такъ именно то, что культы Димитры и Діониса имѣли для нея первостепенное значеніе. Между тѣмъ Димитра и Діонисъ у Гомера совершенно на заднемъ планѣ, такъ что нѣкоторые ученые даже считаютъ (хотя совершенно неосновательно) позднѣйшими вставками всѣ гомеровскія мѣста о Діонисѣ. Другіе же боги, какъ всѣмъ извѣстно, играютъ у Гомера самую дѣятельную роль. Но Зенгебушъ изъ всякой древней сказки выводитъ самыя значительныя послѣдствія.

Мы покончили съ Аеинами, какъ родиною Гомера. Помѣщать гомеровскую школу на Іосѣ нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Тамъ гробница Гомера, тамъ сказки о его матери, но ничего болѣе. Хіосъ имѣетъ Гомеридовъ; съ другой стороны, Еввоименъ и Архемахъ помѣщаютъ Гомера на Хіосѣ въ 984 году, Дамастъ тоже считаетъ Гомера хіосцемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ потомкомъ Мусая въ десятомъ поколѣніи; слѣдовательно, если считать съ 984 года, Мусэй придется, по его счету, въ 1284 году, что приблизительно подходитъ подъ обыкновенныя хронологическія опредѣленія похода Аргонавтовъ, когда жилъ Орфей, учитель Мусая. Итакъ, относительно Хіоса мы имѣемъ основаніе принять объясненіе Зенгебуша, то-есть, что Гомериды хіосскіе относили жизнь Гомера, своего предка, и, слѣдовательно, свое собственное происхожденіе къ началу Х вѣка. Что касается Самоса, второго и послѣдняго города, о гомеровской школѣ котораго у насъ есть извѣстія, то здѣсь теорія Зенгебуша, къ сожалѣнію, терпитъ жестокое пораженіе. Есть самосскій родъ Креофила, сохраняющій поэмы Гомера, но самосскаго Гомера не оказывается; Самосъ не имѣетъ притязанія на званіе родины Гомера; ни въ одномъ перечисленіи спорившихъ городовъ нѣтъ имени Самоса. Неужели это случайный пропускъ? Но въ такомъ случаѣ какъ же досадно, что

пропустили именно городъ Креофила! Значить, не всякая школа образуетъ непосредно своего городского Гомера, и, наоборотъ, городскіе Гомеры, вѣроятно, были и безъ школъ. Правда, на Самосѣ, по одному сказанію, съ Гомеромъ видится Ликургъ. Но это не самосское сказаніе; иначе намъ придется проститься съ родомъ креофиловымъ. Потомки Креофила передаютъ сочиненія Гомера Ликургу; если самосское сказаніе сводило съ Ликургомъ самого Гомера, то, слѣдовательно, потомки Креофила на Самосѣ не есть самосское сказаніе, и Креофила надо отдать итамъ, которымъ отдають его Проклъ, авторъ «Состязанія» и неизвѣстные у Свида. Но вѣроятно, что свиданіе самого Гомера съ Ликургомъ есть уже позднѣйшее украшеніе первоначальной сказки. Однако это сказаніе, вѣроятно спартапское, побудило нѣкоторыхъ помѣщать Гомера во время Ликурга. Но о времени и обстоятельствахъ жизни самого Ликурга были чрезвычайно противорѣчивыя извѣстія: онъ былъ регентомъ, по мнѣнію однихъ, въ малолѣтство Харилая, царя изъ линіи Еврипонтидовъ, начавшаго царствовать въ 881 году; по мнѣнію другихъ, и въ томъ числѣ Иродота (I, 65), онъ регентствовалъ въ малолѣтство Лавота, царя изъ линіи Агидовъ, начавшаго царствовать въ 1023 году (Euseb. ed. Schöne). Были и другія хронологическія затрудненія насчетъ Ликурга, такъ что историкъ Тимэй принималъ двухъ Ликурговъ (Plut. Lyc., 1). Это различіе въ показаніяхъ относительно времени Ликурга отозвалось и на опредѣленіяхъ жизни Гомера. Одни отпосили свиданіе его съ Ликургомъ ко времени Лавота, другіе ко времени Харилая. Зенгебушъ убѣжденъ, что мнѣніе Иродота о времени жизни Гомера есть самосское, что Иродотъ относилъ Гомера ко времени Ликурга, слѣдуя самосскому сказанію, то-есть, ко времени Харилая. Зенгебушу до такой степени кажется очевидною и справедливою эта догадка, что онъ сильно нападаетъ на Лауера, не пришедшаго къ такому заключенію, даже называетъ его «слѣпымъ съ открытыми глазами». Между тѣмъ Зенгебушъ самъ опять жестоко здѣсь ошибается. Вѣдь Иродотъ самъ прямо говоритъ, что Ликургъ былъ при Лавотѣ, слѣдовательно, за 1000 слишкомъ лѣтъ до Р. X. Какъ же можно предполагать, что Иродотъ раасчиталъ время жизни Гомера по сказочному свиданію поэта съ Ликургомъ, когда онъ относитъ Гомера къ IX вѣку?

Разборъ извѣстій о Гомерѣ по остальнымъ городамъ ведетъ Зенгебуша ко множеству произвольныхъ выводовъ и поспѣшныхъ заключеній. Нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній для того, чтобы принять школу милетскую, кипрскую, проконнисскую и пр. Въ этихъ случаяхъ всѣ доводы Зенгебуша основываются именно на сопоставленіяхъ Гомера съ разными болѣе поздними или даже вымышленными поэтами. Пора и намъ обратиться къ разбору этого рода извѣстій. Особенно замѣчательна проконнисская школа Зенгебуша. Онъ выводитъ ее изъ того, что нѣкоторые древніе называли Аристея проконнисскаго учителемъ Гомера (Strab. XIV, p. 638; у Татиана, orat. ad. Graec. 41, приведено мнѣніе, что Аристей древнѣе Гомера). Изъ Иродота Зенгебушъ заключаетъ, что Аристей жилъ при основаніи Проконниса, а такъ какъ его называли учителемъ Гомера, то, слѣдовательно, онъ былъ членомъ школы рапсодовъ въ Милетѣ, метрополіи Проконниса, и основалъ новую школу въ Проконнисѣ. Но Иродотъ относитъ Аристея совсѣмъ не къ эпохѣ основанія Проконниса, а къ болѣе древнему времени. Проконнисъ основанъ при Гигеѣ, въ концѣ VIII или началѣ VII вѣка (Strab. XIII, p. 823. 827). Между тѣмъ Иродотъ говоритъ слѣдующее (IV, 13—15):

„Аристей, сынъ Каистровія, проконнисецъ, рассказываетъ въ эпической поэмѣ, что объятый божественною силой Аполлона, онъ прибылъ въ землю иссидоновъ (народа жившаго къ сѣверо-востоку отъ скиеовъ, за Танаисомъ); что за иссидонами живутъ одноглазые аримаспы, за ними грифы, стерегущіе золото, а за тѣми до моря гиперборейцы; что аримаспы владычествуютъ надъ всѣми ими, кромѣ гиперборейцевъ, и всегда нападаютъ на сосѣдей; что аримаспы вѣтвѣняютъ иссидоновъ, иссидоны скиеовъ, а скиеы киммерійцевъ, живущихъ при южномъ (Черномъ) морѣ, которые поэтому оставляютъ свою землю“.

Въ Иродотѣ для насъ драгоцѣнно то, что онъ передаетъ чужіе рассказы съ особенною точностью и внимательностью къ выраженіямъ подлинника. Это свойство очень рѣдко у древнихъ: по большей части пересказъ ихъ неточенъ и небреженъ въ высшей степени. Мы видимъ, что и въ данномъ случаѣ Иродотъ старательно передаетъ рассказъ поэмы Аристея. Онъ замѣчаетъ еще разъ: «Изъ поэмы Аристея не видно, чтобы самъ онъ былъ дальше земли иссидоновъ; значить, о томъ, что за иссидонами, онъ рассказываетъ по слухамъ, потому что говорить: иссидоны такъ рассказываютъ». Послушаемъ теперь, что Иродотъ знаетъ о самомъ Аристее:

„Я скажу, какой рассказ слышаль объ Аристеѣ въ Проконнисѣ и Кизикѣ. Аристей, одинъ изъ знатнѣйшихъ людей, однажды вошелъ въ мастерскую выдѣлывателя кожъ въ Проконнисѣ и умеръ тамъ. Кожевникъ заперъ мастерскую и побѣждалъ извѣститъ родныхъ умершаго. Разнеслась по городу молва, что Аристей умеръ; но одинъ кизикецъ, пришедшій изъ города Артаки (на одномъ, небольшомъ, полуостровѣ съ Кизикомъ), сталъ спорить съ говорившими о смерти Аристея и утверждалъ, что встрѣтилъ его на дорогѣ въ Кизикъ и говорилъ съ нимъ. Онъ упорно спорилъ, а родные умершаго пришли къ мастерской кожевника со всѣмъ нужнымъ, чтобы убрать трупъ. Но когда отперли комнату, то не нашли Аристея ни живымъ, ни мертвымъ. На седьмой годъ послѣ того онъ явился въ Проконнисъ и сочинилъ ту поэму, которая называется теперь у грековъ Аримаспія (или „Аримасповскія пѣсни“), а послѣ того опять исчезъ. Это говорятъ города Кизикъ и Проконнисъ, а вотъ что случилось съ гражданами города Метапонтія въ Италіи, триста сорокъ лѣтъ послѣ второго исчезновенія Аристея, какъ я нашель, сравнивая извѣстія Проконниса и Метапонтія. Метапонтинцы говорятъ, что Аристей, явившійся въ ихъ землю, велѣлъ основать жертвенникъ Аполлону и поставить подлѣ него статую съ именемъ Аристея проконнисскаго; потому что, сказавъ онъ, изъ италіотовъ къ нимъ однимъ приходилъ въ землю Аполлонъ, и соупотствовалъ богу тотъ, что теперь Аристей, а тогда, когда соупотствовалъ богу, былъ воронъ. Сказавъ это, явившійся исчезъ, а метапонтинцы послали въ Дельфы спросить бога, что означаетъ явленіе этого человѣка. Пифія отвѣчала, что они должны повиноваться видѣнію, и тогда будетъ имъ благо. Они приняли и исполнили требованіе. И нынѣ стоитъ статуя съ именемъ Аристея у самаго изображенія Аполлона“.

Вотъ какого чудотворнаго основателя проконнисской школы рапсодовъ отыскаль Зенгебушъ! Прежде всего замѣтимъ, что, по Иродоту, Аристей жилъ гораздо раньше основанія Проконниса. Последнее явленіе Аристея было не во время самаго Иродота, какъ принимаетъ Зенгебушъ, но, вѣроятно, гораздо раньше, потому что о немъ и о посольствѣ метапонтинцевъ въ Дельфы сообщаетъ Иродотъ по рассказамъ метапонтинцевъ. Если принять, что оно было около 500 года, то второе явленіе Аристея въ Проконнисѣ и сочиненіе Аримаспіи относятся къ срединѣ IX вѣка, между тѣмъ какъ Проконнисъ основанъ не ранѣе конца VII-го. Какъ же согласить такое странное противорѣчіе? Мнѣ кажется, что дѣло объяснится, если мы сравнимъ другія свидѣтельства древнихъ объ Аристеѣ. Страбонъ говоритъ: «Изъ Проконниса родомъ былъ Аристей, авторъ такъ называемыхъ «Аримасповскихъ пѣсенъ», шарлатанъ первой руки (*ἀνὴρ γόης εἰ τις ἄλλος*. XIII, p. 825). Силлографъ Тимонъ и многіе другіе называли шарлатаномъ Пифагора. По словамъ Діонисія Аликарнасскаго, не всѣ вѣрили,

что сочиненія, приписываемыя Аристею Проконнисскому, дѣйствительно принадлежать ему (de Thucyd. p. 864 Reiske. <Opuscula, I, p. 359 Usener et Radermacher>)). Наконецъ, у Свида сообщается объ Аристей слѣдующее:

„Аристей, сынъ Димохариды или Каистровія, проконнисецъ, эпическій поэтъ. Такъ называемыя „Аримасповскія пѣсни“ (это разсказъ о гиперборейскихъ аримаспахъ) въ трехъ книгахъ. Говорятъ, что душа его выходила изъ тѣла и снова возвращалась, когда онъ хотѣлъ. Онъ жилъ при Крезѣ и Кирѣ, въ 50-ю олимпиаду. Онъ написалъ также и еогонию, состоящую изъ перечня именъ, въ 1.000 стиховъ“.

50-я олимпиада (то-есть, 580-й годъ) показана у Свида неточно: Крезъ и Киръ жили въ срединѣ и во второй половинѣ VI вѣка; но олимпиада названа приблизительно. Когда же, наконецъ, жилъ Аристей? Аристей Проконнисскій не могъ жить раньше основанія Проконниса. Но Иродотъ вычислилъ свои 340 лѣтъ на основаніи разсказовъ проконнисцевъ. Такіе анахронизмы легко могутъ явиться и удерживаться въ народномъ преданіи. Но цифра, которую вычислилъ Иродотъ для времени жизни Аристея, не связана съ основаніемъ Проконниса; это ясно. Она взята изъ другихъ источниковъ. Она, мнѣ кажется, дана извнѣ, и проконнисцы только легко ей повѣрили, потому что все дѣло льстило ихъ городскому патриотизму. Не возникла ли она изъ той же таинственной, мистической области, откуда является Аристей и куда онъ скрывается? Послушаемъ самого вдохновеннаго пѣвца-кудесника-ворона; можетъ быть, его рѣчи сами покажутъ намъ, къ какому времени онѣ относятся. До насъ, правда, дошло мало его рѣчей; но все-таки, мнѣ кажется, онъ самъ себя выдаетъ головою. Очень сомнительно, чтобы въ IX вѣкѣ кто-нибудь изъ грековъ заходилъ въ страну иссидоновъ и зналъ такъ много о народахъ къ сѣверу отъ Чернаго моря. Тутъ, однако, нѣтъ еще осязательныхъ доказательствъ. Но вотъ Аристей хочетъ объяснить причину частыхъ вторженій киммерійцевъ въ Малую Азію. Мы знаемъ, что вторженія киммерійцевъ происходили въ началѣ VII вѣка. Самое имя дано киммерійцамъ греками, конечно, не раньше вторженій, потому что оно взято изъ Гомера. Греки сочли этихъ варваровъ, пришедшихъ изъ сѣверной неизвѣстной страны, за тотъ народъ, живущій въ странѣ мрака, о которомъ говоритъ Гомеръ. Явившійся Аристей говоритъ, что онъ былъ ворономъ, извѣстнымъ мифическимъ спутникомъ Аполлона. Что метапонтинцы дѣй-

ствительно посылали въ Дельфы за объясненіемъ явленія Аристея, это несомнѣнно. Безъ сомнѣнія, какой-нибудь почтенный и уважаемый человѣкъ разсказалъ имъ, что Аристей являлся ему и велѣлъ передать метапонтинцамъ то и другое. Но Аристей IX вѣка не могъ знать о переселеніи душъ. Это ученіе — пифагорейское, процвѣтавшее во второй половинѣ VI вѣка. Къ этому самому времени и относить Аристея Свиды. Въ это время появилось на свѣтъ множество большихъ и маленькихъ поэмъ мистическаго содержанія, разныхъ «Теогоній», «Завѣтовъ сыну Евмолпу», «Схожденій въ Адъ», «Сѣтей», «Аргонавтикъ», собраній пророчествъ (*χρησμοί*) и проч. Всѣ эти сочиненія исходили отъ членовъ такъ называемой секты орфиковъ или, по крайней мѣрѣ, отъ людей подобнаго же направленія. Мы знаемъ довольно много о космогоническомъ ученіи орфиковъ, но, къ сожалѣнію, весьма мало о происхожденіи этой секты; о жизни и дѣятельности ея основателей и главныхъ членовъ мы не можемъ дать себѣ яснаго отчета, то-есть, имѣла ли эта секта какое-нибудь внутреннее устройство, что-нибудь похожее на организацію, и какого рода была эта организація, или же орфиками просто были нѣсколько извѣстныхъ по именамъ личностей съ одинаковымъ направленіемъ, по религіознымъ своимъ убѣжденіямъ участвовавшихъ въ мистическомъ культѣ Діониса и Димитры, а по философскимъ примыкавшихъ къ пифагорейской школѣ. Связь орфиковъ съ пифагорейцами темна, но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнна. Иродотъ прямо говоритъ, что «такъ называемые орфики и вакхики суть на самомъ дѣлѣ египтяне (то-есть, держатся египетскихъ религіозныхъ мнѣній) и пифагорейцы» (II, 81). Въ лексиконѣ Свиды сказано, что нѣкоторые приписывали «Священныя Повѣствованія» (*ιεροὶ λόγοι*) Орфея Керкопу пифагорейцу (ср. *Cicer. de Nat. deor. I, 38, 107*). Самыя мѣста рожденія Орфея Кротонскаго, Зомира Ираклеотскаго и другихъ предполагаемыхъ авторовъ орфическихъ сочиненій приводятъ насъ на поприще дѣятельности Пифагора, въ южную Италію. Поэмы орфиковъ были разнаго содержанія: главнѣйшія изъ нихъ излагали своеобразную космогонію секты; какъ второй родъ орфическихъ сочиненій, можно отдѣлить собранія разныхъ пророчествъ; въ сочиненіяхъ третьяго класса орфики излагали свои познанія по разнымъ отраслямъ, астрономическія, географическія и т. д.; такъ, дошло до насъ

имя орфической поэмы 'Αστρονομία; можетъ быть, существовала въ древнее время и поэма «о камняхъ» (та, которая дошла до насъ, какъ думаютъ, принадлежить позднѣйшему времени); географическія познанія излагались, напримѣръ, въ древней поэмѣ о походѣ Аргонавтовъ, которую написалъ Орфей Кротонскій (Suidas). Всѣ свои сочиненія орфики выдавали подъ именами различныхъ поэтовъ, которымъ сами они приписывали чрезвычайную древность. Этимъ они въ то древнее легковѣрное время обезпечивали за своими произведеніями общее уваженіе и такимъ образомъ распространяли свои убѣжденія въ народѣ. Они старались придать своимъ поэмамъ видъ глубокой древности. Для народа было довольно, если въ поэмахъ говорилось о самыхъ древнѣйшихъ событіяхъ, напримѣръ, о началѣ міра, о происхожденіи первыхъ боговъ, наконецъ, о древнѣйшихъ герояхъ, для того чтобъ онъ призналъ за авторами этихъ поэмъ глубокую древность. Тутъ мы можемъ видѣть новый образчикъ тѣхъ наивныхъ умозаключеній, о которыхъ говорили выше. «Какъ же, думали тогда, могъ бы позднѣйшій поэтъ написать о такихъ отдаленныхъ временахъ? Если поэтъ говоритъ о герояхъ самаго древняго времени, значитъ, онъ въ самомъ дѣлѣ былъ ихъ современникомъ». Конечно, никто не могъ быть современникомъ созданія земли и первыхъ боговъ; но, разумѣется, никто изъ слушателей и не задумалъ бы спросить, откуда поэтъ знаетъ о такихъ предметахъ. Боги сами научили поэта, музы рассказали ему все. И все-таки народъ считалъ авторовъ разныхъ космогоническихъ поэмъ за очень древнихъ поэтовъ, потому что въ древнее время люди были ближе къ богамъ и скорѣе могли получить божественное откровеніе. Почему Исіода многіе считали древнѣе Гомера? Потому что Исіода описываетъ событія, которыя были раньше событій, описываемыхъ Гомеромъ. Почему Креофила нѣкоторые (см. Strab. XIV, p. 891) могли назвать учителемъ Гомера? Все не потому, что Креофилъ обучалъ гомеровскимъ произведеніямъ рапсодовъ, какъ думаетъ Зенгебушъ. Такая замысловатая аллегорія, основанная на буквальномъ смыслѣ древняго свидѣтельства, очень натягута и странна. Дѣло объясняется гораздо проще, именно тѣмъ, что Креофилъ описывалъ въ своей поэмѣ подвиги Иракла, между тѣмъ, какъ Гомеръ описываетъ подвиги слѣдующаго поколѣнія, дѣтей Иракла и ихъ современниковъ. Преданіе ставило Гомера и Креофила

во взаимное отношеніе. Болѣе распространено было мнѣніе, что Креофилъ былъ ученикъ и зять Гомера. Но на это другіе возражали: «Не можетъ быть! Креофилъ говоритъ объ Ираклѣ. Скорѣе онъ учитель Гомера, чѣмъ ученикъ». По древнему народному представленію грековъ, пѣвцы поютъ пѣсни о современныхъ имъ событіяхъ. Известно гомеровское двустишіе:

Τὴν γὰρ ἀοιδὴν μᾶλλον ἐπικλείουσ' ἄνθρωποι,
ἣτις ἀκούοντεςσι νεωτάτη ἀμφιπέληται.

«Люди хвалятъ больше всего самую новую пѣсню». Фимій и Димодокъ въ Одиссѣи поютъ о Троянской войнѣ и о возвращеніи греческихъ героевъ изъ-подъ Трои. Многіе считали Гомера современникомъ Троянской войны, потому что онъ описываетъ ее. И Креофила нѣкоторые могли считать современникомъ Иракла. Нужды нѣтъ, что тогда, можетъ быть, еще и не было грековъ на Самосѣ (хотя мы не знаемъ и этого). Но если даже мы и примемъ тутъ анахронизмъ, все-же такой анахронизмъ легко могъ быть не замѣчаемъ, какъ не замѣчали проконнисцы своего анахронизма съ Аристеємъ. Что не всѣ думали такъ, не всѣ считали поэтовъ современниками описываемыхъ событій, мы видимъ изъ того, что дошли до насъ и другія, болѣе правдоподобныя извѣстія о жизни названныхъ выше поэтовъ. Авторъ орфическихъ поэмъ тѣмъ болѣе могли считать древними, что это прямо утверждали орфики, которые издавали эти сочиненія. А орфики были люди умные, уважаемые, и сами—поэты и пѣвцы, какъ мы знаемъ по Ономакриту. Что они были пѣвцами (рецитаторами эпическихъ произведеній), это видно изъ дѣятельности Ономакрита, да иначе трудно себѣ и представить. Ономакрита Иродотъ называетъ χρησμολόγον τε καὶ διαθέτην χρησμῶν τῶν Μουσαίου. Χρησμολόγος можетъ значить пророкъ и толкователь пророчествъ. Въ сущности, это одно и то же, потому что χρησμοὶ Μουσαίου были, конечно, сочиненіемъ самого Ономакрита. Но такъ какъ Иродотъ далѣе рассказываетъ, что Писистратиды говорили объ Ономакритѣ «высокія рѣчи» (σεμνοὺς λόγους), то-есть, вѣроятно, говорили о немъ, какъ о святомъ человѣкѣ, близкомъ къ богамъ, то, можетъ быть, Ономакритъ и самъ отъ себя пророчествовалъ. Но, во всякомъ случаѣ, онъ пѣлъ и объяснялъ пророчества Мусея (οὗτος δὲ χρησμοφδέων προσεφέρετο); народъ былъ убѣжденъ, что онъ знаетъ эти пророчества. Онъ никогда не могъ бы приобрести себѣ такого

уваженія и довѣренности своими собственными предвѣщаніями, какъ предвѣщаніями какого-либо древнѣйшаго поэта. Онъ передавалъ предсказанія Мусэя живою рѣчью, пѣлъ ихъ, хотя, кажется, не всѣмъ, а только немногимъ, напимѣрь, Писистратидамъ, и развѣ только немногія изъ его предвѣщаній распространялись и получали общую извѣстность. Такъ и другіе орфики, конечно, были сами первыми расподами своихъ поэмъ, потому что и въ ихъ время поэтическія произведенія распространялись въ народѣ всего болѣе посредствомъ живой рѣчи, хотя уже ходили по рукамъ и письменные экземпляры. Слупая такихъ пѣвцовъ, народъ охотно вѣрилъ имъ, что они поютъ древнѣйшія произведенія. Орфики приписывали свои сочиненія одному киклу мифическихъ поэтовъ, преимущественно Орфею и тѣсно связанному съ нимъ Мусэю. Существовали ли Орфей, Мусэй и другіе въ народномъ преданіи до орфиковъ, мы не знаемъ. Весьма можетъ быть, что и самыя имена этихъ поэтовъ выдуманы орфиками. Но если эти имена и были въ народномъ преданіи, то, во всякомъ случаѣ, это совершенно мифическіе поэты, созданные народною фантазіей, также какъ, напимѣрь, Димодокъ и Фимій созданы фантазіей Гомера. Многіе новые ученые весьма странно относятся къ Орфею, Мусэю и др., считаютъ ихъ въ самомъ дѣлѣ существовавшими и даже характеризуютъ ихъ поэзію. Такъ дѣлаютъ, напимѣрь, Гизеке (*Thrakisch - Pelagische Stämme*, 26 — 31) и Зенгебушъ. Всѣ характеристическія особенности Орфея и такъ называемыхъ древне-ѳракійскихъ поэтовъ эти ученые берутъ изъ ученія и направленія явно позднѣйшей орфической секты VI вѣка. Никакихъ особенностей баснословной ѳракійской поэзіи, помимо выдумокъ орфиковъ VI вѣка или еще болѣе позднихъ, и найти нельзя. Ономакрить, какъ рассказываетъ Иродотъ (VII, 6), былъ въ большой чести у Писистратидовъ, но былъ изгнанъ Иппархомъ послѣ того, какъ Ласъ Ерміонскій уличилъ его въ подлогъ, въ томъ именно, что онъ вносилъ въ стихи Мусэя предвѣщаніе о томъ, что острова, находящіеся у Лимна, скроются въ морѣ. Это въ высшей степени любопытное извѣстіе не должно понимать такъ, какъ будто бы предвѣщанія Мусэя существовали и раньше Ономакрита, а онъ только привелъ ихъ въ порядокъ и издалъ. Далѣе у Иродота рассказывается, что Ономакрить, по изгнаніи Писистратидовъ, помирился съ

ними и былъ представленъ ими ко двору Ксеркса, гдѣ и пѣлъ свои предвѣщанія. Иродотъ замѣчаетъ: «Что было въ его предсказаніяхъ неблагопріятнаго персамъ, изъ того онъ ничего не говорилъ, но, выбирая самое благопріятное, говорилъ, что чрезъ Еллиспонтъ долженъ быть построенъ персами мостъ, и рассказывалъ о походѣ». Тутъ разумѣются, вѣроятно, предвѣщанія Мусэя, за единственнаго хранителя которыхъ выдавалъ себя Ономакрить. Предсказанія о походѣ Ксеркса и постройки моста чрезъ Еллиспонтъ были выдуманы Ономакритомъ, потому что это было ему выгодно. И немудрено ему было предсказывать, когда Ксерксъ уже собирался въ походъ. Но Иродотъ постоянно говоритъ съ большою осторожностью о предметахъ религіи и даже суевѣрія. Хотя онъ и не вѣрилъ многимъ изъ бывшихъ тогда въ ходу сказокъ, но рѣдко выражаетъ свои сомнѣнія. Благочестивое чувство грековъ охотно признавало, что въ пророчествахъ Мусэя было предсказано между прочимъ и персидское нашествіе. А если Ксерксъ пошелъ въ походъ, несмотря на то, что Ономакрить передавалъ ему эти пророчества, то, значить, думали греки, Ономакрить скрывалъ нѣкоторыя изъ нихъ. Такихъ собраній пророчествъ, приписанныхъ разнымъ древнѣйшимъ лицамъ, было въ то время много. Антихаръ Елеонскій, въ концѣ VI вѣка, точно также обладалъ предсказаніями Лая, какъ Ономакрить пророчествами Мусэя (Herod. V, 43). Предвѣщанія Вакида были къмъ-то распространены въ Греціи, вѣроятно, тотчасъ послѣ побѣды грековъ надъ персами, потому что въ нихъ прямо и ясно предсказываются знаменитыя событія этой войны (Herod. VIII, 20. 77. 96. IX, 43: ср. Paus. X, 12, 11). Замѣчательна та осторожность, съ которою Иродотъ выражается (VIII, 77) о предсказаніяхъ Вакида. Онъ говоритъ, что вѣрить подлинности этихъ стиховъ и не принимаетъ опроверженій. Значить, опроверженія были. Онъ говоритъ также, что и у Мусэя есть пророчества о пораженіяхъ персовъ (VIII, 96. IX, 43). Разумѣется, всѣ эти пророчества сочинены послѣ событій и не Ономакритомъ, который былъ въ партіи Иппія и на сторонѣ персовъ. Слѣдовательно, послѣ греческихъ побѣдъ кто-нибудь другой выдалъ стихи подъ именемъ Мусэя, которое орфики сдѣлали знаменитымъ. Я думаю поэтому, что предсказанія Мусэя, которыя были въ ходу до Саламинской битвы и собирателемъ которыхъ считали Оно-

макрита, были сочинены, или, лучше сказать, сочиняемы по мѣрѣ надобности сампмъ Ономакритомъ. Въ такомъ предположеніи пѣтъ ни малѣйшаго произвола. Въ томъ, что до орфиковъ не было никакихъ сочиненій Орфея и Мусэя, я совершенно убѣжденъ, да и думаю, что всѣ будутъ со мной согласны. А такъ какъ намъ указываютъ изъ числа орфиковъ именно на Ономакрита, какъ на хранителя предсказаній Мусэя, то есть твердое основаніе приписывать именно ему и ихъ сочиненіе. Весьма важно для насъ мѣсто Павсанія, который прямо высказываетъ мнѣніе, что стихотворенія Мусэя сочинены Ономакритомъ; въ подложныхъ стихахъ Ономакрить заставлялъ Мусэя говорить, что вѣтеръ Борей подарилъ ему способность летать по воздуху (*πέτεσθαι Μουσαίου ἀπὸ Βορέου δῶρον*—Pausan. I, 22, 7). Эта послѣдняя частность представляетъ въ высшей степени замѣчательную аналогію съ «восхищеніемъ» Аристея въ «Аримаспіи». Какъ же Ласъ Ерміонскій поймалъ Ономакрита въ подлогѣ? Я представляю себѣ дѣло такимъ образомъ. Вѣроятно, какіе-нибудь небольшіе островки у Лимна были затоплены моремъ: это произвело впечатлѣніе въ Греціи. Ономакрить, желая придать еще болѣе славы своему Мусэю и тѣмъ самымъ себѣ, выдалъ въ свѣтъ новое предсказаніе именно объ этомъ событіи. Вѣроятно, онъ сдѣлалъ свой подлогъ на этотъ разъ неискусно, такъ что Ласу можно было его уличить, а какъ именно, этого мы не знаемъ.

Принимая въ расчетъ вышеизложенное о Мусэѣ, мы можемъ, кажется, безъ труда рѣшить и дѣло объ Аристеѣ Проконнисскомъ. Я думаю, что и знаменитыя «Аримасповскія пѣсни» есть сочиненіе, написанное и изданное во второй половинѣ VI вѣка или кѣмъ-нибудь изъ орфиковъ, или чело-вѣкомъ, хотя и не принадлежавшимъ къ ихъ сектѣ, но также мистическаго направленія, и также прибѣгшимъ, для распрострапенія своихъ убѣжденій и мыслей въ обществѣ, къ «благочестивому обману». По содержанію своему Аримаспія соотвѣтствуетъ третьему классу орфическихъ сочиненій. Въ ней такъ же, какъ въ орфической Аргонавтикѣ, излагались географическія свѣдѣнія. Настоящій авторъ Аримаспіи взялъ въ подложные авторы своего сочиненія Аристея Проконнисскаго, котораго, можетъ быть, никогда и не существовало. Сказки объ исчезновеніяхъ Аристея могли быть придуманы и распро-

странены самимъ авторомъ Аримаспіи и его товарищами. Расчетъ, послужившій основаніемъ тремъ-стамъ-сорока лѣтъ Иродота, также, вѣроятно, пущенъ въ ходъ авторомъ Аримаспіи и его единомышленниками. Древняго, настоящаго преданія объ Аристеѣ въ Проконнісѣ никогда не могло быть, потому что жизнь его, по постороннему расчету, приходится раньше основанія самого Проконниса. Тотъ, кто сказалъ метапонтицамъ, что видѣлъ Аристея, держался пифагорейскаго ученія о переселеніи душъ; это фактъ несомнѣнный. Изъ этого мы можемъ заключить, что онъ, вѣроятно, желалъ доставить сочиненію Аристея уваженіе и распространенность въ Метапонтіи, что онъ, вѣроятно, находилъ это сочиненіе полезнымъ въ интересахъ пифагорейскаго ученія, что, слѣдовательно, въ направленіи и мысляхъ Аримаспіи онъ находилъ аналогіи своему собственному направленію и мыслямъ. Можетъ быть, это былъ самъ Пифагоръ, который жилъ и умеръ въ Метапонтіи, какъ говорятъ намъ многіе древніе. Что Аримаспія относится ко второй половинѣ VI вѣка, это видѣли болѣе проникательные или болѣе знающіе люди и въ древности: такое извѣстіе и сохранено намъ у Свида. Аристея могли считать древнѣе Гомера, потому что онъ писалъ о предметахъ, не зависящихъ отъ круга Троянскаго, о разныхъ баснословныхъ народахъ и чудовищахъ, и потому что онъ былъ очень близокъ къ Аполлону (выше я представилъ нѣсколько примѣровъ такихъ выводовъ о древности поэтовъ). Вслѣдъ за тѣмъ могло образоваться и то мнѣніе, что Аристей былъ учителемъ Гомера. Проконнисцы, гордые своимъ Аристеемъ, въ котораго они охотно увѣровали по проповѣди тайнаго автора Аримаспіи, сравнивали его съ Гомеромъ, общимъ и самымъ важнымъ поэтомъ, ставили ихъ во взаимное отношеніе, отдавали старшинство Аристею, и, слѣдовательно, дѣлали его учителемъ, а не ученикомъ Гомера. Какъ легко раздавались названія «учитель» и «ученикъ» Гомера, видно изъ того, что нѣкоторые называли ученикомъ Гомера даже Мусэя (Suidas, v. Μουσαῖος), тогда какъ другіе возражали: «Нѣтъ, Мусэй старше» (тамъ же); а третьи производили самого Гомера отъ Мусэя въ десятомъ поколѣніи. Именно своими настоящими, несомнѣнными признаками древности, своєю правдой, жизненностью, близостью къ людямъ Гомеръ казался новымъ для людей неразвитыхъ въ сравненіи съ вымышленными поэтами мистическихъ сочиненій,

которымъ настоящіе авторы старались всячески придать колоритъ глубокой древности. Мысль о родствѣ Гомера съ Мусэемъ, именно о происхожденіи Гомера отъ Мусэя, была пущена въ ходъ, вѣроятно, орфиками. Для орфиковъ было очень важно выставить древность своихъ сочиненій, и они особенно старались объ этомъ. Потомъ мало-по-малу убѣжденіе о древности Орфея и Мусэя утвердилось и стало общеприятнымъ. Однако въ послѣдствіи нашлись и между древними люди, которые отыскивали истину. Аристотель доказывалъ, что Орфея никогда не было на свѣтѣ (Сic. de Nat. D. I. с.). Имѣя это въ виду, мы должны высоко цѣнить проницательность и твердость взгляда въ Иродотѣ, когда онъ говоритъ: «Поэты, которые, какъ нѣкоторые говорятъ, были прежде Гомера и Исиода, по моему мнѣнію, были послѣ» (II, 53). Этими немногими, но ясными словами онъ разъ навсегда отстраняетъ всѣхъ подставныхъ претендентовъ на званіе учителей Гомера.

Кипрскую школу Зенгебушъ выводитъ изъ «Кипрскихъ пѣсней» Стасина и изъ Евкла предсказателя. Евкла тоже считали болѣе древнимъ, чѣмъ Гомеръ: были стихи Евкла, въ которыхъ предсказывалось рожденіе Гомера (см. Pausan. X, 24, 3). Зенгебушъ вмѣстѣ съ другими учеными думаетъ, что таково было мѣстное кипрское сказаніе. Можетъ быть; но спрашивается: когда такое преданіе возникло? Евклъ предсказывалъ не объ одномъ Гомерѣ, а также и о Персидскихъ войнахъ (Pausan. X, 14, 6), что совершенно выпущено изъ виду Зенгебушемъ. Слѣдовательно, мнимый Евклъ жилъ, во всякомъ случаѣ, послѣ 480 года, или, лучше сказать, Евкла никогда на свѣтѣ не было, а принадлежитъ онъ къ одной категоріи съ Мусэемъ, Вакидомъ и другими вымышленными авторами позднѣйшихъ стихотворныхъ предсказаній, о которыхъ я только что говорилъ. Между тѣмъ Зенгебушъ возводитъ преданіе объ Евклѣ ко времени Стасина, ко времени основанія гомеровской школы на Кипрѣ. Само собою разумѣется, что принимать кипрскую школу нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Наконецъ, критскую школу Зенгебушъ видитъ въ двухъ темныхъ мѣстахъ Свида и Діогена Лаертскаго. Свида говоритъ: «Θαλίτη κριτῆν ἢ ἐλιρῆεν (елирѣецъ, то-есть, изъ критскаго города Елира, по исправленію Меурсія), лирикъ, бывший до Гомера, написалъ пѣсни. Θαλίτη κνωσίουσκι — рапсодъ; нѣкоторыя мнѣиескія поэмы». Діогенъ, перечисляя разныхъ

Θαλιτὸς или Θалесовъ, говорить: «Третій очень древній, при Исїодѣ и Гомерѣ и Ликургѣ» (I, 38). Извѣстенъ поэтъ критскій Θαλιτὸς, жившій во второй половинѣ VII вѣка. Зенгебушъ увѣренъ, что въ обоихъ мѣстахъ дѣло идетъ о немъ, и что его ставили то раньше Гомера, то современникомъ его, потому, что онъ первый принесъ сочиненія Гомера въ Критъ и основалъ тамъ школу рапсодовъ. Мѣста Диогена и Свида сами по себѣ еще нисколько не позволяютъ сдѣлать такое заключеніе. Но есть мѣсто, которое дѣйствительно подтверждаетъ мысль Зенгебуша и цитируется имъ съ этою цѣлью; это именно слова Максима Тирскаго (Max. Tyr. XIII, vol. I, p. 449 Reiske (94 Dübner)): ὁψὲ μὲν γὰρ ἡ Σπάρτη ῥαψῳδεῖ, ὁψὲ δὲ καὶ ἡ Κρήτη, ὁψὲ δὲ καὶ τὸ Δωρικὸν ἐν Λιβύῃ γένος. Здѣсь говорится, что гомеровскіе рапсоды появились въ Критѣ поздно; слѣдовательно, можетъ быть, и дѣйствительно Θαλιτὸς первый началъ рапсодировать въ Критѣ. Но школы критской все-таки еще не видно. И Θαλιτὸς считали болѣе древнимъ, чѣмъ Гомеръ, не потому что онъ рапсодировалъ Гомера, а можетъ быть, и потому, что въ миическихъ поэмахъ, о которыхъ упоминаетъ Свидя, Θαλιτὸς описывалъ событія болѣе древнія, чѣмъ описываетъ Гомеръ.

Я разобралъ теперь всѣ основанія теоріи Зенгебуша и указалъ на все, что въ его доводахъ заслуживаетъ вниманія. Чтобы найти школы рапсодовъ въ остальныхъ городахъ, Зенгебушъ прибѣгаетъ къ самымъ произвольнымъ выводамъ. Я уже говорилъ, что о самыхъ «школахъ рапсодовъ» мы рѣшительно ничего не знаемъ. Существованіе ихъ вѣроятно, по объ устройствѣ и характерѣ дѣятельности ихъ ничего не извѣстно. Нѣкоторые ученые утверждали даже, что мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобы принять самое существованіе какихъ бы то ни было школъ рапсодовъ. Такъ, Нибуръ, Ницшъ и Бернгарди думаютъ о самихъ Гомеридахъ хіосскихъ, что это просто былъ родъ, въ которомъ было много поэтовъ, и которому вслѣдствіе того придали въ атрибутъ рапсодію (см. Bernhardt, Grundriss d. gr. Litt. I, 272, 2 е изд. (I, 300, 5 е изд.)). А между тѣмъ Гомериды хіосскіе—самый главный, можно сказать, единственный пунктъ, въ которомъ теорія о преемствѣ гомеровскихъ произведеній въ мѣстныхъ школахъ находитъ себѣ точку опоры. Я думаю впрочемъ, что нѣтъ основанія отвергать школу рапсодовъ. Мы знаемъ, что рапсоды учились

своему искусству и что были состязанія рапсодовъ на разныхъ городскихъ праздникахъ. Но не должно непременно предполагать, что было множество школъ въ разныхъ городахъ. Во многихъ городахъ могли быть и отдѣльные рапсоды. А главное, не должно вымышлять чего-нибудь такого, чего никакъ нельзя вывести изъ свидѣтельствъ древнихъ писателей. Итакъ, теорія объясненія рассказовъ о Гомерѣ, выставленная Зенгебушемъ, примѣняется только къ Хіосу и, пожалуй, еще къ Криту. Большая же часть рассказовъ не объясняется теоріей Зенгебуша. Хронологическія опредѣленія, происходящія отъ сопоставленія Гомера съ другими поэтами, я старался объяснить иначе. Кромѣ того, существуютъ у древнихъ писателей хронологическія данныя, которыхъ основанія намъ не ясны. Киклы, къ которымъ прибѣгаетъ и Зенгебушъ, не имѣютъ смысла. Вѣроятно, что въ большей части случаевъ разсчитывали по поколѣніямъ. Изъ исчисленныхъ выше показаній древнихъ писателей особенно замѣчательно мнѣніе Иродота. Его мнѣнію нельзя не придавать большой цѣны, потому что онъ высказываетъ вѣрный взглядъ на древность Гомера сравнительно съ другими поэтами и на отношеніе Иліады и Одиссеи къ другимъ сочиненіямъ. Иродотъ относитъ Гомера къ IX вѣку. Ератосенъ и Аполлоторъ, люди многоученые, обладавшіе свѣтлымъ взглядомъ, которыхъ мнѣніе заслуживаетъ особеннаго вниманія, относятъ Гомера къ X вѣку; Аристотель и Аристархъ—къ XI. Оба послѣдніе также большіе авторитеты, но они относили жизнь Гомера ко времени іонійскаго переселенія, придерживаясь старыхъ преданій, которымъ вѣрить мы не можемъ. Такъ какъ всѣ почти древніе и новые признаютъ, что Иліада и Одиссея созданы въ Малой Азіи, то относятъ Гомера ко времени переселенія нельзя: иначе онъ будетъ не мало-азиатскій грекъ, а грекъ собственной Еллады. Поэтому, мнѣніе Аполлотора и Ератосена имѣетъ, мнѣ кажется, наибольшую вѣроятность, и Зенгебушъ совершенно напрасно осмыкаетъ Лауера своими насмѣшками и островами за то, что тотъ указываетъ мимоходомъ на авторитетъ этихъ ученыхъ.

Различныя басни, которыя рассказываютъ намъ древніе о Гомерѣ, на примѣръ, о его слѣпотѣ, ниществѣ, чудесныхъ явленіяхъ ему боговъ, не основываются ни на какомъ древнемъ подлинномъ преданіи. Онѣ показываютъ только, что о

жизни великаго поэта ничего не знали. И съ этими баснями связаны нѣкоторые вопросы, не лишенные интереса; но они не важны собственно для такъ называемаго Гомеровскаго вопроса, и мы оставимъ ихъ на этотъ разъ въ сторонѣ.

Вольфианцы любятъ говорить, что древніе приписывали Гомеру не только Иліаду и Одиссею, но кромѣ того гимны, малыя и шуточные стихотворенія, и, наконецъ, весь кикль эпическихъ поэмъ древнѣйшаго времени, которыхъ было много, такъ что имя Гомера припимааетъ собирательное значеніе. Особенно наираетъ на этотъ доводъ Боницъ. Но при внимательномъ разборѣ это мнѣніе оказывается невѣрнымъ. Правда, Прокль говоритъ: «Древніе приписываютъ Гомеру и кикль» (*vita Hom.*; cf. *Suidam*). Древніе поэты, напримѣръ, Симонидъ, и нѣкоторые прозаики, дѣйствительно, цитуютъ произведенія кикликовъ подъ именемъ Гомера. Но это лишь неточное употребленіе Гомерова имени, происшедшее отъ того, что Гомеръ такъ высоко стоялъ надъ всѣми прочими эпическими поэтами, что въ его имени для народа соединялась вся эпическая поэзія. Основательность этого соображенія доказываютъ, во-первыхъ, прямыя указанія имени и даже времени жизни авторовъ остальныхъ эпическихъ поэмъ, за исключеніемъ Иліады и Одиссеи,—указанія, въ достовѣрности которыхъ не сомнѣваются и вольфианцы; во-вторыхъ, уже съ отдаленнаго времени древніе сумѣли отличить поэта Иліады и Одиссеи отъ другихъ эпическихъ поэтовъ: Иродотъ прямо говоритъ, что «Кипрскія пѣсни» не принадлежатъ Гомеру (II, 117), и сомнѣвается, чтобы ему принадлежали «Епигоны» (IV, 32); Платонъ, цитую изъ числа такъ называемыхъ гомеровскихъ эпиграммъ небольшое надгробное стихотвореніе царю Мидѣ, не приписываетъ его Гомеру (*Phædr.* p. 264 C. D); Аристотель отдѣляетъ авторовъ киклическихъ поэмъ отъ Гомера и ставитъ ихъ гораздо ниже его, а Гомеру приписываетъ, кромѣ Иліады и Одиссеи, только Маргита; наконецъ, при самомъ началѣ научныхъ зачатій литературою, во время александрійскаго, тотчасъ окончательно отдѣлили Иліаду и Одиссею отъ прочихъ поэмъ, которыя «и по природѣ, и по силѣ» (*vita E.*, *Suidas*) стоятъ далеко ниже этихъ двухъ безсмертныхъ произведеній.

Говоря о Гомерѣ, я говорю о великомъ поэтѣ, творцѣ Иліады и Одиссеи. И внѣшнія, и внутреннія доказательства,

мнѣ кажется, заставляютъ насъ признать, что каждая изъ этихъ поэмъ есть произведеніе единое и нераздѣльное, принадлежащее одному автору; весьма вѣроятно и то, что обѣ поэмы написаны однимъ лицомъ. Это я постараюсь доказать далѣе опроверженіемъ доводовъ противной стороны. Звали ли автора Иліады и Одиссеи Гомеромъ или какъ-нибудь иначе, этого я не знаю. Очепь можетъ быть, что имя «Гомеръ» придано поэту послѣ, по неизвѣстной намъ причинѣ. Объ обстоятельствахъ жизни поэта Иліады и Одиссеи я также ничего не знаю. На основаніи предыдущаго разбора извѣстій, мнѣ кажется, можно думать, что авторъ этихъ поэмъ жилъ въ Малой Азіи, примѣрно въ X вѣкѣ до Р. Х. Внѣшнее доказательство единства Иліады и Одиссеи есть единогласное свидѣтельство древности; внутреннія доказательства того же суть художественное построеніе цѣлаго, строгая связь частей, единство характера, единство языка. Возраженія вольфіанцевъ противъ того и другого пункта приводятъ насъ прежде всего ко второй главной части Гомеровскаго вопроса, къ разбору извѣстій объ исторіи гомеровскихъ произведеній въ древности, преимущественно о такъ называемой редакціи Писистрата.

II.

Первое появленіе гомеровскихъ поэмъ въ собственной Греціи связано въ греческихъ преданіяхъ съ именемъ Ликурга, законодателя спартанскаго. Мы уже разобрали извѣстія древнихъ писателей о свиданіи Ликурга на Самосѣ съ потомками Креофила или съ самимъ Гомеромъ. Личность самаго Ликурга, о которомъ такъ много сумѣли рассказать позднѣйшіе авторы, принадлежитъ къ числу полубаснословныхъ или, по крайней мѣрѣ, совершенно неизвѣстныхъ намъ. Въ разказахъ о Ликургѣ, собственно говоря, нѣтъ ничего мифическаго, чудеснаго, но зато много невѣроятнаго, если принять въ соображеніе время, когда жилъ Ликургъ. Это не мифы народные, но отчасти городскія преданія, образовавшіяся, по всѣмъ признакамъ, очень поздно, а еще болѣе — «соображенія» и риторическія упражненія позднѣйшихъ писателей. «О законодателѣ Ликургѣ — такъ начинается Плутархъ свое жизнеописаніе Ликурга — совершенно ничего нельзя ска-

зять, что не было бы подвержено спорамъ. И происхожденіе его, и путешествіе, и смерть, а также его законодательная и политическая дѣятельность разсказываются различнымъ образомъ; всего менѣе соглашаются насчетъ времени, когда онъ жилъ». И въ самомъ дѣлѣ, Ксенофонтъ относитъ Ликурга ко времени Ираклидовъ (*Resp. Laced.* 10, 8), то-есть, перехода Ираклидовъ въ Пелопоннись, какъ ясно изъ контекста. Если слѣдовать Иродоту, то, какъ уже было сказано, придется помѣстить Ликурга за 1000 лѣтъ до Р. Х. Другіе относятъ законодательство Ликурга къ 880 году. Тимэй, чтобы согласить эти противорѣчія, принималъ двухъ Ликурговъ. Послѣ этого странными кажутся слова Курціуса: «Нельзя все-таки отрицать, что дѣйствительно въ первой половинѣ IX вѣка жилъ и дѣйствовалъ законодатель Ликургъ» (*Griech. Gesch.*, I, 156). Не говорю уже о времени перехода Ираклидовъ въ Пелопоннись, о времени Лавота; но если даже Ликургъ и жилъ въ IX вѣкѣ, разсказы о его путешествіи все таки неправдоподобны. Извѣстно, что Спарта за 880 лѣтъ до Р. Х. была небольшою землей въ долинѣ Еврота, не доходившею до береговъ Эгейскаго моря; что весь восточный берегъ Лаконіи былъ въ то время независимымъ отъ Спарты и находился подъ властью Аргоса; что у самой черты города Спарты была независимая область, Амиклы. Эти свѣдѣнія заимствованы не изъ какого-либо новооткрытаго источника, но изъ всѣмъ давно извѣстныхъ Иродота и Павсаніи. Но ученые до такой степени привыкли слѣдовать разсказамъ позднѣйшихъ авторовъ, до такой степени находились и до сихъ поръ находятся подъ вліяніемъ ихъ сказокъ, что не обращали вниманія на данныя, которыя должны были бы совершенно разрушить старое представленіе. Плутархъ и другіе позднѣйшіе писатели представляютъ себѣ Спарту уже и при Ликургѣ владычицею всей Лаконіи. Гротъ первый доказалъ, что дѣятельность Ликурга (если онъ дѣйствительно существовалъ) не могла простираться на всю Лаконію, а распространялась только развѣ на небольшую часть ея. Послѣ этого разсказы о далекихъ путешествіяхъ Ликурга теряютъ послѣднюю вѣроятность. Путешествовалъ въ Критъ и въ Малую Азію тотъ самый Ликургъ, который раздѣлилъ Лаконію на 39.000 участковъ и былъ правителемъ всего морского берега, то-есть, Ликургъ, существовавшій только въ воображеніи позднѣйшихъ

писателей. Позднѣйшіе распространяли путешествіе Ликурга и гораздо далѣе; говорили, что онъ былъ въ Египтѣ, Ливіи, Испаніи, Индіи, гдѣ учился у гимнософистовъ (Plut. Luc. 4),—однимъ словомъ, во всѣхъ тѣхъ странахъ, куда посылають позднѣйшіе писатели Геркулеса, Пинеагора, Аполлонія Тианскаго. Что Ликургъ не привозилъ сочиненій Гомера въ Спарту, видно также изъ замѣчательнаго мѣста Максима Тирскаго, приведеннаго нами выше. Такія отрывочныя свѣдѣнія, сообщаемыя позднѣйшими авторами безъ умысла, часто гораздо важнѣе, чѣмъ рассказы ихъ, обставленные подробностями, потому что въ первомъ случаѣ извѣстіе, по большей части, заимствовано изъ какого-либо источника и сообщается безъ измѣненій, безъ примѣси комбинацій самого автора. Если въ Спартѣ, въ Критѣ, въ Кириѣ, все дорійскихъ государствъ, Гомера стали поздно рапсодировать, то ясно, что Ликургъ не привозилъ поэмъ Гомера въ Спарту и не вводилъ ихъ въ кругъ воспитанія спартанскаго. Наконецъ, самыя выраженія Плутарха показываютъ, что онъ самъ придумывалъ, какъ согласить это извѣстіе съ раннею популярностью Гомера въ Греціи. Онъ говоритъ:

„Ликургъ ревностно списывалъ и собиралъ поэмы Гомера, чтобы привезти ихъ въ Грецію. Въ то время между греками была уже нѣкоторая слабая молва о Гомерѣ (δὲθα τις ἀμαυρά), и у немногихъ были нѣкоторыя части поэмъ, такъ какъ поэзія Гомера распространялась отрывками (σποράδην), какъ случится. А особенно извѣстною сдѣлалъ ее первый Ликургъ“.

Все это догадки самого Плутарха, а не свѣдѣнія, заимствованныя изъ какихъ-либо достовѣрныхъ источниковъ. Эліанъ (Var. Hist. XIII, 14) говоритъ еще проще и грубѣе:

„Прежде древніе пѣли сочиненія Гомера раздѣльно, напримѣръ Битву при корабляхъ, Долонію, Доблесть Агамемнона, Списокъ кораблей, Патроклію, Выкупъ тѣла Гектора, Состязанія въ память Патрокла, Нарушеніе договорной клятвы. Это вмѣсто Иліады. А вмѣсто другой поэмы: Что въ Пилосѣ, Что въ Лакедемонѣ, Пещера Калипсо, Построеніе плота, Рассказы Алкиною, Киклопія, Вызовъ мертвыхъ (Νέκυια), У Кирки, Мытье, Убіеніе жениховъ, Въ загородномъ домѣ, Въ домѣ Лаерта. Гораздо послѣ Ликургъ лакедемонянинъ первый привезъ въ Елладу цѣлую поэзію Гомера изъ Іоніи, куда ѣдиль. А потомъ Писистратъ собралъ и показалъ на свѣтъ (συναγαγὼν ἀπέφηνε) Иліаду и Одиссею“.

Что же новаго сдѣлалъ Ликургъ, по Эліану? Привезъ цѣлаго Гомера? Но и прежде Гомеръ былъ тоже извѣстенъ весь (Эліанъ называетъ и самыя подозрительныя для новыхъ ученыхъ книги), только отдѣльными книгами. Такимъ образомъ

дѣло Ликурга (и дѣло Писистрата) принимаетъ самые скромные размѣры. Мы должны, кажется, совершенно отвергнуть рассказы о привозѣ гомеровскихъ произведеній Ликургомъ. Трудно понять, какъ Курціусъ можетъ въ наше время говорить о «морскихъ путешествіяхъ» Ликурга и о «многочисленныхъ связяхъ» его, «обнимавшихъ, между прочимъ, именно Іонію».

Если заслуги спартанскаго законодателя въ отношеніи гомеровскихъ поэмъ баснословны, зато болѣе вѣроятности имѣть за собою извѣстіе о распоряженіи законодателя аѳинскаго касательно гомеровскаго текста. Правда, извѣстіе Діевхида, которое мы сейчасъ приведемъ, стоитъ одиноко, дошло до насъ въ сокращенномъ и испорченномъ видѣ и возбудило много споровъ; притомъ то или иное пониманіе его зависитъ отъ того или иного рѣшенія вопроса о Писистратовской редакціи. Ученые, приписывающіе важное значеніе этой редакціи, имѣютъ обыкновеніе разсматривать Діогена Лаэртскаго, цитующаго Діевхида, послѣ мѣстъ древнихъ авторовъ о работѣ Писистрата. Однако и самый хронологическій порядокъ требуетъ, чтобы мы сначала разсмотрѣли то, что говорятъ намъ древніе о состояніи гомеровскихъ поэмъ при Солонѣ. Діогенъ Лаэртскій (I, 57) говоритъ слѣдующее:

„Солонъ предписалъ, чтобы произведенія Гомера были публично читаемы (рецитируемы) рапсодами ἐξ ὑποβολῆς, то-есть, на чемъ первый остановился, съ того начиналъ бы слѣдующій. Итакъ, Солонъ болѣе объяснилъ Гомера (ἰφώτισεν), нежели Писистратъ, какъ говорить Діевхидъ въ пятой книгѣ Мегарской Исторіи. По преимуществу были эти стихи: „а которые жили въ Аѳинахъ“ и проч. (οἱ δ' ἄρ' Ἀθήνας εἶχον—II, II, 546).

Очевидно, что мѣсто Діогена дошло до насъ въ испорченномъ видѣ, такъ что самый смыслъ его не ясенъ. Имѣнно, кажется, что тотчасъ послѣ названія сочиненія Діевхида слѣдуетъ пропускъ, въ которомъ должно было находиться объясненіе того, почему приводятся извѣстные стихи изъ гомеровскаго каталога. Потому, что значитъ ἐξ ὑποβολῆς? Вѣрноподобно объясняетъ Діогенъ это выраженіе? Въ платоновомъ разговорѣ «Иппархъ» говорится: «Иппархъ, сынъ Писистрата, первый привезъ поэмы Гомера въ Аттіку и принудилъ рапсодовъ во время Панаѳинѣйскаго праздника читать всего Гомера подъ рядъ, ἐξ ὑπολήψεως, какъ это они и до сихъ поръ дѣлаютъ» (p. 228 В. cf. Aelian. Var. Hist. VIII, 2). Здѣсь

ἐξ ὑπολήψεως значить, какъ всё понимаютъ, въ порядкѣ текста, такъ чтобы слѣдующій рапсодъ начиналъ съ того мѣста, на которомъ остановился первый, однимъ словомъ ἐξ ὑπολήψεως значить то, что Діогенъ видитъ въ выраженіи ἐξ ὑποβολῆς. О значеніи этого послѣдняго ученые много спорили. Объясненіе Діогена приписываютъ Левъ Аллатій (*de patria Homeri*, cap. 5, цитата Вольфа), Вольфъ (*Prolegomena ad Homerum*, p. CXL) и Бёкъ (*Index lect. aest. Berol. 1834* и *C. I. G. ad nr. 3088*). Съ Бёкомъ сильно спорилъ о значеніи ἐξ ὑποβολῆς Готфридъ Германъ (*Quid sit ὑποβολή et ὑποβλήδην*—*Opuscula*, V, 300; *Defensio dissertationis de ὑποβολῆ*, тамъ же, VIII, 162). Благодаря старательнымъ изслѣдованіямъ Бёка, Германа, Ницша (*Meletemata*, II, 133 сл.) и другихъ, намъ ясно теперь, что можетъ значить ὑποβολή. Ученые сличили съ выраженіемъ Діогена разныя другія мѣста, гдѣ это слово встрѣчается. Въ одной теосской надписи исчисляются мальчики разныхъ возрастовъ, удостоенные награды за успѣхи въ различныхъ предметахъ преподаванія и школьныхъ упражненій. Между прочимъ упоминается ὑποβολή ἀνταποδόσεως и просто ὑποβολή. Бёкъ, разсматривая надпись, приходитъ къ убѣжденію, что ὑποβολή есть не что иное, какъ сама рапсодическая рецитация. Бёкъ и не могъ придти къ другому результату, потому что считалъ выраженія ἐξ ὑποβολῆς и ἐξ ὑπολήψεως тождественными. Если мальчики учились рецитировать, одинъ продолжая чтеніе другаго, то ничего и не выходило, кромѣ рецитированія, такъ что ὑποβολή теряетъ всякое значеніе. Но Германъ и Ницшъ объясняютъ дѣло иначе. 'Εξ ὑποβολῆς διέναι τὸν ἄρχον значить: «присягать, повторяя за кѣмъ-нибудь (напримѣръ, за жрецомъ) формулу присяги» (см. замѣчательное мѣсто Полемона у Макробія, V, 19). У Ксенофонта (*Сугоряд. III, 3, 37*) ἐξ ὑποβολῆς тоже значить: «по подсказу», «по напоминанію». Ὑποβλεῦς значить «суфлёръ». Ὑποβολήν ἀνταποδόσεως теосской надписи Ницшъ объясняетъ такъ, что учитель кратко указывалъ, какую пьесу ученикъ долженъ былъ декламировать. Ричль говоритъ, что значеніе слова опредѣлено изслѣдователями съ полною точностью (*Die alexandrinischen Bibliotheken. Opuscula Philol. I, 54*). Но тотъ же ученый замѣчаетъ, что выраженіе ἐξ ὑποβολῆς должно имѣть такое значеніе, если оно употреблено въ точномъ смыслѣ. Если Діогенъ могъ невѣрно объяснить, то Діевхидъ могъ не-

точно употребить слово. Итакъ, выраженіе Діевхида можетъ значить: «рецитовать по экземпляру Гомера» и также: «рецитовать въ опредѣленномъ порядкѣ». Какъ бы то ни было, изъ Діевхида слѣдуетъ, что при Солонѣ были въ Аоинахъ письменные экземпляры Гомера. Иначе нельзя было провѣрять, слѣдуютъ ли рапсоды уставу Солона. Въ томъ, какъ должно понимать вторую половину приведеннаго выше мѣста Діогена, ученые также не согласны. Писистрату приписывали древніе собраніе гомеровскихъ поэмъ, а также вставку въ текстъ Гомера нѣкоторыхъ стиховъ, которые относятся къ аоинскимъ героямъ. Можетъ быть, Діевхидъ не упоминаетъ о редакціи Писистрата умышленно, можетъ быть, намекаетъ на нее въ словѣ «объяснилъ», ἐφώτισεν, которое относится и къ Писистрату; можетъ быть, наконецъ, упоминаніе объ этомъ находилось въ пропускѣ. Лерсъ думаетъ, что нѣтъ нужды предполагать пропускъ, что и такъ все понятно. По мнѣнію Лерса, Діогенъ хочетъ сказать, что Солонъ, введя въ Аоинахъ обычай публично читать Гомера въ порядкѣ его текста, болѣе распространилъ въ Атикѣ славу Гомера и сдѣлалъ его болѣе популярнымъ, чѣмъ успѣлъ въ томъ Писистратъ, который вставилъ въ поэмы стихи, пріятные для аоинянъ (De Aristarchi studiis Homericis, ed. 2, 440). Напротивъ того, Ричль думаетъ, что необходимо принять пропускъ, и предлагаетъ вставить нѣсколько словъ; но въ сущности смыслъ мѣста, если мы вставимъ слова, предлагаемая Ричлемъ, будетъ тотъ же, что у Лерса. В. Риббекъ, одинъ изъ приверженцевъ теоріи Вольфа и Лахманна, представляетъ крайне странную догадку; онъ говоритъ:

„Если *ἠρωδολή* означаетъ въ самомъ дѣлѣ письменный текстъ, который рапсоды были связаны, то Солонъ, конечно, составилъ этотъ текстъ только для пѣсень, особенно пріятныхъ аоинянамъ, потому что Діогенъ прибавляетъ: „А были это стихи“ и проч.“ (см. Prüfung neuerer Ansichten über die Ilias. Philologus, VIII, 468).

Такимъ образомъ Риббекъ думаетъ, что при Солонѣ были записаны только тѣ мѣста Гомера, которые относятся къ аоинянамъ. Не велики же были поэмы Гомера при Солонѣ! Все, что относится къ аоинянамъ у Гомера, рапсодъ могъ прочитать въ пять минутъ, если еще не скорѣе. И Солонъ обвиняли въ томъ, что онъ вставилъ въ текстъ Гомера нѣкоторые стихи въ интересахъ аоинскихъ. Плутархъ въ биографіи Солонъ (сар. 10), рассказавъ о войнѣ Аоинъ съ Мегарами изъ-за

острова Саламина и о томъ, какъ подъ предводительствомъ Солона аѣиняне покорили Саламинъ, продолжастъ:

„Но мегарцы не удовольствовались этимъ, а продолжали войну. Наконецъ, обѣ стороны обратились къ третьейскому рѣшенію лакедемонянъ. Многіе разсказываютъ, что Солонъ вставилъ въ каталогъ Гомера стихъ: „Эантъ (саламинскій вождь) поставилъ (свои корабли) подлѣ рядовъ аѣинскихъ“ и этимъ выигралъ дѣло. Но сами аѣиняне говорятъ, что это пустяки, и что Солонъ доказалъ права аѣинянъ на Саламинъ совсѣмъ иначе“.

Страбонъ (IX, р. 394), сообщаетъ ту же исторію о спорѣ за Саламинъ и прибавляетъ: «По однимъ Писистратъ, а по другимъ Солонъ вписалъ въ каталогъ Гомера стихъ: «Эантъ поставилъ» и пр.; а мегарцы, напротивъ того, читали въ каталогѣ: «Эантъ привелъ корабли изъ Саламина, Полихны, Эгируссы, Нисэи и Триподовъ»; все это мегарскія мѣстечки». Эти подозрѣнія древнихъ противъ Солона и противъ Писистрата весьма мало основательны. Солонъ едва ли могъ убѣдить лакедемонянъ подложнымъ стихомъ. И какъ же потомъ узнали, что стихъ подложенъ? Вѣроятно, такъ разсказывали одни мегарскіе историки (Діевхидъ былъ, конечно, мегарецъ; Плутархъ цитуетъ мегарца Ирея, Ἰρέας). То, что Солонъ вставилъ стихъ, было только ихъ догадкою, которую они не затруднились выдать за несомнѣнную истину, какъ обыкновенно дѣлали то позднѣйшіе древніе. Такимъ образомъ анекдотъ былъ пущенъ въ ходъ, и позднѣйшіе писатели, охотники до анекдотовъ, не упустили случая повторять его.

Перейдемъ теперь къ пресловутой Писистратовской редакціи. Этотъ вопросъ, запутанный и возбудившій столько споровъ, тѣсно примыкаетъ къ вопросу о началѣ письменности и вмѣстѣ съ нимъ есть важнѣйшая часть нашей задачи. Исторія вопроса о Писистратовской редакціи представляетъ много любопытнаго по крайнему разногласію мнѣній, а также и потому, что въ новое время были найдены одинъ за другимъ три разные текста одного новаго источника, имѣющаго отношеніе къ этому вопросу, и всякая находка побуждала ученыхъ разсматривать дѣло сызнова. Вольфъ утверждалъ, что, по согласному свидѣтельству всей древней литературы, Писистратъ первый записалъ гомеровскія поэмы и привелъ ихъ въ тотъ порядокъ, въ которомъ онѣ теперь читаются. Вотъ свидѣтельства древнихъ, на которыя Вольфъ ссылался. Цицеронъ (de Oratore, III, 34, 137): «Кто, по преданію, былъ въ

то время (при семи мудрецахъ) ученіе Писистрата, и чье краснорѣчіе было вооружено бѣльшимъ литературнымъ образованіемъ? Онъ первый, говорятъ, расположилъ спутанныя прежде книги Гомера такъ, какъ мы нынѣ имѣемъ (*Homeri libros confusos antea sic disposuisse dicitur, ut nunc habemus*). Павсанія (VII, 26, 13): «Писистратъ собралъ разорванныя и въ разныхъ мѣстахъ по частямъ сохраняемыя въ памяти произведенія Гомера» (*ἔπη τὰ Ὀμήρου διεσπασμένα τε καὶ ἄλλα ἀλλαχοῦ μνημονευόμενα ἤθροισε*). Иосифъ Флавій (*Contra Apionem*, I, 2, 12): «Говорятъ, что Гомеръ не оставилъ своихъ поэтическихъ произведеній записанными, но они передавались по памяти въ пѣсняхъ и потомъ были соединены въ цѣлое, а потому столько въ нихъ противорѣчій» (*καὶ φασιν οὐδὲ τοῦτον (Ὀμηρον) ἐν γράμμασι τῆν αὐτοῦ ποιῆσιν καταλιπεῖν, ἀλλὰ διαμνημονευομένην ἐκ τῶν ἀσμάτων ὕστερον συντεθήναι*—то-есть; Писистратомъ, прибавляетъ Вольфъ). Мѣсто Эліана приведено выше. Ливаній (*Panegyг. in Julian*, I, p. 385 Reiske (II, p. 29 Foerster)): «Мы хвалимъ Писистрата за собраніе чужихъ сочиненій»; и въ другомъ мѣстѣ (*Socrat. apol.* III, p. 25): «Писистратъ, который особенно заботился о поэзіи Гомера, никого не убилъ за порицаніе какого-нибудь стиха, а такія порицанія должны были часто случаться при сборѣ сочиненій Гомера (τῶν Ὀμήρου συλλεγομένων)». Свида (v. Ὀμηρος): «Гомеръ написалъ Илиаду не вдругъ и не къ ряду, какъ она теперь существуетъ, но писалъ всякую рапсодію отдѣльно, декламировалъ во время своихъ странствованій и оставлялъ по городамъ изъ-за пропитанія. А потомъ Илиада была соединена въ цѣлое и составлена многими, и въ особенности Писистратомъ, тиранномъ аѳинскимъ» (*συντέθη καὶ συνετάχθη ὑπὸ πολλῶν καὶ μάλιστα ὑπὸ Πεισιστράτου*). Евстаѳій (*Comment. ad Homer. Argum.* II, I, vol. I, p. 5): «Илиада есть тѣло единое, связанное и прекрасно составленное. Грамматики, которые сложили (*συνδέμενοι*) ее по приказанію, какъ говорятъ, Писистрата, тирана аѳинскаго, и исправили ее по своему усмотрѣнію, и изъ которыхъ главнымъ былъ Аристархъ, а послѣ него Зинодотъ, раздѣлили ее на 24 части». Въ началѣ комментарія на десятую книгу Илиады (vol. II, p. 309) Евстаѳій говоритъ: «Древніе говорятъ, что эта рапсодія была у Гомера отдѣльною поэмой (*ἰδίᾳ τετάχθαι*) и не была включена въ число частей Илиады, а Писистратъ присоединилъ ее къ поэмѣ». Анонимное жизнеописаніе Гомера

(Vita D): «Обходя города, Гомеръ пѣлъ свои поэмы. Потомъ ихъ собралъ (συνήγαγεν) Писистратъ, какъ показываетъ стихотвореніе: «Трижды я царствовалъ, столько же разъ меня изгонялъ пародъ Ерехѳея и трижды возвращалъ, великаго въ со-вѣтахъ Писистрата, который собралъ Гомера, прежде пѣтаго отрывками. Это былъ нашъ золотой согражданинъ, если правда, что мы, аѳиняне, выстроили Смирну» ¹⁾. Другая анонимная біографія (Vita E): «Подлинныя поэмы Гомера, которыя были прежде пѣты отрывками, Писистратъ аѳинянинъ сложилъ и привелъ въ порядокъ (σποράδην ἀειδόμενα -- συνέταξεν), какъ показываетъ надпись» (затѣмъ приводится то же самое стихотвореніе). Схολіастъ въ Anecdota Виллуазона (II, p. 18; то же самое въ Anecdota Bekkeri, II, p. 767): «Нѣкогда поэмы Гомера на нѣкоторое время пропали или отъ огня, или отъ наводненія. Всѣ книги Гомера были разсѣяны или пропали, и потомъ оказалось, что у одного, положимъ, сто стиховъ гомеровскихъ, у другаго тысяча, у третьяго двѣсти и т. д. Но нѣкто Писистратъ, вождь аѳинянъ, желая прославиться и возобновить Гомера, вотъ что придумалъ: онъ обнародовалъ во всей Греціи, что у кого есть гомеровскіе стихи, тотъ пусть приноситъ ихъ къ нему за извѣстную плату за каждый стихъ. Всѣ, у кого были стихи, относили ихъ и получали, безъ замедленія, опредѣленную плату. Писистратъ не отгонялъ и того, кто приносилъ ему стихи, уже прежде собранные; и такому давалъ ту же плату, такъ какъ иногда случалось, что находилъ въ числѣ старыхъ одинъ или два стиха новыхъ, а иногда и больше. Отъ этого случалось, что вставляли и свои собственные стихи; эти стихи отмѣчаются нынѣ чертами ²⁾. Когда всѣ стихи были собраны, Писистратъ призвалъ семьдесятъ двухъ грамматиковъ съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ сложилъ стихи Гомера особо, какъ ему покажется всего лучше. Всякому грамматикѣ назначилъ онъ плату, достойную такихъ людей, и каждому далъ всѣ стихи, которые

¹⁾ Τρίς με τυραννήσαντα τοσαυτάκις ἐξεδίωξε
δῆμος Ἐρεχθῆος καὶ τρίς ἐπηγάγετο,
τὸν μέγαν ἐν βουλαῖς Πεισιστράτου, δε τὸν Ὀμηρον
ἤθροισα σποράδην τὸ πρὶν ἀειδόμενον.

²⁾ Черта, ὄβελος, какъ наше тире: знакъ подложнаго стиха, введенный Зинодотомъ и принятый Аристархомъ.

собралъ. Когда всякій изъ нихъ сложилъ стихи Гомера по своему, Писистратъ собралъ всѣхъ грамматиковъ, и всякій долженъ былъ изложить свое построение (*σύνθεσις*) Гомера. Они выслушали другъ друга не съ завистью, но съ желаніемъ добиться истины и единогласно рѣшили, что лучше всѣхъ построение и исправленіе Аристарха и Зинопота, а изъ этихъ двухъ лучше Аристархово». Вольфъ назвалъ рассказъ этого послѣдняго схолиаста «нелѣпою выдумкою», съ чѣмъ, конечно, всякій согласится. Другой схолиастъ (изданный у Виллуазона на той же страницѣ): «Тогда передавались сочиненія Гомера не письмомъ, но простымъ разучиваніемъ на память для пѣнія (*μόνη διδασκαλία*). Писистратъ пожелалъ сохранить поэзію Гомера записанною». Далѣе вкратцѣ разсказывается та же сказка, что у перваго схолиаста. Третій схолиастъ (тамъ же у Виллуазона): «Говорятъ, что поэмы Гомера были сшиты (*συνεράφησαν*) Писистратомъ и приведены въ порядокъ, а прежде были читасмы отрывками и какъ случится, потому что ихъ связь разорвалась съ теченіемъ времени (*σποράδην καὶ ὡς ἔτυχε ἀναγιγνωσκόμενα, διὰ τὸ τὴν ἀρμογὴν αὐτῶν τῷ χρόνῳ διασπασθῆναι*). Къ этимъ свидѣтельствамъ должно еще прибавить слѣдующее. Авлъ Геллій (*Noct. Att. VII (VI), 17*): «Говорятъ, что тиранъ Писистратъ первый положилъ въ Аѳинахъ книги свободныхъ наукъ въ общественномъ зданіи для чтенія. Аѳиняне увеличили число книгъ. Ксерксъ взялъ ихъ въ Персію, Селевкъ Никаторъ возвратилъ аѳинянамъ». Схолиастъ Пиндара (*Nem. II, 1*) говоритъ о преимствѣ рапсодовъ (это мы приводили уже раньше), потомъ замѣчаетъ: «Говорятъ, что поэзія Гомера не была собрана въ одно, но была въ отрывкахъ и раздѣлена на части». Цець (*Ἰζέτιζης*) въ «Объясненіи на Иліаду» (*Exeges. in Iliad. p. 37 Hermann*): «Гомеръ былъ такъ бѣденъ, что, какъ говорится, и собаки прокормить не могъ. Это видно изъ того, что его поэмы были собираемы прежде по отрывкамъ и переписывались на дрянной бумагѣ (*ἐν σαπροῖς τισι χάρταις φερόμενα*), а Писистратъ послѣ собралъ». Въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія (p. 45) Цець тоже говоритъ, что Гомеръ былъ записанъ на клочкахъ бумаги, а потомъ Писистратъ его собралъ, назначивъ по золотому за каждый стихъ, и собранное передалъ 72-мъ грамматикамъ, между которыми были Зинопотъ и Аристархъ и т. д., то же, что у схолиаста Виллуазона и Беккера. Въ схолиахъ

на свое «Объясненіе» Цець повторяетъ ту же сказку (р. 125 Hermann); но существуетъ въ отрывкѣ другое мѣсто его схолій (р. 154), гдѣ Цець, какъ кажется, сознается въ своей огромной ошибкѣ. Перечисленные мною мѣста были извѣстны уже давно. Въ 1838 году вышло сочиненіе Ричля «Die Alexandrinischen Bibliotheken unter den ersten Ptolemæern und die Sammlung der Homerischen Gedichte durch Pisisstratus». Оно все было основано на схоліи, найденномъ Озанномъ и Ричлемъ въ одной римской рукописи Плавта. Въ 1839 году Крамеръ издалъ въ первомъ томѣ своихъ Anecdota Parisina (р. 6) греческій текстъ, довольно близко подходящій къ латинскому, изданному Ричлемъ, и, очевидно, заимствованный изъ одного съ нимъ источника, — изъ какого-нибудь произведенія Цеца. Ричль обсуждалъ результаты новой находки въ сочиненіи «Corollarium disputationis de bibliothecis Alexandrinis» (Вопп 1840). Наконецъ, въ 1847 г., въ 6-мъ томѣ Rhein. Mus. Велькера и Ричля, изданъ Генрихомъ Кейлемъ самый источникъ, изъ котораго греческій и латинскій схолиасты сдѣлали свои выписки, а именно, того же плодовитаго Цеца «Предисловіе къ схоліямъ на Аристофана». Обѣ диссертациі Ричля и статья Кейля перепечатаны въ вышедшихъ недавно «Opuscula Philologica» Ричля (I, 1867). Цець говоритъ въ этихъ своихъ Prolegomena, что Иліодоръ ввелъ его въ грубую ошибку насчетъ редакціи Писистрата, и что Аристархъ и Зинодоть жили гораздо послѣ Писистрата; бранить сильно Иліодора и сообщаетъ драгоценное для насъ свѣдѣніе, что Писистратъ поручилъ собрать Гомера четыремъ мудрецамъ: Конкилу, Ономакриту аѳинскому, Зопиру ираклеоту и Орфею кротонскому. Три послѣднихъ извѣстны намъ до нѣкоторой степени: это были орфики и мистическіе поэты; о ихъ дѣятельности я говорилъ выше. Но имя Конкила намъ совершенно неизвѣстно и, конечно, испорчено. У Цеца стоитъ: ἐπιχοχύλου; въ Anecd. Paris.: καὶ καὶ ἐπὶ χοχύλω, и на полѣ замѣчаніе: ἀθηνοδῶρος ἐπὶ κλην χορδύλων; въ Schol. Plaut.: concyli. Догадка, представленная на полѣ Парижской рукописи, замѣчательна не потому, чтобы она была правдоподобна (Лейнодоръ, по прозвищу Кордиліонъ, жившій въ послѣднемъ вѣкѣ до Р. X. — см. Hase у Sramer, р. 16 — не могъ быть товарищемъ Ономакрита), но потому, что трудно понять, какъ византіецъ такого поздняго времени (рукопись относится къ концу XV вѣка)

могъ знать о существованіи Аэиподора. Не принадлежит ли замѣчаніе на полѣ какому-нибудь ученому? Много предположеній было выставлено учеными объ этомъ Конкилѣ. Весьма замѣчательно предположеніе Крамера, что въ испорченномъ имени кроется ἐπιχὸς χύχλος, кикль эпическихъ поэмъ, такъ что Писистратъ собралъ не одного Гомера, но и другихъ эпическихъ поэтовъ древности. Съ Крамеромъ совершенно согласенъ Лерсъ (Aristarch. 450). Догадка Крамера превосходна, и, какъ увидимъ, подтверждается нѣкоторыми другими соображеніями; но, конечно, въ дѣлѣ такой важности нужны болѣе прямыя показанія.

Вольфу были извѣстны только такія мѣста древнихъ, которыя «собраиіе» Гомера приписывали самому Писистрату и не называли какихъ-нибудь людей, которые были бы болѣе компетентны въ такомъ дѣлѣ (нелѣпная сказка въ Anecd. Vil-lois., разумѣется, не идетъ въ счетъ). Только у Павсаніи упоминается вскользь о друзьяхъ Писистрата. Поэтому Вольфъ принужденъ былъ говорить объ учености Писистрата почти то же, что сказалъ Цицеронъ. Были возраженія, говорившія, что если бы Писистратъ построилъ изъ малыхъ пѣсенъ Илиаду и Одиссею, то онъ былъ бы величайшимъ поэтомъ греческимъ. Вольфъ догадывался, что Писистратъ поручилъ дѣло какимъ-нибудь поэтамъ, даже догадывался, что собирателемъ Гомера былъ Ономакрить. На эту мысль навелъ Вольфа схолиастъ Одиссеи (XI, 604), который говоритъ, что одинъ стихъ вставленъ Ономакритомъ. Когда узнали имена «сбирателей» Гомера, то вмѣстѣ съ тѣмъ была поставлена новая задача: Ономакрить былъ извѣстенъ своими подлогами; не воспользовался ли онъ случаемъ, чтобы внести и въ текстъ Гомера свои религіозныя идеи? Ницшъ предполагаетъ, что въ одиннадцатую книгу Одиссеи, въ описаніе подземнаго царства, Ономакрить дѣйствительно вставилъ нѣсколько стиховъ, въ которыхъ провель свои понятія о душѣ и культѣ героевъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ высшей степени важно и интересно для насъ то обстоятельство, что именно эти люди, конечно, очень способные и даровитые, по проникнутые фанатизмомъ новыхъ религіозныхъ убѣжденій, были редакторами гомеровскихъ поэмъ.

Итакъ, возможно ли вмѣстѣ съ Вольфомъ заключать изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ, что гомеровскія произведенія при Писистратѣ были въ первый разъ записаны и въ

первый же разъ изъ малыхъ пѣсенъ построены въ двѣ большія поэмы? Довольно долго и упорно держались ученые этого крайняго мнѣнія, несмотря на возраженія Ницша и другихъ. Лахманъ проповѣдуетъ теорію Вольфа во всей строгости. Онъ даже не разбираетъ ни одной стороны Гомеровскаго вопроса, считаетъ это дѣло рѣшеннымъ и ограничивается эстетическимъ разборомъ. Въ самомъ дѣлѣ, эта теорія, повидимому, стоитъ твердо. Съ одной стороны, Вольфъ доказалъ невозможность того, чтобы поэмы Гомера были записаны самимъ авторомъ. Съ другой, у древнихъ находили единогласныя свидѣтельства въ пользу того, что Гомеръ собранъ былъ при Писистратѣ. Накопецъ, внутренній разборъ поэмъ показывалъ въ нихъ противорѣчія, которыя Лахману и его послѣдователямъ казались чрезвычайно рѣзкими и несогласными съ единствомъ происхожденія поэмъ. Поэтому изслѣдованія Лахманна были приняты многими учеными съ восторгомъ и почти всѣми — съ большимъ уваженіемъ. Я уже имѣлъ случай говорить о необыкновенномъ уваженіи, съ которымъ многіе относятся къ критикѣ Лахманна. Во множествѣ статей и диссертаций разные ученые выражали свое согласіе съ его взглядомъ. Особенно замѣчательна цитованная выше статья Вольдемара Риббека, который вполне согласенъ со всѣми результатами Вольфа и Лахманна и искусно защищаетъ мнѣніе этихъ вождей. Того же мнѣнія держится и Боницъ въ статьѣ «о происхожденіи гомеровскихъ поэмъ» (Ueber den Ursprung der hom. Gedichte, 17). Правда, возраженія противниковъ принуждаютъ Боница дѣлать значительныя уступки, такъ что онъ невольно впадаетъ въ противорѣчіе съ теоріей, которую защищаетъ. Такимъ образомъ ученіе Вольфа и Лахманна о значеніи Писистратовской редакціи имѣетъ представителей и въ настоящее время.

По мнѣнію Ницша и другихъ ученыхъ — защитниковъ единства, изъ свидѣтельствъ древнихъ нельзя вывести того, что выводитъ Вольфъ. Никто изъ древнихъ собственно не говоритъ, что при Писистратѣ поэмы въ первый разъ были записаны. Главное мѣсто, которое всего ближе подходитъ къ мысли Вольфа, находится у Юсіфа Флавія. Но Юсіфъ не говоритъ, что Писистратъ впервые записалъ Гомера. Мнѣ кажется даже, что такое объясненіе мѣста Юсіфа Флавія прямо противорѣчитъ его выраженіямъ. Всѣ безъ исключенія сви-

дѣтели Вольфа убѣждены, что Гомеръ создалъ Иліаду и Одиссею въ полномъ ихъ составѣ. Только Юсифъ и второй схоластикъ Виллуазона, да пожалуй еще Павсанія, говорятъ, что поэмы Гомера не были имъ самимъ записаны, а передавались по памяти. Всѣ остальные приписываютъ самому Гомеру и первоначальную запись поэмъ. Въ чемъ состоялъ трудъ друзей Писистрата, древніе не говорятъ опредѣленно. Они употребляютъ общія выраженія: «собралъ», «составилъ», «сложилъ». Только позднѣйшіе византійцы подробно рассказываютъ нелѣпую басню о семидесяти двухъ грамматикахъ, сочиненную въ подражаніе преданію о переводѣ Священнаго Писанія съ еврейскаго языка на греческій. Во всякомъ случаѣ всѣ свидѣтели думаютъ, что писистратовское «собрание» было только возстановленіемъ прежняго единства поэмъ. Многіе свидѣтели говорятъ, что Писистратъ составилъ текстъ Гомера на основаніи рукописей. Свиды говоритъ, что Гомера собирали многіе, и особенно Писистратъ. Замѣчательно при этомъ, что ни Иродотъ, ни Фукидидъ, ни Платонъ, ни ораторы, однимъ словомъ, никто изъ писателей лучшаго времени, ближайшаго ко времени Писистрата, не упоминаетъ о такъ называемомъ «собраніи» Писистрата. Возражаютъ, что изъ молчанія этихъ писателей еще нельзя ничего заключать, что такіе отрицательные доводы ничего не значатъ, что греческіе писатели мало говорятъ о литературѣ, а записываютъ только внѣшнюю исторію. Но если бы дѣло Писистрата было до такой степени важно, если бы при Писистратѣ въ первый разъ поэмы были собраны и записаны, въ первый разъ составлены Иліада и Одиссея, то, конечно, древніе V или IV вѣка упомянули бы объ этомъ. Нельзя сказать, чтобы Иродотъ, Фукидидъ, ораторы совсѣмъ не говорили о поэтахъ. Иродотъ рассказываетъ о Писистратѣ довольно много, говоритъ объ Ономакритѣ, о подложныхъ предсказаніяхъ Мусея, о Ласѣ Ерміонскомъ. Невозможно предположить, чтобы онъ могъ не сказать ни слова о созданіи Иліады и Одиссеи Писистратомъ. Въ сущности Вольфъ и Лахманъ приписываютъ Писистрату именно созданіе поэмъ. По мнѣнію Лахманна, собраніе Писистрата произвело такія громадныя измѣненія въ поэмахъ Гомера, что положительно не могло остаться незамѣченнымъ. Чѣмъ позднѣе свидѣтель, тѣмъ болѣе знаетъ онъ о работѣ Писистрата; Свиды говоритъ болѣе, чѣмъ Цицеронъ,

Цецъ болѣе, чѣмъ Свида, а схолиастъ Беккера и Виллуазона болѣе, чѣмъ Цецъ. Признакъ весьма подозрительный, если поздніе византійцы могутъ подробно разсказать такое событіе VI вѣка до Р. Х., о которомъ писатели, жившіе за тысячу лѣтъ до нихъ, могутъ упомянуть только въ одной строкѣ, а писатели, жившіе сто лѣтъ послѣ событія, не говорятъ ни слова. Затѣмъ защитники единства спрашиваютъ: почему же въ схоліяхъ на Гомера ни разу не упоминается объ аѳинской рецензійи или редакціи, между тѣмъ какъ очень часто приводятся другія? Если работа Писистрата была столь важна, какъ могло случиться, что александрійскіе ученые ни слова не говорятъ о ней? Значитъ, они или совершенно не знали существованія разсказовъ о собраніи Писистрата, или прелебегли этими разсказами, какъ пустыми сказками. Велькеръ (*Ueber den epischen Cyclus*, Bonn 1865, I, 362) предполагаетъ, на основаніи свидѣтельства Геллія, что писистратовскія рукописи Гомера были увезены въ Персію Ксерксомъ при взятіи Аѳинъ и потому не упоминаются александрійцами. Это довольно любопытно. Значитъ, редакція Писистрата не имѣла ровно никакого значенія, и Гомеръ сохранился безъ нея, такъ какъ, по словамъ Геллія, рукописи Писистрата были возвращены въ Аѳины только Селевкомъ Никаторомъ. Почтенный ученый не замѣчаетъ, что онъ своимъ предположеніемъ совершенно губитъ редакцію Писистрата. Наконецъ, извѣстіе Діевхида о распоряженіи Солона показываетъ, что рукописи Гомера существовали уже до Писистрата. Какую побудительную причину могъ имѣть Писистратъ, чтобы изъ массы отдѣльныхъ пѣсень сложить цѣлую поэму? Какое чувство побуждало его дѣлать тѣ значительныя перемѣны, соединенія и перестановки, которыя отыскиваетъ Лахманнъ? Какимъ образомъ народъ припаялъ бы такія значительныя измѣненія въ любимыхъ имъ и популярныхъ пѣсняхъ? Неужели приказъ Писистрата, тирана аѳинскаго, могъ имѣть такую силу во всей Греціи, что со времени Писистратовской редакціи всѣ рапсоды стали пѣть Гомера именно въ томъ видѣ, въ какомъ издалъ его Писистратъ? Какъ возможно, чтобы въ такое скорое время писистратовскій Гомеръ вошелъ въ общее употребленіе, и чтобы *Иліаду* и *Одиссею* такъ скоро стали всѣ считать за цѣлыя поэмы? Какъ возможно, чтобы предполагаемое происхожденіе поэмъ изъ малыхъ пѣсней было совершенно

забыто во время, напримѣръ, Аристотеля, который восхищается художественностью и строгою обдуманностью плана поэмъ Гомера? Неужели Аристотель, ученый изслѣдователь, не зналъ, что эта художественность, это единство, которыя онъ такъ выхваляетъ, суть дѣло Ономакрита съ товарищами? Тысяча несообразностей открываются при первомъ внимательномъ разборѣ тѣхъ выводовъ, которые возможны изъ ученія Вольфа и Лахманна о писистратовской работѣ. Таковы въ сущности возраженія Пайнъ-Найта (Paine-Knight, Prolegomena ad Homerum, издалъ во второй разъ Ruhkopf, Leipzig 1816), Ницша, Грота и др. Нельзя было не признать всей силы этихъ возраженій. Поэтому многіе ученые соглашались видѣть въ писистратовскомъ «собраніи» нѣчто меньшее, чѣмъ видѣли Вольфъ и Лахманнъ. Ричль называетъ выводы Вольфа изъ приведенныхъ выше свидѣтелей «прискорбнымъ преувеличеніемъ» (Die alex. Bibl. 43). Ричль оставляетъ, однако, за работою Ономакрита очень важное значеніе. Онъ буквально принимаетъ извѣстія древнихъ, что «собраніе» Писистрата было возстановленіемъ потеряннаго единства поэмъ Гомера. Онъ говоритъ, что въ теченіе долгаго времени поэмы, передаваемыя по памяти рапсодами, разложились на свои составныя части такъ же легко, какъ іонійскій Гомеръ соединилъ ихъ изъ богатства отдѣльныхъ эпическихъ пѣсень; что потомъ стали ихъ записывать по частямъ, и что, наконецъ, при Писистратѣ все было записано и приведено въ прежнее единство, насколько было возможно возстановить эту прежнюю связь. Писистратово дѣло было великое: грамматикъ не даромъ говоритъ, что это было *opus divinum*. Повидимому, Ричль дѣлаетъ важныя уступки; но въ сущности его гипотеза очень мало отличается отъ гипотезы Вольфа. Въ самомъ дѣлѣ, что это за возстановленіе потеряннаго единства? Риббекъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что въ словахъ Ричля что одна рука даетъ, то другая тотчасъ же беретъ назадъ. Какимъ образомъ друзья Писистрата могли доискаться первоначальной связи пѣсень? Кто поручится намъ, что они вѣрно возстановили потерянное единство? Вѣдь это будетъ похоже на сказку о семидесяти двухъ грамматикахъ. Мы все-таки будемъ припуждены считать это единство принадлежащимъ Ономакриту, а не Гомеру. Вопросъ остается въ прежнемъ видѣ, и сомнѣніе въ томъ, почему о работѣ Ономакрита не упоминаютъ

древніе V и IV вѣковъ, и какъ могли греки такъ скоро принять ономакритовскій сводъ пѣсенъ Гомера, нисколько не разрѣшается. Что же касается до выраженія *opus divinum*, то вспомнимъ, кому оно принадлежитъ. Это выраженіе Плавтинскаго схолія. Его не встрѣчается у Цеца, оригинала схолія. Слѣдовательно, слова *opus divinum* составляютъ собственную прибавку того итальянца эпохи Возрожденія, который сдѣлалъ извлеченіе изъ Цеца. Что это былъ именно итальянецъ эпохи Возрожденія XV столѣтія, самъ Ричль доказываетъ неопровержимо. Смѣшно ссылаться на такой авторитетъ. Ричль, надобно замѣтить, опирался на приведенный эпитетъ потому, что считалъ его принадлежащимъ Цецу или даже источникамъ Цеца. Но съ тѣхъ поръ, какъ найдены *Prolegomena* Цеца къ схоліямъ на Аристофана, непростительно считать эти два слова невѣжественнаго итальянскаго эпитоматора за доказательство важнаго значенія писистратовской работы, какъ это дѣлаетъ Гаагъ (*Haag, Quaestionum Homericarum particula quae est de recensione Pisistratae, Halle 1865*). Ричлю такъ понравились выраженія Плавтинскаго схолія, что онъ особенно наираетъ на слова: «*nam carptim prius Homerus et non nisi difficillime legebatur*» (Гомера прежде, то-есть, до Писистрата, читали урывками и съ большимъ трудомъ). Ричль говоритъ: «Никакой другой писатель не выражаетъ сущности дѣла такъ рѣзко и наглядно, какъ Плавтинскій схолій» (*so scharf und anschaulich kein zweiter Schriftsteller das wesentliche Sachverhältniss trifft, 44*), и отдаетъ выраженіямъ схоліаста преимущество предъ выраженіями Цицерона. Кто же этотъ счастливецъ, сумѣвшій выразиться лучше и яснѣе Цицерона? Это тотъ самый знаменитый писатель, который, въ схоліяхъ на Плавта, слово *gratis* производитъ отъ γρῶ и τίς, и который дѣлаетъ слѣдующія серьезныя замѣчанія: *Tragœdia dissolvit vitam propter dolorem. Comœdia autem erigit jacentem propter eventum* и пр. (*Ritschl, 7 сл.*). Гаагъ тоже опровергаетъ Вольфа вышеприведенными знаменитыми словами Плавтинскаго схоліаста. Онъ говоритъ: «Вольфъ ошибался въ томъ, что Гомеръ записанъ въ первый разъ при Писистратѣ. Что отдѣльныя части поэмъ были записаны и раньше того, видно изъ Плавтинскаго схолія, гдѣ говорится: *carptim prius Homerus legebatur*» (р. 27). Вотъ сколько чести нѣмецкіе ученые оказываютъ наивному схоліасту! И замѣчательно, что

опять у самаго поздняго свидѣтеля (если Плавтова схолиаста можно назвать свидѣтелемъ) дѣло является всего яснѣе. Что въ такомъ древнемъ событіи не ясно для Цицерона и Павсанія, то совершенно ясно для цевѣжды XV вѣка.

Итакъ, мнѣ кажется, что подѣ «собраніемъ» Писистрата надобно разумѣть что-нибудь менѣе важное, чѣмъ созданіе вновь двухъ великихъ поэмъ, менѣе важное, чѣмъ возстановленіе въ этихъ поэмахъ потеряннаго единства. Если мы предположимъ, что единство въ поэмахъ Гомера существовало уже раньше Писистрата и никогда не было утрачиваемо, то этимъ мы устранимъ всѣ отмѣченныя выше возраженія противъ сущности работы Ономакрита въ теоріяхъ Вольфа и Ричля. Тогда будетъ понятно, что и въ послѣдующіе за Писистратомъ вѣка всѣ считали поэмы Гомера цѣлыми и неразрывными; тогда будетъ понятенъ и отзывъ Аристотеля. Прямое подтвержденіе первоначальнаго и постояннаго единства поэмъ Гомера находится въ (сохраненномъ для насъ Прокломъ) содержаніи киклическихъ поэмъ. Арктинъ, жившій въ первой половинѣ VIII вѣка, начиналъ свою «Эеіопиду» съ того именно пункта, на которомъ останавливается Иліада Гомера. Думаютъ даже, что онъ зналъ послѣдній стихъ нашей Иліады. Но, во всякомъ случаѣ, онъ начиналъ съ прихода амазонокъ на помощь троянамъ тотчасъ послѣ погребенія Гектора и оканчивалъ смертью Ахилла и споромъ Одиссея и Эанта изъ-за оружія Ахилла. Изъ надписи SIG. 6129 заключаютъ, что двѣ-три поэмы Арктина вмѣстѣ составляли 9100 стиховъ (едва ли одна Эеіопида составляла столько). Къ сожалѣнію, эта важная надпись дошла до насъ въ жалкомъ видѣ. Какъ бы то ни было, Проклъ говоритъ, что было пять книгъ «Эеіопиды» Арктина, и, слѣдовательно, это была довольно большая поэма. За «Эеіопидою» по содержанію своему слѣдовала «Малая Иліада» Лесха Митилинскаго или Пиррейскаго (ср. Tabulam Піасат, SIG. 6125), жившаго въ половинѣ VII вѣка, въ 4-хъ книгахъ. Тамъ рассказывались мѣстныя событія отъ спора Одиссея съ Эантомъ до того, какъ трояне притащили въ городъ деревяннаго коня, въ которомъ сидѣли спрятанные греческіе герои. Затѣмъ слѣдовало «Разрушеніе Иліона» Арктина, въ двухъ книгахъ, отъ введенія въ городъ деревяннаго коня до раздѣленія добычи. Далѣе — «Возвращенія» (Νόστοι) Агія Тризицкаго, жившаго, какъ думаютъ, въ на-

чалъ VII вѣка. Эта поэма описывала возвращеніе греческихъ героевъ домой, состояла изъ пяти книгъ и оканчивалась возвращеніемъ Менелая, о которомъ Несторъ въ Одиссеѣ говоритъ, что онъ недавно вернулся. Затѣмъ по содержанію слѣдуетъ Одиссея Гомера. За Одиссеею идетъ «Тилегонія» Евгаммона Киринейскаго, жившаго въ первой половинѣ VI вѣка, въ двухъ книгахъ; она начиналась именно съ того пункта, на которомъ останавливается наша Одиссея, съ погребенія жениховъ, и кончалась смертью Одиссея. Взятіе Трои составляло сюжетъ многихъ поэмъ; напримѣръ, Стисихоръ Имерскій, жившій въ концѣ VII и началѣ VI вѣка, написалъ тоже знаменитое «Разрушеніе Иліона» (Ἰλίου πέρις); но никто изъ киклическихъ поэтовъ не осмѣливался брать своимъ сюжетомъ тѣ же мифическія событія, которыя обработаны въ Иліадѣ и Одиссеѣ. Не ясно ли, что наша Иліада была въ настоящемъ своемъ видѣ, и съ XXIV книгою, еще въ началѣ VIII вѣка, до Арктипа? Вольфіанцы замѣтно избѣгаютъ говорить о кикликахъ, и понятно: стоитъ вспомнить о существованіи и содержаніи поэмъ Арктина и другихъ, чтобы отвергнуть гипотезу Вольфа. Никто изъ вольфіанцевъ не выражалъ сомнѣнія въ дѣйствительности существованія названныхъ киклическихъ поэмъ и поэтовъ, никто не отвергалъ и хронологическихъ данныхъ о времени жизни Арктина и др., никто не говорилъ, что произведенія Арктина также составлены впоследствии изъ малыхъ пѣсень. Было бы, въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ смѣло утверждать что-нибудь подобное. Въ виду этого трудно понять, какъ Вольфъ и Лахманнъ могли приписывать Писистрату сводъ Иліады и Одиссеи изъ малыхъ пѣсень.

Сила этого довода въ защиту первоначальнаго и постояннаго единства поэмъ Гомера такъ велика, что даже Боницъ, одинъ изъ приверженцевъ собраннаго Гомера, признаетъ, что, по крайней мѣрѣ, Иліада въ VIII столѣтіи (именно, въ самомъ началѣ этого вѣка) была уже совсѣмъ готова. Но, говоритъ онъ далѣе, первая достовѣрно извѣстная запись Иліады и Одиссеи послѣдовала во второй половинѣ VI вѣка въ Аѣинахъ, по приказанію Писистрата. «Что это была вообще первая запись, по крайней мѣрѣ, первая полная, можно съ увѣренностью заключить изъ свойства и всего тона многочисленныхъ извѣстій. Если бы это было просто составленіе

исправленнаго списка изъ существовавшихъ уже письменныхъ экземпляровъ, то тогда бы это дѣло не было прославляемо, какъ такое большое событіе, какъ рѣшеніе такой трудной задачи». Спрашиваемъ: не отражается ли въ этихъ словахъ Боница опять-таки знаменитое *opus divinum* Платинскаго схолиаста? Никакихъ особенныхъ восторговъ и похвалъ Писистрату не встрѣчается у древнихъ, и первый по времени, кто вскользь упоминаетъ о великомъ дѣлѣ, жилъ около пятисотъ лѣтъ послѣ Писистрата. Итакъ, по Боницу, при Писистратѣ Гомеръ не собранъ—онъ собранъ былъ еще до Арктипа,—но записанъ, по крайней мѣрѣ, въ первый разъ записанъ вполне. Это уже дѣйствительно важная уступка: и изъ защитниковъ единства многіе такъ думали. Пайнъ-Найтъ, на примѣръ, говоритъ: «Я легко повѣрю, что ни одного экземпляра гомеровскихъ поэмъ не было древнѣе времени Писистрата или ранѣе 600 года до Р. Х., потому что въ тѣ времена знаніе письма было рѣдко и затруднительно по недостатку удобнаго писчаго матеріала» (*Prolegom.* 34). То же мнѣніе раздѣляетъ и г. Леонтьевъ. Въ извѣстномъ русской публикѣ прекрасномъ разборѣ первой части «Исторіи Грота» онъ говоритъ: «На основаніи приведенныхъ нами данныхъ можно заключить съ увѣренностью, что Иліада и Одиссея записаны въ первый разъ около времени Солона и Писистрата, а прежде того сохранялись въ памяти рапсодовъ» (*Процилеи, II, отдѣлъ 2, стр. 87*). Главнымъ образомъ къ такому заключенію г. Леонтьева побуждаетъ отсутствіе дигаммы въ рукописяхъ Гомера. Доводы о недостаткѣ писчаго матеріала и объ отсутствіи дигаммы ведутъ насъ къ вопросу о началѣ письменности и о времени записи Гомера. Но собственно говоря, не извѣстія о Писистратѣ заставляютъ ученыхъ относить записъ Гомера къ VI вѣку. Пайнъ-Найтъ отзывается съ пренебреженіемъ объ этихъ извѣстіяхъ. Г. Леонтьевъ изъ отсутствія дигаммы заключаетъ, что Гомеръ, вѣроятно, былъ записанъ послѣ Алкэя и Сапфо. «Мы имѣемъ, говоритъ нашъ ученый, всѣ основанія полагать, что древнѣйшія рукописи Гомера были многимъ (?) моложе времени Алкэя и Сапфо». Алкэй и Сапфо жили около 600 года. Но Гротъ, который также считаетъ отсутствіе дигаммы важнымъ доводомъ, и Гизе, который особенно напиралъ на этотъ доводъ, думаютъ, однако, что древнѣйшія рукописи Гомера относятся къ седьмому вѣку

(Grote, Gesch. Griech., übers. von Meissner, I, 507; по Гроту, именно, къ половинѣ VII вѣка); слѣдовательно, онѣ были древнѣе Алкэя и Сапфо. Но окончимъ сперва разборъ вопроса о Писистратовской редакціи. Приверженцы теоріи Вольфа, утверждая, что при Писистратѣ Гомеръ былъ записанъ въ первый разъ, противорѣчатъ этимъ самымъ главному и важнѣйшему для нихъ свидѣтелю, Іосифу Флавію. Этотъ послѣдній утверждаетъ, что у грековъ не было ни одного письменнаго сочиненія древнѣе Гомера (οὐδὲν ὁμολογοῦμενον εὐρίσχεται γράμμα τῆς Ὀμήρου ποιήσεως πρῶτον). Но далѣе Іосифъ говоритъ, что древнѣйшимъ письменнымъ памятникомъ у аонянъ были законы Дракона, жившаго незадолго до тиранніи Писистрата (с. Arion. I, 4). Если поэмы Гомера были, по мнѣнію Іосифа, записаны при Писистратѣ, то Іосифъ не могъ бы сказать, что онѣ древнѣйшее письменное сочиненіе. Тогда бы и законы Дракона оказались древнѣе рукописей Гомера.

Говорить о первой полной записи при Писистратѣ нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Никакой свидѣтель не пересказываетъ дѣла такимъ образомъ. Тѣ свидѣтели, которые говорятъ о записываніи Гомера при Писистратѣ, говорятъ также, что поэмы Гомера были уже вполнѣ записаны и раньше того, но на разныхъ лоскуткахъ. Стало быть, мы должны отказать работѣ Писистрата и въ этомъ значеніи.

Что же останется за нею, и даже останется ли что-нибудь? Мнѣ кажется, что мы не имѣемъ права совершенно отвергать извѣстія позднѣйшихъ древнихъ о «сбораніи» Писистрата. Свѣдѣніе Цецца объ Ономакритѣ и товарищахъ его важно и исходитъ, должно быть, изъ вѣрнаго источника. Въ схоліяхъ на Одиссею (XI, 604) упоминается Ономакритъ такъ, что мы можемъ заключать объ особенномъ отношеніи его къ тексту Гомера. Подъ друзьями Писистрата, упоминаемыми у Павсаніи, всего удобнѣе разумѣть Ономакрита съ товарищами, названнаго Цеццомъ. Ономакритъ является у Иродота другомъ Писистратидовъ. Наконецъ, обвиненія мегарскихъ писателей противъ Писистрата указываютъ опять на извѣстное древнимъ отношеніе Писистрата къ гомеровскому тексту. Самый простой и прямой выводъ изъ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ и данныхъ тотъ, что Ономакритъ, Зопиръ ираклеотъ и Орфей кротонскій совершили, по порученію Писистрата,

рецензію или пересмотръ поэмъ Гомера, конечно, при помощи прежнихъ рукописей и приготовили нѣсколько полныхъ экземпляровъ Гомера. Что работа Ономакрита была простымъ пересмотромъ, изданіемъ, думаютъ Ницшъ, Гротъ и другіе. Такъ же думаетъ и новѣйшій греческій ученый Мистріотъ. Въ прошломъ году вышли на греческомъ языкѣ два сочиненія о Гомеровскомъ вопросѣ, Мистріота и Валетты. Эти оба ученые также защищаютъ единство Гомера (что и весьма естественно со стороны грековъ). Сочиненія ихъ, особенно Мистріота, свидѣлствуютъ о большомъ трудѣ и большой начитанности авторовъ, но, къ сожалѣнію, также о маломъ знакомствѣ ихъ съ критическими пріемами. Мистріотъ (*Μιστριώτης, Ἱστορία τῶν Ὀμηρικῶν ἐπιῶν*, Leipzig 1867, 150 сл.) также приходитъ къ результату, что все дѣло Писистрата состояло въ изданіи, и то некритическомъ. Валетта (*Βαλέττας, Ὀμήρου βίος καὶ ποιήματα. Πραγματεία ἱστορικὴ καὶ κριτικὴ. Ἐν Λονδίῳ* 1867, 203 сл.) справедливо осмѣиваетъ рассказы схолиастовъ, вполне удачно указываетъ на то, что аттические ораторы ни слова не говорятъ о работѣ Писистрата и въ заключеніе совершенно отвергаетъ какую бы то ни было работу Писистрата надъ Гомеромъ. Рассказы позднѣйшихъ, по мнѣнію Валетты, означаютъ, что во время Писистрата стали особенно часто и особенно точно издавать Гомера. Мнѣ кажется, такъ заключать нельзя. Мы съ большою вѣроятностью можемъ принять особую рецензію Ономакрита. Замѣчательно, что простою рецензіей считаетъ работу Писистрата и Кирхгофъ, котораго взгляды по другимъ пунктамъ такъ рѣзко расходятся съ мнѣніями Ницша.

Наше мнѣніе о значеніи работы Ономакрита не противорѣчитъ въ сущности и свидѣтельствамъ древнихъ. Если мы предположимъ, что до рецензіи Ономакрита во всей Греціи было очень немного полныхъ экземпляровъ Гомера, и въ большей части рукописей были только отдѣльныя рапсодіи; что было сильное разногласіе въ чтеніяхъ; что редація Ономакрита значительно увеличила число полныхъ экземпляровъ и распространила болѣе твердыя чтенія; что афинскіе правители (Солонъ, Писистратъ и Иппархъ) заботились о томъ, чтобы рапсоды не отступали отъ гомеровскаго текста,—то мы легко поймемъ, какъ могло произойти выраженіе: «Писистратъ собралъ Гомера, котораго прежде пѣли отрывками».

Выраженія свидѣтелей (συνέταξε, συνήγαγε, ἤθροισε, συντέθεικε, συνέλεξε, disposuit и пр.), во всякомъ случаѣ, неясны и неточны. Изъ Цицерона, Эліана, Евстаоія можно заключить, напри- мѣръ, что прежде были всѣ книги Гомера отдѣльно, а Писис- тратъ расположилъ ихъ въ настоящемъ порядкѣ, или что Долонія была отдѣльно, а Писистратъ вставилъ ее между де- вятою и одиннадцатою книгами. Что же тутъ будетъ за ра- бота? Очевидно, сами свидѣтели наши неясно представляли себѣ, въ чемъ дѣло. Совершенно ясно является дѣло только у схолиаста Беккера, но именно у него-то и выходитъ рассказъ всего нелѣпѣе. Далѣе, каждый изъ приведенныхъ свидѣтелей понималъ извѣстія источниковъ, изъ которыхъ онъ почерпалъ, по-своему. Слова Цицерона, Эліана, Ливанія, Свида и др. могутъ служить прекрасными образами той знаменитой ри- торической неопредѣленности, которою такъ часто страдаютъ извѣстія авторовъ позднѣйшей древности. Неопредѣленность, неточность, небрежность, склонность къ анекдоту, къ стран- ному, къ чудесному нерѣдко ведутъ позднѣйшихъ писателей къ самымъ крайнимъ нелѣпостямъ и при переходѣ извѣстій отъ одного компилятора къ другому искажаютъ факты до такой степени, что ихъ первоначальный видъ и настоящее значеніе становятся неузнаваемыми.

Вотъ одинъ примѣръ, чтобы пояснить процедуру этого дѣла. Въ Сициліи были двѣ рѣчки Имеры, неоднократно упоминаемая у древнихъ писателей: одна изъ нихъ впадаетъ въ море на юж- номъ берегу и называется теперь Salso; другая течетъ на сѣ- верь и впадаетъ въ Тирренское море; при устьѣ послѣдней стоялъ городъ Имера. Южная Имера была извѣстна своимъ соленымъ вкусомъ; оттого и новое имя ея; воду сѣверной Имеры древніе поэты (напримѣръ, Теокрытъ) хвалятъ. Истоки обѣихъ рѣкъ на- ходятся очень близко другъ отъ друга ¹⁾). Отъ этого произошло

¹⁾ Обыкновенно полагаютъ, что древніе въ этомъ случаѣ ошибаются, что они смѣшиваютъ Имеру съ какою-нибудь другою рѣкою, потому что источники Сальсо и Fiume di San Leonardo, которую принимали за сѣ- верную Имеру, неблизко отъ друга. Поэтому одни думали, что древніе смѣшали истоки рѣчки Имеры южной съ истоками рѣчки Аллавы, нынѣ Масасолі, которые находятся близъ истоковъ рѣчки San Leonardo. Другіе, напротивъ того, принимали, что древніе смѣшали истокъ сѣверной Имеры съ истокомъ рѣчки Монала, теперь Pollina, который находится близъ истока Salso, недалеко отъ города Gangi, древняго Енгія. Но при этомъ

мнѣніе, что обѣ Имеры вытекаютъ изъ одного источника. Вибій Секвестръ, авторъ небольшого сочиненія «о рѣкахъ, источникахъ, озерахъ, лѣсахъ, болотахъ, горахъ и народахъ, упоминаемыхъ у поэтовъ», сообщаетъ слѣдующее любопытное свѣдѣніе: «Стисихоръ говоритъ, что рѣка Имера раздѣляется на двѣ части: одна течетъ въ Тирренское море, другая въ Ливійское» (Vibius Sequester, de fluminibus, fontibus etc. Ex recensione Francisci Hesselii, Roterodami 1711, p. 49) (Geogr. lat. min. p. 149 Riese). Слѣдовательно, первоначальнымъ источникомъ, откуда вышли всѣ послѣдующіе рассказы, было какое-нибудь стихотвореніе знаменитаго Стисихора, бывшаго родомъ изъ сицилійской Имеры. Мы видимъ, что Стисихоръ отъ близости истоковъ двухъ рѣкъ, по свойственной поэтамъ вольности, заключилъ, что онѣ вытекаютъ изъ одного источника. Такимъ образомъ является данное, что одна рѣка Имера пересѣкаетъ всю Сицилію отъ одного моря до другаго. Помпоній Мела говоритъ: «Изъ рѣкъ (Сициліи) надобно сказать объ Имерѣ, которая начинается почти въ срединѣ острова, течетъ въ разныя стороны и, разрѣзая островъ на двѣ части, впадаетъ однимъ устьемъ въ Ливійское море, а другимъ въ Тосканское» (De situ orbis, II, 7, 17). Силій Италикъ (XIV, 233 сл.) воспѣваетъ между прочимъ и рѣку Имеру, которая «раздѣляется на два берега, идетъ и на западъ и на востокъ¹⁾»; раздѣлъ ея двойного

ученые теряютъ изъ виду Вибія Секвестра, который цитуетъ Стисихора. Что у Вибія Секвестра не ошибка, что Стисихоръ дѣйствительно говорилъ объ одномъ источникѣ обѣихъ Имеръ, доказываетъ уже самое заглавіе сочиненія Вибія. Вибій подбиралъ имена такихъ рѣкъ, озеръ и пр., которыя упоминаются у поэтовъ. Но Стисихоръ не могъ такъ грубо ошибаться касательно теченія рѣчки, на которой стоялъ его городъ; не могъ не знать теченія близкой акрагантинской рѣчки Salso, которую называетъ. Поэтому вѣроятно, что городъ и рѣка Имера находились ближе къ востоку, такъ что истокъ сѣверной Имеры приходился недалеко отъ одной боковой рѣчки, впадающей въ Salso съ запада, которую древніе легко могли принимать за верхнее теченіе Salso. Такъ отмѣчено въ новѣйшемъ изданіи атласа Греціи Киперта. Въ прежнемъ изданіи Киперта (откуда ваята карта, приложенная ко второму тому нѣмецкаго перевода исторіи Грота) сѣверная Имера есть San Lionardo. Дѣлая замѣненіе въ новомъ изданіи, Кипертъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду тѣ же соображенія, которыя я изложилъ въ этомъ примѣчаніи.

¹⁾ Такъ по представленію древнихъ. Изъ картъ, дошедшихъ до насъ при географіи Птолемея, мы видимъ, что сѣверный берегъ Сициліи греки

источника питають горы Небродскія». Въ сочиненіи: «Собраніе свѣдѣній о необыкновенныхъ предметахъ» (ιστοριῶν παραδόξων συναγωγή), приписанномъ Антигону Каристійскому (с. 148), говорится: «Рѣка Имера, раздѣляясь изъ одного источника, одно изъ руслъ имѣеть соленое, а другое годное для питья». Здѣсь уже является въ видѣ чуда различное свойство воды обѣихъ рѣкъ. У Витрувія (VIII, 3) дѣло еще хуже: «Въ Сициліи есть рѣка Имера; выйдя изъ источника, она раздѣляется на двѣ части. Та часть, которая течетъ противъ Этны, отличается безконечною сладостью, такъ какъ пробѣгаетъ по сладкому соку земли; другая часть, которая бѣжитъ по землѣ, откуда добывается соль, имѣеть соленый вкусъ». Этотъ «сладкій сокъ» и «безконечная сладость» сѣверной Имеры есть произведеніе фантазіи Витрувія или автора, изъ котораго Витрувій выписалъ. Въ пересказѣ Витрувія двѣ рѣки текутъ уже изъ одного источника. Наконецъ, до верха нелѣпости достигаетъ Солинъ (*Conjectanea rerum memorabilium*— такъ велитъ называть Моммзенъ— 5, 17): «Страны свѣта измѣняютъ рѣку Имеру: когда она течетъ на сѣверъ, то горька, когда изгибается на югъ, то годна для питья» (*Himeraeum coelestes mutant plagae: amarus denique est, dum in aquilonem fluit, dulcis ubi ad meridiem flectitur*). Солинъ понялъ такъ, что одна рѣка, дѣлая разные изгибы, поворачивая то на сѣверъ, то на югъ, всякій разъ вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняетъ вкусъ своей воды! Притомъ у Солина вмѣсто соленого вкуса является горькій, и вмѣсто сѣверной стороны южная годится для питья. Кто прочтетъ одного Солина, тотъ навѣрно никакъ не догадается, откуда этотъ авторъ взялъ свое чудо. Подобнымъ образомъ разные факты постоянно искажаются у позднѣйшихъ.

Точно такія же искаженія и недоразумѣнія являются и въ свидѣтельствахъ древнихъ о рецензій Писистрата. Собраніе рукописей и пересмотръ текста Гомера превратился у позднѣйшихъ въ собраніе отрывочныхъ частей и въ восстановленіе потеряннаго единства поэмъ. Большая часть позднѣйшихъ авторовъ переписывали свои извѣстія изъ разныхъ

представляли себѣ сѣверо-западнымъ. Такъ изображали Сицилію еще въ XVIII столѣтіи. Рѣка сѣверная Имера течетъ на картѣ Птолемѣя на сѣверо-западъ, а южная на юго-востокъ. См. *Atlas von Hellas* Киперта, № XV, изд. 1868 года.

источниковъ безъ разбора, не думая, часто не понимая и толкуя по своему. Стоило разъ пустить въ ходъ какой-нибудь анекдотъ или прибавить какую-нибудь невѣроятную подробность къ извѣстному факту, и этотъ анекдотъ, эта подробность начинали повторяться съ прикрасами и во множествѣ сочиненій. Чѣмъ неправдоподобнѣе и пелѣгнѣе былъ рассказъ, тѣмъ съ бѣльшимъ удовольствіемъ повторялся онъ позднѣйшими. Имъ нравилось все поразительное, всякія эффектные сопоставленія, пышныя фразы. Таковъ былъ вкусъ послѣднихъ вѣковъ древности. Простая истина казалась тогдашнимъ читающимъ и пишущимъ людямъ неинтересною и притомъ требовала серьезныхъ приготовительныхъ изслѣдованій, которыя были бы имъ скучны и за которыя они не умѣли и приняться. Подобное настроеніе мы видимъ и въ настоящее время у людей поверхностно-образованныхъ, питающихся передовыми статьями и импровизованными анекдотами газетъ. Стоитъ только внимательнѣе прочесть приведенныя мною свидѣтельства о редакціи Писистрата, чтобы увидѣть, что почти всѣ они относятся именно къ роду такихъ позднѣйшихъ рассказовъ, искаженныхъ цѣлыми наслоепіями ошибокъ и целоразумнѣй. Чѣмъ рассказъ Свида о бѣдномъ Гомерѣ, продающемъ въ разныхъ городахъ Илиаду и Одиссею по кускамъ, лучше «изгибовъ Имеры» Солина, или чѣмъ opus divinum Плавтова схолиаста лучше «безконечной сладости» (infinita dulcedo) Витрувія? .

Пересмотръ гомеровскаго текста былъ порученъ Ономакриту и его товарищамъ орфикамъ. Пожалуй, можно подумать, что Писистратъ избралъ такихъ людей, на добросовѣстность которыхъ нельзя было положиться. Они были основателями и прозелитами новой секты; они выдавали въ свѣтъ подложныя сочиненія и приписывали свои мысли древнимъ поэтамъ. Казалось бы, что они не должны были пропустить такого блестящаго случая распространить свои мысли, какой представлялся имъ при «собраніи» Гомера, величайшаго и популярнѣйшаго поэта Греціи. И въ самомъ дѣлѣ, не вставилъ ли Ономакрить какихъ-либо подложныхъ стиховъ въ текстъ Гомера? Если работа орфиковъ надъ Гомеромъ была такъ важна, какъ думали Вольфъ и Лахманнъ, если орфики произвели такія значительныя и ничѣмъ необъяснимыя перемѣны въ Гомерѣ, какія выходятъ изъ изслѣдованій Лахманна, не очевидно ли, что они непременно вставили бы въ Гомера свои соб-

ственные стихи, въ которыхъ выразили бы свои религіозныя идеи? Тогда Гомеръ былъ бы мистическимъ поэтомъ. Но мы не находимъ въ немъ ни малѣйшихъ слѣдовъ мистицизма. Религія и мифологія Гомера—древняя и простая. У него не упоминается даже имени Орфея, такъ что одинъ французскій ученый приписывалъ это умолчаніе зависти Гомера къ славі Орфея. Если орфики созидали Илиаду и Одиссею, какъ думалъ Лахманъ, или возстановляли потерянное единство, какъ думалъ Ричль, и при этомъ вставляли разные стихи, какъ думали Ницшъ и Кирхгофъ, неужели они не вставили бы хоть одного стиха съ именемъ ихъ знаменитаго Орфея? Они много помогли бы популярности своихъ собственныхъ произведеній и распространенію своей секты, если бы въ поэмахъ Гомера были похвалы Орфею, указаніе на мистическое значеніе бога Діониса и т. п. Если коренныя измѣненія въ Гомерѣ, сдѣланныя, по мнѣнію Лахманна, орфиками, были приняты всѣмъ эллипскимъ міромъ такъ скоро и безпрекословно, какъ это выходитъ по теоріи Вольфа, Лахманна и Ричля, то и проповѣдь орфическихъ таинствъ, подъ покровомъ Гомера, также была бы прията безъ всякихъ подозрѣній. Но въ такомъ случаѣ никто не подумалъ бы считать подложными стихи объ Орфеѣ, если бы они были вставлены въ гомеровскій текстъ. Въ виду этихъ соображеній особенную важность приобрѣтаютъ извѣстіе схолиаста Одиссеи о сдѣланной Ономакритомъ вставкѣ одного стиха въ одиннадцатую книгу Одиссеи и предположеніе Ницша, распространяющее эту интерполяцію Ономакрита на нѣсколько другихъ стиховъ (Nitzsch, Anmerkungen zu der Odyssee, III, 335—352). По Ницшу выходитъ, что Ономакритъ пытался въ подложныхъ стихахъ приписать Гомеру свои понятія о душѣ и обоготвореніи героевъ. Кромѣ того, Ницшъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми древними и почти всѣми новыми учеными думаетъ, что XI книга Одиссеи, описывающая сходженіе Одиссея въ царство Аида, кромѣ отдѣльныхъ подложныхъ стиховъ, потерпѣла значительную вставку въ концѣ (шестьдесятъ три стиха, vs. 565—627) и менѣе значительную въ началѣ (шесть стиховъ, vs. 38—43). Разборъ внутренняго строенія и содержанія поэмъ составляетъ собственно предметъ послѣдней части моей статьи; но мнѣ кажется, что будетъ удобнѣе теперь же разсмотрѣть XI книгу Одиссеи и понятія Гомера о загробной жизни, потому что отъ рѣшенія этого во-

проса, какъ мы видѣли, будетъ зависѣть тотъ или другой взглядъ на степень свободы, предоставленной орфикамъ въ пересмотрѣ гомеровскаго текста.

Уже и въ древнее время критики считали нѣкоторыя мѣста XI книги Одиссеи не-гомеровскими, подложными или позднѣйшими, потому что находили въ нихъ несогласіе съ гомеровскимъ описаніемъ царства мертвыхъ. Необходимо изложить вкратцѣ сущность гомеровскаго описанія и отмѣтить важные для нашего вопроса пункты. Кирка, богиня-волшебница, у которой жилъ Одиссей, объявила герою, что онъ долженъ идти въ домъ Аида и Персефоны и спросить тамъ у души пророка Тиресія, какъ ему вернуться домой. Тиресію одному Персефона оставила умъ и послѣ смерти, между тѣмъ какъ всѣ другіе летаютъ, какъ тѣни. Кирка сказала, какимъ образомъ Одиссей долженъ отправиться въ адъ. Вѣтеръ Борей самъ долженъ былъ принести одиссеевъ корабль на Океанъ. Затѣмъ должно было переправиться за Океанъ. Тамъ дикій берегъ и роци Персефоны. Тамъ надо было остановить корабль, а самому идти въ широкій домъ Аида. Тамъ Пирифлегеонъ и Кокитъ текутъ въ Ахеронтъ, тамъ скала и соединеніе двухъ шумныхъ рѣкъ. Здѣсь Одиссей долженъ былъ вырыть яму и принести въ жертву мертвымъ барана и овцу, повернувъ животныхъ къ Ереву (мраку), а самъ обернувшись назадъ, къ рѣкѣ (здѣсь разумѣется Океанъ). Тогда придутъ многія души мертвыхъ. Тогда Одиссей долженъ былъ приказать спутникамъ содрать кожу съ убитыхъ животныхъ и сжечь ихъ, а самъ стать съ обнаженнымъ мечемъ и не подпускать мертвыхъ къ крови прежде Тиресія. Слѣдуя этому руководству, Одиссей со спутниками своими на единственномъ оставшемся у него кораблѣ приплылъ на рѣку Океанъ, переплылъ черезъ нее и вступилъ въ царство вѣчнаго мрака. Солнце не освѣщаетъ никогда той стороны Океана. Остановивъ тамъ свой корабль, Одиссей со спутниками пошелъ по берегу Океана, пока не пришелъ на мѣсто, указанное Киркою. Тутъ Одиссей вырылъ яму и послѣ нѣкоторыхъ обрядовъ зарѣзаль жертвенныхъ животныхъ такъ, что кровь ихъ пролилась въ яму. Тогда собрались души изъ-подъ Ерева, молодыя женщины, юноши, старцы, нѣжныя дѣвы съ недавнимъ горемъ и многіе воинственные мужи, пораженные мѣдными копьями, въ кровавыхъ dospѣхахъ. Съ разныхъ сторонъ тѣни эти прибли-

зились къ ямѣ со страшнымъ шумомъ (vs. 38 — 43). Одиссей приказалъ своимъ спутникамъ содрать шкуру съ жертвенныхъ животныхъ, съжечь ихъ и молиться Аиду и Персефонѣ, а самъ, вынувъ мечъ, сталъ у ямы и не пускалъ мертвыхъ до крови прежде Тиресія ¹⁾). Первая пришла душа Ельпинора, одного изъ спутниковъ Одиссея. Ельпиноръ только что умеръ: онъ убитъ до смерти, упавъ съ крыши дома Кирки при отправленіи Одиссея. Потомъ является душа Тиресія. Одиссей допускаетъ ее выпить крови и говорить съ нею. Потомъ спрашиваетъ Тиресія: «Вотъ я вижу душу моей матери; она находится близъ крови и не можетъ посмотрѣть прямо въ лицо своему сыну и поговорить съ нимъ. Скажи, какъ бы ей узнать меня?» Тиресій отвѣчаетъ: «Кому изъ мертвыхъ ты позволишь выпить крови, тотъ скажетъ тебѣ всю правду; а кому не дашь, тотъ удалится». Затѣмъ Одиссей подпускаетъ къ крови свою мать и говорить съ нею. Затѣмъ появились души женщинъ, женъ и дочерей героевъ, посланныя Персефоною. Онѣ собрались всѣ около крови. Одиссей не позволилъ имъ пить всѣмъ вмѣстѣ, а подпускалъ ихъ одну за другою. Потомъ Персефона разсыяла въ разныя стороны души женщинъ, и пришла душа Агамемнона, окруженная душами людей, убитыхъ съ нимъ въ домѣ Эгисѳа. Потомъ пришли души Ахилла, Патрокла, Антилоха, Эанта. Одиссей говоритъ между прочимъ Ахиллу: «Ты теперь владычествуешь надъ мертвыми». Ахиллъ спрашиваетъ о своемъ сынѣ. Выслушавъ отъ Одиссея похвалы Неоптолеу, душа Ахилла пошла большими шагами по лугу, покрытому растеніемъ асфоделомъ, радуясь, что сынъ — добрый воинъ. Всѣ души рассказывали Одиссею свои бѣды; одна душа Эанта, сына Теламона, держалась поодаль, гнѣваясь на Одиссея за побѣду въ спорѣ объ оружіи Ахилла. Одиссей сказалъ тѣни Эанта: «Эантъ, неужели ты и послѣ смерти не забылъ гнѣва на меня за эти гибельные дѣянія?» И упрашивалъ подойти и поговорить, но Эантъ удалился къ прочимъ душамъ въ Еревъ. «Можетъ быть, однако, онъ ска-

¹⁾ По представленію грековъ, мертвецы боятся оружія. Кирка, волшебница и богиня, боится обнаженнаго меча Одиссея. Привидѣнія исчезаютъ, если раздастся какой-нибудь рѣзкій звукъ, напримѣръ, звукъ упавшей мѣдной вещи или лай собаки. Tzet. ad Lycophr. v. 77: ὁ γάρ κούων βρούξας λύει τὰ φάσματα, ὡς καὶ χαλκός κροτηθεὶς εἶτε τι τοιοῦτον.

заль бы мнѣ что-нибудь, гнѣваясь, или я ему, но мнѣ хотѣлось видѣть души другихъ мертвыхъ» (vs. 565 — 568). Эти слова составляютъ, по мнѣнію Ницша, переходъ къ большой иптерполяціи. Къ этой послѣдней Ницшъ, вмѣстѣ съ древними, относить описаніе тѣней Миноса, Оріона, Титія, Тантала, Сисифа, Иракла. Одиссей увидѣлъ Миноса, который сидѣлъ съ золотымъ скиптромъ и разбиралъ дѣла мертвыхъ: они тягались предъ царемъ, одни сидя, другіе стоя. Потомъ увидѣлъ огромнаго Оріона, который гонялъ по лугу, покрытому асфоделомъ, звѣрей, убитыхъ имъ самчмъ прежде въ пустынныхъ горахъ; въ рукахъ у него была мѣдная палица. Увидѣлъ и Титія, славнаго сына земли; онъ лежалъ распростертый на равнинѣ, занимая девять плеоровъ (900 футовъ); съ каждой стороны сидѣло по коршуну, которые клевали его печень, запуская клювъ во внутренности, и онъ не защищался руками; такова была ему казнь за то, что онъ схватилъ было Латону, супругу Зевса. Увидѣлъ и Тантала, стоящаго въ озерѣ; вода доходила ему до подбородка; онъ мучился жаждою, но не могъ напиться; всякій разъ, какъ только старикъ наклонялся, чтобы напиться, вода тотчасъ пропадала, уходила внизъ, и у ногъ его открывалась черная земля; надъ головою его высокоразвѣсистыя деревья были усѣяны плодами: груши, гранаты, яблони, смоковницы, маслины; какъ только старикъ протягивалъ къ нимъ руку, вѣтеръ отбрасывалъ ихъ къ темнымъ облакамъ. Увидѣлъ и Сисифа, который обѣими руками тащилъ огромный камень; упираясь руками и ногами, онъ подвигалъ камень вверхъ по горѣ; но всякій разъ, какъ только онъ хотѣлъ перевалить за вершину, высшая сила отбрасывала его назадъ, и снова безстыдный камень катился на равнину; тогда онъ снова подвигалъ камень вверхъ, надрываясь; потъ лилъ съ него, и прахъ подымался надъ головою. Послѣ того увидѣлъ силу Ираклову (vs. 601), призракъ (εἶδωλον), а самъ онъ съ бессмертными богами (vs. 602) наслаждается на пиррахъ и имѣетъ Гебу (vs. 603), дочь великаго Зевса и Геры (vs. 604). Вокругъ Иракла былъ стонъ мертвыхъ, какъ будто бы птицъ, гоняемыхъ въ разныя стороны; а онъ, похожій на темную ночь, съ лукомъ и стрѣлою на тетивѣ, страшно бросался, и все казалось, что онъ сейчасъ выстрѣлитъ. Страшная была у него вокругъ груди золотая перевязь для меча; на ней были изображены божественныя вещи: медвѣди, каба-

ны, львы, схватки, битвы, убійства и рѣзня. Нѣтъ, не могъ бы художникъ, положившій свое искусство въ эту перевязь, сдѣлать что-нибудь другое подобное. Ираклъ тотчасъ узналъ Одиссея, какъ увидѣлъ глазами, и жалобно сказалъ ему: «Богородный Лаерτιάдь, многохитростный Одиссей, о несчастный, и ты вѣрно проводишь злую жизнь, какъ я, когда жилъ подъ лучами солнца. Я служилъ человѣку, который былъ гораздо ниже меня, и онъ задавалъ мнѣ разныя тяжелыя работы. Онъ однажды послалъ меня сюда взять адскую собаку. Я привелъ ее на свѣтъ при помощи Гермеса и Аѳины». Такъ сказавъ, онъ опять ушелъ внутрь дома Аида (vs. 627). Здѣсь оканчивается большая вставка, принимаемая древними и новыми. Затѣмъ Одиссей говоритъ: «А я остался на прежнемъ мѣстѣ и ждалъ, не придетъ ли еще кто-нибудь изъ героевъ, прежде уже погибшихъ. Я, можетъ быть, и увидѣлъ бы древнихъ людей, Оисея и Пириѳея, славныхъ дѣтей божіихъ (vs. 631), но тутъ собрались безчисленныя толпы мертвыхъ со страшнымъ шумомъ. Меня взялъ страхъ, чтобы Персефона не послала мнѣ изъ ада Горгонову голову, ужаснаго чудовища. Я вернулся къ кораблю».

Таковы главныя черты гомеровской Νέχοια, «Вызова мертвыхъ». Шестъ стиховъ въ началѣ XI книги (vs. 38—43) Зиподоть и Аристофанъ считали подложными и выставили противъ нихъ слѣдующіе доводы: 1) Души являются потомъ Одиссею не смѣшанными въ толпѣ, какъ въ этихъ стихахъ, но отдѣльно. 2) Рапъ пельзя видѣтъ на призракахъ (εἶδωλα). Одиссей не спросилъ бы Агамемнона: «Какую смертью ты умеръ?» если бы видѣлъ рану Агамемнона. Затѣмъ въ схоліяхъ замѣчено: «Но здѣсь изображается въ общихъ чертахъ то, что потомъ рассказано» (ἀλλὰ πρὸς ἀναχεφαλαίωσι πεποίηται τῶν ῥηθέντων). Это замѣчаніе можно принять за возраженіе противъ Зиподота и Аристофана въ защиту стиховъ. Ницшъ (Anmerk. zu der Od. III, 196) думаетъ, что Аристархъ тоже отвергалъ означенные стихи: «Аристархъ находитъ чуждымъ Гомеру господствующее въ нихъ, какъ и въ описаніи Миноса и Оріона, представленіе объ отраженіи или образѣ земного состоянія, представленіе, котораго онъ не находилъ въ прочихъ частяхъ гомеровскаго «Вызова мертвыхъ». Подтверждая возраженія древнихъ, Ницшъ прибавляетъ еще: «Это описаніе не можетъ быть принято, какъ предвозвѣщеніе,

потому что не соотвѣтствуетъ послѣдующему разсказу. Лица, перечисленные въ этихъ стихахъ, не являются, а являются героини». Такъ возражаетъ Ницшъ на замѣчаніе объ ἀναφεραλαίωσις. Однако мнѣ кажется, что возраженія Зинодота, Аристофана и Ницша неосновательны. И потому являются души толпами, какъ наприимѣръ, множество героинь. Если же скажутъ, что тутъ являются все однѣ героини, а въ шести стихахъ мертвые разныхъ половъ, то это будетъ уже совсѣмъ пустое возраженіе. Героинь посылаетъ Персефона; это было ея распоряженіе. А подъ конецъ опять собирается безчисленное множество мертвыхъ, и Одиссей уходитъ. Слѣдовательно, мы видимъ этотъ сборъ мертвыхъ симметрично—въ началѣ и въ концѣ описанія. При самомъ началѣ описанія царства тѣней очень естественно было представить множество мертвыхъ и разнообразіе ихъ по возрасту, полу, образу смерти. Это не предвозвѣщеніе, не содержаніе того, что будетъ дальше (не ἀναφεραλαίωσις); это черты общаго описанія, безъ которыхъ поэту едва ли было возможно обойтись. Что касается второго возраженія, то, во-первыхъ, оно предполагаетъ въ поэтѣ слишкомъ строгую и вовсе не поэтическую послѣдовательность. По мнѣнію критиковъ, Гомеръ долженъ былъ заставить Одиссея спрашивать Агамемнона: «Кто тебѣ нанесъ эту рану?» Гораздо лучше дѣло такъ, какъ оно теперь у Гомера. Одиссей, не знавшій о смерти Агамемнона, увидѣлъ его между мертвыми и спрашиваетъ: «Какъ ты умеръ?» Что можетъ быть проще и естественнѣе этого? Во-вторыхъ, едва ли не прежде всѣхъ являются къ Одиссею недавно умершіе, можетъ быть, еще не погребенные, какъ Ельпиноръ. Ельпиноръ можетъ говорить съ Одиссеемъ, не напившись крови, потому что еще не погребенъ. Итакъ, поэтъ дѣлаетъ различіе въ существѣ мертвыхъ погребенныхъ и не погребенныхъ. Браузеветтеръ (*De Nescia Homerica*, Königsberg 1863, 3—5) защищаетъ эти шесть стиховъ, хотя и считаетъ весь «Вызовъ мертвыхъ» съ концомъ десятой книги и началомъ двѣнадцатой за позднѣйшую вставку (*serius factum emblema*, p. 33). Виргилій подражаетъ этимъ шести стихамъ въ Энеидѣ (VI, 305 сл.).

Противъ такъ называемой большой вставки древніе говорятъ много (ср. Schol. in *Odyss.* XI, 385. 391. 568 и слѣд.):

„Какъ Одиссей увидѣлъ Миноса, Титія и другихъ, которые внутри ада и за рѣками? Неужели Миносъ съ кресломъ своимъ и судящи-

мися вышелъ изъ ада къ ямѣ, у которой стоялъ Одиссей? Какъ Орionъ въ аду охотится? Авторъ интерполяции представляетъ мертвыхъ дѣлающими и въ аду то же, что они дѣлали на землѣ. Какъ Орionъ вышелъ къ ямѣ со стадомъ звѣрей? Какъ Титій, распростертый по равнинѣ, вышелъ къ ямѣ? А если не вышелъ, то какъ увидѣлъ его Одиссей? Самъ Одиссей не могъ сойти въ Еревъ. Какъ Танталъ вышелъ къ ямѣ съ озеромъ и съ деревьями, а Сисифъ съ камнемъ и горою? Въ изображеніи Иракла много новаго, не-гомеровскаго. Гомеръ не знаетъ, что Иракль обогтворенъ; что онъ женатъ на Гебѣ. Геба у Гомера дѣва, потому что исполняетъ обязанности дѣвы: рааливаетъ нектаръ богамъ и моетъ Арея. Притомъ авторъ все-таки раздѣляетъ Иракла на три части: приракъ (образъ, εἶδωλον), тѣло, душу. Тѣло Иракла сгорѣло, приракъ въ аду, душа съ богами. У Гомера такого раздѣленія не встрѣчается. У Гомера αὐτός, самъ, означаетъ тѣло человѣка. Зачѣмъ Ираклу тѣло, когда онъ у боговъ? 604-й стихъ вставленъ, какъ говорятъ, Ономакритомъ παιδα διός μεγάλαισσι καὶ Ἴρακ χροσπεδίλου). Какъ приракъ Иракла жалуются, если Иракль богъ? Какъ онъ, не напившись крови, говорить съ Одиссеемъ?“

Таковы возраженія древнихъ, и нельзя не признать, что, повидимому, они основательны. Можно думать, что эти возраженія принадлежатъ знаменитому Аристарху или, по крайней мѣрѣ, были имъ раздѣляемы (ср. Schol. Pind. Olymp. I, 87, p. 37 Voëschh). Впрочемъ критики признавали, что сами по себѣ стихи этой вставки превосходны (καίτοι οὐχ ὄντες ἀγευεῖς περὶ τὴν φράσιν — Schol. in Odys. XI, 568. 520 ed. Dindorf).

Уже и въ древнее время исчисленные выше доводы были опровергаемы:

„Всѣ эти герои, судяшіе и наказываемые, Минось, Танталъ и проч., находятся въ мѣстѣ, назначенномъ для не погребенныхъ, въ томъ самомъ, куда приходитъ Одиссей, который поэтому и можетъ ихъ видѣть. Они не пили воды Леты (Λήτη, рѣка забвенія) и поэтому могутъ говорить, не напившись крови“¹⁾.

Древніе защитники представляли себѣ дѣло такъ: Одиссей не переходилъ за Пирифлегееонъ и Кокитъ; эти рѣки только упоминаются около того мѣста, на которомъ стоитъ Одиссей. Изъ Илиады намъ извѣстно, что души непогребенныхъ не переходятъ за рѣку. Душа Патрокла является Ахиллу во снѣ

¹⁾ Защита древнихъ дошла до насъ въ отрывкѣ, который не имѣетъ опредѣленнаго мѣста въ сколіяхъ. Вуттманнъ помѣстилъ эти остатки подъ 885-мъ стихомъ. Замѣчаніе подъ 391-мъ стихомъ тоже относится къ этому разсужденію. Изъ замѣчанія vs. 391 (πάντως οὗτοι κτλ.) очевидно, что подъ vs. 385 должно отбросить частицу οὐ передъ словами: πάντες δὲ οὗτοι ἐν τῇ τῶν ἀτάφων εἰσι χάρφ.

и говорить: «Похорони меня какъ можно скорѣе, я перейду за ворота ада. Души, призраки (εἴδωλα) умершихъ, держатъ меня поодаль и не позволяютъ мнѣ смѣшаться въ ихъ толпѣ за рѣкою, но я такъ скитаюсь по широковоротному дому Аида» (II. XXIII, 71 сл.). Слѣдовательно, надо перейти за ворота и за рѣку, чтобы соединиться съ мертвыми. Одиссей стоитъ еще по эту сторону рѣки. Души къ нему подходятъ, Ельпиноръ не погребенный прежде всѣхъ. Другихъ изъ дома Аидова вызываетъ жертва съ разными обрядами, перечисленными у Гомера. Посылаетъ души къ Одиссею Персефона. Но тѣ изъ героевъ, которые судятъ мертвыхъ (какъ Миносъ) или наказываются (какъ Сисифъ, Танталъ, Титій), не напились воды Леты. Если бы Миносъ все забылъ, выпивъ воды Леты, что бы онъ былъ за судья? Если бы Сисифъ забылъ все земное, какъ бы онъ чувствовалъ наказаніе? Поэтому наказываются они въ области непогребенныхъ, по сю сторону рѣки, и Одиссей ихъ видитъ. «Два стиха объ Ираклѣ (602 и 603) и мы отвергаемъ», говорятъ эти древніе защитники. Конечно, доводы у нихъ плохіе. О Летѣ Гомеръ не говоритъ ни слова. Миносъ у Гомера не судитъ мертвыхъ за ихъ пороки и грѣхи, а разбираетъ ихъ тяжбы. Никакъ нельзя приписывать Гомеру понятія позднѣйшаго времени, пока нѣтъ на то ясныхъ доказательствъ въ самомъ Гомерѣ. Кромѣ того, Миносъ и тяжущіеся находятся въ «широковоротномъ домѣ Аида» (κατ' εὐρυπυλῆς Ἄϊδος δῶ), слѣдовательно, за воротами и за рѣкою,—если только мы будемъ напирать на эти пункты и будемъ требовать отъ поэта, чтобы онъ постоянно помнилъ о воротахъ и рѣкѣ.

Къ возраженіямъ древнихъ новые присоединили свои собственные возраженія. Новые вошли въ самыя тонкія изслѣдованія о томъ, что у Гомера означаютъ слова ψυχή и εἴδωλον, и какое существованіе Гомеръ приписываетъ душамъ умершихъ. По мнѣнію Фелькера и Ницша, ψυχή означаетъ у Гомера «дыханіе», «жизнь», но не «духъ», не «душа». Грудь, сердце, діафрагма (ἤτορ, στήθος, κραδίη, φρένες) суть мѣста жизненныхъ силъ въ тѣлѣ и являются у Гомера, какъ оживляющіе и духовные принципы. Θυμός, νόος и μένος (настроеніе духа, умъ, сила душевная, — хотя слова эти могутъ имѣть разное значеніе) не находятся въ какихъ-либо особыхъ мѣстахъ, но составляютъ принадлежность каждаго живого че-

ловѣка. *Θυμός*, *νόος* и *μένος* оставляютъ человѣка со смертію, не идутъ въ адъ. Также нѣтъ у тѣни. конечно, ни груди, ни сердца, ни діафрагмы. Идетъ въ адъ одна *ψυχή*. Одному Тиресію оставила Персефона умъ (*νοῦν*), онъ одинъ имѣетъ смыслъ; всѣ остальные суть тѣпи. Затѣмъ Ницшъ дѣлаетъ различіе между *ψυχή* и *εἶδωλον*, душою и призракомъ. Но, несмотря на всѣ свои старанія, онъ никакъ не можетъ провести строгаго различія. Въ приведенномъ выше мѣстѣ XXIII книги Иліады *ψυχή* и *εἶδωλον* является, какъ одно и то же (vs. 72: *τῆλε μ' ἑέρχουσι ψυχαί, εἶδωλα χαμόντων*; ср. *Odyss.* XI, 476). Трудно и даже невозможно въ гомеровскомъ представленіи отдѣлить призракъ прежняго состоянія отъ души умершаго. Въ широкихъ шагахъ мертваго Ахилла развѣ не возникаетъ образъ живого Ахилла? Переходя къ большой вставкѣ, Ницшъ высказываетъ убѣжденіе, что тутъ собственно два и даже три слоя вставокъ. Самая древняя интерполяція—о Миносѣ, Оріонѣ и Ираклѣ (безъ 602—604 стиховъ): эти три героя ведутъ въ аду жизнь, которая есть тѣнь ихъ земной жизни. Въ средину этой древней интерполяціи вставлена болѣе новая, съ картинами мученій Титія, Тантала, Сисифа. Фруктовыя деревья, озеро, горы, облачное небо изображены въ аду, какъ декорации; это не матеріальныя вещи. Гомеръ не знаетъ о наказаніи умершихъ. Это понятіе болѣе поздняго времени. Правда, въ Иліадѣ встрѣчается выраженіе, что клятвopреступники наказываются и послѣ смерти (III, 278 сл.); но Ницшъ говоритъ, что это свидѣтельство стоитъ одиноко; однако существуетъ и другое мѣсто II. XIX, 259 сл.), въ которомъ прямо сказано, что Ериніи наказываютъ клятвopреступниковъ подъ землею. Напрасно Ницшъ относитъ выраженіе «подъ землею» къ Ерипіямъ, въ томъ смыслѣ, что онѣ живутъ подъ землею. Оба мѣста, и въ III, п въ XIX книгѣ Иліады, относятся къ одному и тому же священному обряду принесенія клятвы и совершенно параллельны. Если въ первомъ случаѣ слова «подъ землею» относятся къ умершимъ людямъ, что несомнѣнно, то и во второмъ также къ нимъ. Итакъ, мы можемъ принять за вполне доказанный фактъ, что нѣкоторые люди, по понятію Гомера, подлежатъ загробному наказанію за нечестіе. Большая часть умершихъ избавлена отъ всякихъ наказаній; но нѣкоторые особенно важные нечестивцы наказываются. Нарушеніе клятвы было

особенно тяжкимъ преступленіемъ во мнѣніи тогдашняго общества, потому что тогда было очень мало гарантій общественнаго спокойствія. Чѣмъ грубѣе общество, тѣмъ грознѣе у него формула присяги. Договоръ, скрѣпленный клятвою съ призваніемъ многихъ боговъ и съ ужасными угрозами нарушителю, былъ тогда единственною нравственною гарантіею посреди вѣчной и всеобщей войны. Поэтому нарушитель клятвы является отступникомъ и врагомъ всѣхъ боговъ, которыхъ онъ призывалъ. Титій, Танталъ и Сисифъ принадлежатъ къ числу важныхъ нечестивцевъ, потому что они прегрѣшили особенно сильно противъ боговъ, какъ мы знаемъ это изъ древнихъ мифовъ о нихъ. Причина наказанія Титія высказана у Гомера; Сисифъ и Танталъ были очень близки при своей жизни къ богамъ, были любимцы боговъ и наказаны за то, что оказались въ высшей степени неблагодарными и недостойными милостей, которыя на нихъ расточались. Такимъ образомъ этотъ доводъ Ницша падаетъ. Но главнѣйшее возраженіе и есть то, на которое напирала древняя критика, и котораго не удалось отстранить древнимъ защитникамъ (λοῦχοί). Картины адской жизни шести героев не соотвѣтствуютъ прочему описанію, противорѣчатъ положенію Одиссея, какъ его изображаетъ поэтъ. Одиссей не отходитъ отъ ямы,—это совершенно справедливо. Какъ же могъ онъ видѣть то, что въ глубинѣ ада? Онъ могъ видѣть только то, что посылаетъ ему Персефона. Ницшъ предупреждаетъ самъ возможное возраженіе:

„Скажутъ: Гомеръ никогда не рисуетъ, какъ ландшафтный живописецъ; онъ рисуетъ дѣйствіями. Это правда. Можно, пожалуй, сказать, что на этомъ позднемъ мѣстѣ описанія первоначальный порядокъ представленія уже отступилъ на задній планъ въ дуплѣ слушатели и даже въ душѣ самого поэта, что настоящее положеніе Одиссея уже забыто; тогда поэтъ, думая объ однѣхъ картинахъ подзаемнаго міра, прибавляетъ то, что ему кажется интереснымъ. Но мы не можемъ такъ думать: положеніе Одиссея у ямы удержано до конца (ср. vs. 627). Это показываетъ, что Одиссей не видѣлъ никакихъ другихъ тѣней, кромѣ тѣхъ, которыя подходили къ ямѣ. Самъ Иракль приступаетъ къ ямѣ, и если бы не было другихъ причинъ отвергать разговоръ Иракля съ Одиссеемъ, то намъ не помѣшало бы признать эту сцену подлинною то обстоятельство, что поэтъ не заставляетъ Иракля напиться крови. И Ахиллъ не пьетъ. Это—подробность, которая могла подразумеваться“ (Anst. zu d. Odyss. III, 307 сл.).

Тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что эти возраженія неосновательны, и что картины конца «Вызова мертвыхъ» принадлежатъ самому великому поэту Одиссея. И Аристархъ, и Ницшъ

(а за ними идутъ почти всѣ новые) ошибаются, по моему мнѣнію, въ томъ, что требуютъ отъ Гомера, поэта древнѣйшаго, такой послѣдовательности и отчетливости въ описаніяхъ, которая свойственна поэтамъ позднѣйшей древности и новымъ, наконецъ, требуютъ послѣдовательности въ такихъ описаніяхъ и представленіяхъ, въ которыхъ она невозможна по самому существу дѣла. Критики указываютъ на нѣкоторыя противорѣчія, но упускаютъ изъ виду другія, гораздо болѣе рѣзкія, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя они считаютъ подлинными. Въ самомъ дѣлѣ Гомеръ постоянно говоритъ, что Одиссей сошелъ въ адъ. Кирка говоритъ: «Тебѣ нужно идти въ домъ Аида» (X, 491. 512). Ельпиноръ: «Знаю, что ты теперь, выйдя изъ дома Аида, приплывешь въ Эюю» (XI, 69). Одиссей: «Нужда свела меня въ адъ» (164). Ахиллъ: «Какъ ты осмѣлился сойти въ адъ, гдѣ живутъ мертвые» (475). Кирка говоритъ Одиссею и спутникамъ: «Несчастные, вы, живьемъ вошедшіе подъ крышу дома Аида (*ὄπι' ἄδεται δῶμ' Ἀΐδαο*), двумертные, между тѣмъ какъ всѣ люди умираютъ однажды» (XII, 21 сл.). Очевидно, поэтъ понималъ, что Одиссей былъ въ самомъ аду, а не только вызывалъ мертвыхъ изъ ада. Между тѣмъ Гомеръ не говоритъ, чтобы Одиссей сходилъ подъ землю (гдѣ помѣщаются мертвые у Гомера). Дорога Одиссея въ адъ до того неясна, что новые ученые спорили, гдѣ Гомеръ помѣщаетъ царство Аида, подъ землею или на одной плоскости съ поверхностью земли, на крайнемъ западѣ. У Виргилія и у Данте царство Ада описано точнѣе и подробнѣе, но то были поэты новые, ученые; и притомъ, если бы мы начали напираться на какія-либо черты описанія у Виргилія или Данте и выводить изъ ихъ словъ такія слѣдствія, о которыхъ они не думали, то, навѣрное, нашли бы и у нихъ невозможности и противорѣчія въ представленіяхъ. Было бы целѣпо и несвойственно Гомеру, если бы онъ показалъ, что опъ въ аду какъ у себя дома. Поэтъ рисуетъ отдѣльныя картины, которыя поражаютъ своею силой и запечатлѣлись въ памяти всѣхъ слѣдующихъ поколѣній. Самъ Ницшъ говоритъ, что картины предполагаемой вставки превосходны и всѣмъ греческимъ міромъ (за исключеніемъ нѣсколькихъ ученыхъ) были принимаемы за гомеровскія; о нихъ вспоминаютъ древніе такъ же часто, какъ и о любомъ подлинномъ мѣстѣ Гомера. Но эти картины ада только отдѣльные очерки; поэтъ не пытается изобразить

весь адъ, онъ не выставляетъ себя измѣрившимъ и изслѣдовавшимъ глубины подземнаго царства. Онъ не сдѣлалъ для себя модели ада, какъ сдѣлали Virgilij и Данте. Подробное и точное описаніе такихъ невѣроятныхъ вещей легко можетъ стать холоднымъ (*ψυχρόν*, какъ говорили греки), нелѣпнымъ и смѣшнымъ. Данте, конечно, не спиральными кругами своего ада приобрѣлъ себѣ славу. Несообразности и противорѣчія въ описаніи царства мертвыхъ можно указать у Гомера на каждомъ шагу въ подлинныхъ мѣстахъ. Рѣчь мертвѣго Патрокла Ахиллу заподозриваютъ также, но нерѣшительно и робко. Нѣтъ совершенно никакихъ основаній считать ее подложною. Между тѣмъ Патроклъ говоритъ: «Меня не пускаютъ мертвые смѣшаться съ пими за рѣкою, я одинъ скитаюсь по дому Аида». Значить, онъ уже перешелъ рѣку, если находится въ домѣ Аида. Онъ говоритъ: «Похоропи меня, и я перейду за ворота ада». Какъ же онъ скитается въ дому ада, если не перешелъ за его ворота? О рѣкѣ или рѣкахъ адскихъ есть темное мѣсто въ концѣ десятой книги Одиссеи. Ницшъ считаетъ упоминаніе о Пирифлегееонѣ и Кокитѣ подложнымъ. Но соединеніемъ этихъ рѣкъ у скалы Кирка означаетъ то мѣсто, гдѣ Одиссей долженъ вырыть яму. Спрашиваютъ: «Какъ видитъ Одиссей Титія и другихъ?» Я спрошу: какъ Одиссей вообще видитъ что-нибудь въ вѣчной тѣмѣ, въ странѣ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ солнца? Если скажутъ: онъ велѣлъ спутникамъ сжечь жертвенныхъ животныхъ и при свѣтѣ этого костра видѣлъ тѣни, — отвѣчу: Гомеръ не говоритъ, чтобы этотъ костеръ былъ у ямы и освѣщалъ тѣни. Одиссей велитъ своимъ спутникамъ заняться жертвою поодаль, какъ это объясняется въ схоліяхъ. Спутники не должны слышать разговоры Одиссея съ мертвыми и видѣть тѣни. Особенно спутники не должны слышать предсказанія Тиресія, который говоритъ о гибели ихъ. Одиссей и потомъ скрываетъ отъ спутниковъ, какая опасность ожидаетъ ихъ (*Schol. in Odyss. XI, 44: αὐτὸς γάρ, ὡς ἢ Κίρκη ἔφη αὐτῷ, ἐπὶ τοῦ βόθρου μένει. Ἐνταῦθα οὐκ ἔχρησται τοὺς ἑταίρους, ἵνα μὴ κατακόψωσι τῶν μαυτεῶν*). Гомеръ ни слова не говоритъ о томъ, чтобы спутники видѣли тѣни или боялись тѣней. Поэтъ не говоритъ ни слова о спутникахъ, когда Одиссей уходитъ отъ ямы. Спутники являются снова только у корабля, на берегу Океана. Впрочемъ и Ницшъ не вспоминаетъ о кострѣ. По представленію Ницша, Одиссей

стоять у ямы близъ берега Океана, то-есть, совсѣмъ не въ аду, что совершенно противорѣчить яснымъ словамъ Гомера. Тогда это было бы простое колдовство, а не сошествіе въ адъ. Мы можемъ представить себѣ, что Одиссей, идя отъ Океана къ скалѣ, къ соединенію двухъ рѣкъ, опускался, по представленію поэта, въ адъ. Итакъ, поэтъ не затрудняется тѣмъ, что Одиссею нельзя ничего разглядѣть въ вѣчной тѣмѣ. Но, кромѣ того, и въ подлинныхъ картинахъ является болѣе, чѣмъ окружность ямы, является тотъ самый покрытый асфоделомъ лугъ, по которому Оріонъ гоняетъ звѣрей. Ахиллъ, удаляясь отъ Одиссея, широко шагаетъ по лугу, покрытому асфоделомъ (vs. 539). Если Одиссей видитъ лугъ, почему же не можетъ онъ видѣть и Оріона? А если онъ видитъ Оріона, то, конечно, и другихъ героевъ такъ называемой интерполяціи. Любопытство слушателей не было бы удовлетворено, если бы поэтъ не далъ этихъ картинъ. Простодушные слушатели спросили бы, не видѣлъ ли Одиссей какихъ-нибудь древнихъ героевъ, какихъ-нибудь знаменитыхъ нечестивцевъ, которыхъ боги и въ аду наказываютъ. Точно такъ Алкиной любопытствуетъ знать, не видѣлъ ли Одиссей героевъ, своихъ товарищей (370 сл.).

Требуютъ отъ Гомера, чтобы онъ тонко и обстоятельно объяснилъ, въ какомъ состояніи находятся души послѣ смерти. Да какъ могъ поэтъ избѣжать тутъ противорѣчій? Требуютъ, чтобы поэтъ остался въ точности вѣренъ своимъ словамъ о томъ, что одинъ Тиресій имѣетъ умъ и что прочіе всѣ суть тѣни; чтобы тѣни мертвыхъ не имѣли смысла, не могли узнать Одиссея. Но развѣ царство Ахилла надъ мертвыми (встрѣчающееся въ подлинномъ мѣстѣ) не есть несообразность и противорѣчіе? Какое могло быть царство тѣней? Въ чемъ оно могло выражаться? Ницшъ говоритъ: «Въ томъ только, что души другихъ героевъ почтительно сопровождаютъ душу Ахилла» (р. 281). Справедливо; но довольно и этого. Если въ тѣняхъ нѣтъ смысла, если онѣ — ничтожество («ничтожество — сущность мертвецовъ у Гомера», учить Ницшъ, р. 185), то какое онѣ могутъ имѣть почтеніе? И какъ душа Ахилла могла радоваться? Ученые говорятъ, что ψυχή есть «дыханіе», «жизнь», и говорятъ, что изъ природы человѣка одна ψυχή остается послѣ смерти и идетъ въ адъ. И то, и другое совершенно справедливо и соотвѣтствуетъ понятіямъ Го-

мера. Что же? Дыханіе и жизнь остаются послѣ смерти и идутъ въ адъ? Тѣни мертвыхъ состоятъ изъ дыханія и жизни? Вотъ что значитъ идти въ выводахъ дальше поэта. Тутъ на каждомъ шагу приходится впадать въ нелѣпость. И не мудрено! Какъ бы мы ни силились представить существованіе призраковъ, какъ бы мы ни старались уменьшить жизнь человѣка, отнять у его природы разныя свойства, чтобы образовать призракъ, все-таки въ нашемъ образѣ будетъ жизнь человѣческая. Что дѣлаютъ привидѣнія, являющіяся въ сказкахъ новаго времени и въ разстроенномъ воображеніи повныхъ людей? Ходятъ, смотрятъ, одѣваются въ бѣлыя (или черныя смотря по вкусу) одежды, протягиваютъ руки, пожалуй, говорятъ глухимъ голосомъ. Развѣ это не дѣйствія живыхъ людей? Старапія уменьшить жизнь человѣческую, чтобы представить себѣ существованіе загробное, наивнымъ образомъ выражается въ средневѣковыхъ мнѣяхъ о карликахъ и кобольдахъ. Кобольды — души умершихъ. На нашихъ старинныхъ миниатюрахъ, желая изобразить душу, исходящую изъ тѣла, рисовали ребенка. Итакъ, рѣзкія противорѣчія находятся у Гомера во всемъ представленіи жизни мертвыхъ, да иначе и быть не могло, и Гомеръ въ томъ невиноватъ. Мнѣ кажется поэтому, что удивительныя картины такъ называемой большой интерполяціи XI книги Одиссеи должны быть признаны первоначально гомеровскими.

Я вошелъ въ такое подробное разсмотрѣніе гомеровской *Néxiα*, потому что съ нею связанъ вопросъ о рецензій Ономакрита. Если такая важная часть гомеровскихъ поэмъ, изображавшая важнѣйшую сторону религиозныхъ вѣрованій, подвергалась нѣсколькимъ переработкамъ и интерполяціямъ, то, значить, съ поэмами Гомера обращались такъ безцеремонно, что мы не можемъ сослаться ни на одно мѣсто въ Гомерѣ, какъ на несомнѣнно достовѣрное. Кромѣ того, Ницшъ прямо приписываетъ Ономакриту вставку нѣсколькихъ стиховъ въ XI книгѣ и намекаетъ (р. 338), что, можетъ быть, ему принадлежитъ и большее число. Пожалуй, подумаютъ, что и вся мнимая интерполяція принадлежитъ рецензій Ономакрита. Мнѣ кажется, что я доказалъ неосновательность возраженій противъ этихъ шестидесяти стиховъ. Обратимся теперь къ тѣмъ стихамъ, которые Ницшъ приписываетъ Ономакриту. Это стихи 602 — 604, о томъ, что Ираклъ наслаждается съ богачи и

женать на Гебѣ. Ономакриту древніе схолиі приписываютъ одинъ 604 стихъ, не имѣющій никакой важности. Ницшъ и Лерсъ (Aristarch. 448) выражаются, что о 604 стихѣ и говорить не стѣдуетъ. Изъ самыхъ словъ схолія видно, думаетъ Ницшъ, что дѣло идетъ о 602 и 603; объ одномъ 603,—думаетъ Лерсъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ объясненій схоліаста видно, что дѣло идетъ о свадьбѣ Гебы (vs. 603). Но различіе тѣла, души и образа, которое приписываютъ автору 602-го стиха, есть не что иное, какъ недоразумѣніе древнихъ ученыхъ и Ницша. Правда, что αὐτός, самъ, у Гомера означаетъ тѣло (ср. II. I, 4). Но и въ 602 стихѣ αὐτός означаетъ живого Иракла, съ тѣломъ. Иракль сталъ богомъ, а гомеровскіе боги тоже имѣютъ тѣло, какъ и люди, только, можетъ быть, понѣжнѣе. Это всѣмъ извѣстно. Тѣло Иракла, можетъ быть, очистилось въ огнѣ (если Гомеръ зналъ мифъ о сожженіи Иракла) и стало божественнымъ по волѣ боговъ. Насъ не долженъ удивлять εἰδωλόν, призракъ Иракла, являющійся въ аду; Иракль былъ сначала человѣкомъ, и естественно, что Одиссей видитъ и его тѣнь въ аду между тѣнями другихъ знаменитыхъ героевъ. Возраженіе древнихъ о дѣвствѣ Гебы тоже неосновательно. Не однѣ дѣвы разливаютъ вино: Екамиды, любовница Нестора, дѣлаетъ то же (II. XI, 624 сл.). Не однѣ дѣвы моютъ мужчинъ: Елена моетъ Одиссея, пробравшагося тайкомъ въ Трою (Odys. IV, 252). Призракъ Иракла жалуется на свою земную судьбу, и плачевный тонъ его есть свойство призрака адскаго и не противорѣчитъ блаженной жизни Иракла между богами. Лерсъ справедливо замѣчаетъ, что мы не имѣемъ права распространять интерполяцію Ономакрита болѣе, чѣмъ на одинъ стихъ, что пѣтъ и вѣроятности, чтобы Ономакритъ много интерполировалъ. Ницшъ самъ говоритъ, что отсутствіе всякаго слѣда мистицизма въ гомеровскихъ поэмахъ свидѣтельствуетъ о твердой формѣ (consistente Gestalt) поэмъ задолго до Ономакрита; орфики, по его мнѣнію, не могли свободно вставлять въ Гомера что имъ угодно (р. 339). Но, къ сожалѣнію, Ницшъ увлекается общою всѣмъ нѣмецкимъ ученымъ привычкою заподозривать безъ основанія подлинность сочиненій или стиховъ и находить множество вставокъ въ Гомерѣ. Ономакриту Ницшъ приписываетъ вставку нѣсколькихъ мѣстъ, въ которыхъ говорится объ апоѳеозѣ разныхъ людей. По мнѣнію Ницша, у Гомера

не могло быть ни одной апоэеозы. Правда, у Гомера апоэеозъ мало. Значить, мы можемъ заключать, что идея объ апоэеозѣ и культъ героевъ не были такъ развиты при Гомерѣ, какъ впоследствии. Но было бы страшно, если бы у Гомера не было ни одного случая обоготворенія, между тѣмъ какъ въ Греціи вскорѣ послѣ Гомера — мы знаемъ это навѣрное — ходило множество преданій о томъ, какъ люди получали безсмертіе. Поэтому нѣтъ возможности считать подложными мѣста о Діоскурахъ, Левкоѳѣ, Елисіи и др. Что культъ героевъ также существовалъ при Гомерѣ, показываетъ жертва мертвымъ.

Но откуда явилось въ схолии извѣстіе, что Ономакрить вставилъ одинъ стихъ? Миѣ кажется, что оно не основывается ни на какомъ достовѣрномъ преданіи, а есть просто догадка, такъ же какъ по догадкамъ приписывали нѣкоторые стихи Писистрату. Въ послѣднемъ случаѣ дѣло также относится къ Ономакриту, потому что Писистратовская рецензія была его работою. Ирей Мегарскій говорилъ, что Писистратъ вынулъ изъ Исіода одинъ стихъ, компрометировавшій Оисея, а въ Νέχοια Гомера вставилъ другой стихъ, упоминавшій о Оисеѣ (vs. 631; ср. Plutarch. Thes. 20). Первая половина извѣстія замѣчательна. Она показываетъ, что древніе приписывали Писистрату и рецензію Исіода. Вспомнимъ догадку Крамера объ ἐπίχδος κύχλος. Что касается до стиха въ Νέχοια о Оисеѣ (а также въ II. I, 265), то онъ можетъ быть исключень безъ малѣйшей потери для контекста; но доказать его подложность нельзя. Тѣмъ менѣе можно доказать, что его вставилъ Писистратъ. Объ аоинянахъ Гомеръ говоритъ въ каталогѣ. Зенгебушъ и Лерсъ прекрасно доказываютъ достовѣрность этого упоминанія. Они приводятъ надпись, которую аоиняне позволили Кимоу сдѣлать на трехъ гермахъ, поставленныхъ въ честь взятія Еіона (Aeschin. adv. Ctes. 184. Plut. Cimon, 7). Въ надписи цитуются стихи Гомера объ аоинянахъ изъ каталога. Иродотъ также былъ вполне убѣжденъ въ подлинности этихъ стиховъ (VII, 161). Значить, въ первой половинѣ V вѣка, черезъ 50 лѣтъ послѣ редакціи Писистрата, не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ достовѣрности. Какъ же потомъ Діевхидъ узналъ, что Писистратъ вставилъ эти стихи? Не ясно ли, что тутъ не было никакого преданія, а простая догадка мегарцевъ, враговъ аоинянъ?

Итакъ, извѣстія древнихъ о «собраніи» Гомера Писистра-

томъ никакъ не могутъ заставить насъ отвергнуть первоначальное и постоянное единство поэмъ. Напротивъ того, очевидно, что орфики, бывшіе рецензентами гомеровскаго текста, не вставили ничего, что бы намекало на ихъ ученіе и, слѣдовательно, должны были обращаться съ текстомъ Гомера очень осторожно, какъ съ установившимся уже прежде. Когда же были записаны въ первый разъ произведенія Гомера, и какъ онѣ сохранялись столь долгое время? Это вводитъ насъ въ третій отдѣлъ нашей задачи, въ разборъ вопроса о началѣ греческой письменности.

III.

Вопросъ о началѣ греческой письменности — самая важная часть гипотезы Вольфа. Послѣдователи Вольфа не разбираютъ этого вопроса, потому что считают неграмотность творцовъ Иліады и Одиссеи вполне доказанною. Съ ними согласны почти всѣ новые ученые: всѣми принято, что нѣкоторое время Иліада и Одиссея сохранялись только въ памяти рапсодовъ. Защитники цѣлости поэмъ давно уже высказали мнѣніе, что несуществованіе письма не уничтожаетъ возможности созданія и сохраненія большихъ поэтическихъ произведеній.

„Во всякомъ изслѣдованіи“, говоритъ г. Леонтьевъ, „очень важно и трудно поставить, какъ слѣдуетъ, вопросъ. Мы, дѣйствительно, видимъ въ исторіи разныхъ особенно-запутанныхъ историческихъ изслѣдованій, что въ началѣ спора вопросъ обыкновенно не бываетъ поставленъ съ должною ясностію. Только послѣ продолжительныхъ трудовъ и многократнаго разрѣшенія заданнаго вопроса удается, наконецъ, вполне осилить его элементы и выразить съ ясностію, что собственно должно быть разрѣшено относительно каждаго изъ элементовъ вопроса. Элементы, которые представлялись уму Вольфа, какъ неразрывно связанные и взаимно другъ друга условливающіе, теперь могутъ быть раздѣлены и поставлены независимо одинъ отъ другаго. Уже Пэнъ-Нейтъ замѣтилъ, что разрѣшеніе вопроса о первоначальной цѣлости Иліады и Одиссеи не зависитъ отъ распространенности или нераспространенности искусства писать въ IX вѣкѣ до Р. X.“ (Пропилеи, II, 84 сл.).

Замѣчанія г. Леонтьева прекрасны, и съ общемою мыслию его я совершенно согласенъ. Однако мнѣ кажется необходимымъ рассмотреть снова вопросъ о древности письма у грековъ, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время мы имѣемъ новыя данныя для приблизительнаго рѣшенія этой задачи. Если мы

признаемъ, что первоначально поэмы Гомера не были записаны, то все-таки очень важно знать, какъ долго оставались онѣ не записанными. Если бы удалось установить вѣроятность ранней записи Иліады и Одиссеи, то въ нашихъ предположеніяхъ оставалось бы менѣе мѣста свободѣ рапсодовъ, уменьшилось бы количество случайностей возможной ошибки — принять какой-нибудь позднѣйшій стихъ за первоначально гомеровскій, наконецъ увеличилась бы вѣроятность первоначальной цѣлости поэмъ.

Главныя положенія Вольфа въ вопросѣ о письменности приведены мною въ первой статьѣ. Во-первыхъ, Вольфъ указываетъ на то, что въ поэмахъ Гомера не упоминается о письмѣ. Извѣстно мѣсто Иліады (VI, 167 сл.), гдѣ прежде видѣли свидѣтельство о существованіи письма въ героическое время. Главкъ рассказываетъ Диомеду о судьбѣ своего дѣда Веллерофонта. Царь Притъ (Προΐτος) «послалъ Веллерофонта въ Ликію и снабдилъ его злыми знаками, вырѣзавъ (или написавъ) на складной доскѣ много губительнаго, и велѣлъ показать своему зятю, чтобы онъ (Веллерофонтъ) погибъ»:

Πέμπε γέ μιν Λυκίηνδε, πόρεν δ' ὄγε σήματα λυγρά,
γράφας ἐν πίνακι πτοχτῶ θυμόφθορα πολλὰ,
δειξάι δ' ἠνώγειν φ' πενθερῶ, ὄφρ' ἀπόλοιτο.

Вольфъ думаетъ, что здѣсь разумѣются символическіе знаки, которые напередъ уже были условлены между родственниками относительно нѣкоторыхъ важнѣйшихъ вещей. Такіе знаки, говоритъ онъ, могутъ быть и у неграмотныхъ людей. Его объясненіе принято почти всѣми. Даже Мистріотъ согласенъ съ Вольфомъ по этому предмету (стр. 104 сл.); онъ говоритъ: «Это мѣсто Гомера не указываетъ на употребленіе письма, но и не исключаетъ возможности его; такіе знаки могутъ быть и въ грамотное время». Замѣчательно однако, что складныя дощечки, на внутреннихъ сторонахъ которыхъ писали или вырѣзывали письмена, употреблялись въ древности вмѣсто записныхъ книгъ и писемъ. Иродіанъ (Histor. Rom. VII, 15) рассказываетъ, что Гордіанъ послалъ въ Римъ письмо, запечатанное въ складныхъ дощечкахъ, какъ посылались секретныя императорскія приказанія (κατασσημασμένα γράμματα ἐν πτοχτοῖς πίναξι). Знаки Прита уже и въ древнее время были объясняемы, какъ символы, іероглифы (Schol. et Eustath. ad I.); но отъ такихъ символовъ до письма недалеко: еги-

петскіе іероглифы были письменами. Гораздо удачнѣе Евстацій сравниваетъ знаки, упоминаемые въ Иліадѣ, съ условными знаками, бывшими въ употребленіи у скивовъ, народа неграмотнаго. Дѣйствительно, необходимо согласиться съ Вольфомъ въ объясненіи слова *σῦματα*; но «складныя дощечки» Гомера вводятъ насъ въ грамотное время. Изъ многихъ признаковъ видно, что Гомеръ дѣлаетъ различіе между своимъ временемъ и временемъ своихъ героевъ (эпохою разрушенія Трои). Нѣсколько разъ встрѣчается въ поэмахъ Гомера выраженіе, указывающее на слабость людей его времени сравнительно съ богатырями древности (*οἷοι ὄν' ἔροτοί εἰσι*). Ученые разными доводами ослабляютъ значеніе этого выраженія, и, конечно, настаивать на немъ нельзя. Важнѣе то, что поэтъ сознаетъ перемѣну, происшедшую послѣ Троянской войны въ состояніи поселеній западнаго берега Малой Азіи. Иліада и Одиссея созданы въ Малой Азіи, въ іонійскихъ колоніяхъ; это—общепринятое мнѣніе древности и большинства новыхъ ученыхъ; нѣкоторые признаки въ самихъ поэмахъ ведутъ къ тому же заключенію. Слѣдовательно, во время жизни автора (или авторовъ) поэмъ западный берегъ Малой Азіи былъ населенъ греками. Между тѣмъ у Гомера Милеть является городомъ карійцевъ, союзниковъ троянъ, и вся Малая Азія въ такомъ именно состояніи, въ какомъ мы представляемъ ее себѣ за одиннадцать вѣковъ до Р. Х. Ни объ іонійцахъ, ни объ эолійцахъ Малой Азіи нѣтъ и помину. Въ Иліадѣ является пророчество, что потомки Энея будутъ царствовать надъ троянами (XX, 307 сл.): это опять указываетъ на состояніе, современное самому Гомеру. Точно также, мнѣ кажется, поэтъ избѣгаетъ говорить о письмѣ, зная, что герои были неграмотны. и представляетъ, что герои писали на своихъ «складныхъ дощечкахъ» не финикійскія буквы, какъ было во время поэта, а условные знаки. Поэзія Гомера не можетъ быть названа народными пѣснями въ родѣ нашихъ пѣсень о Владимірѣ Красномъ Солнышкѣ и его богатыряхъ или въ родѣ сербскихъ эпическихъ пѣсень. Поэмы Гомера безконечно выше по художественному достоинству этихъ павныхъ произведеній народной фантазіи. У Гомера нѣтъ анахронизмовъ въ родѣ того, что Владиміръ бьется съ Татарами, а Карль Великій плыветъ въ Іерусалимъ. Новые ученые согласны въ томъ, что поэмы Гомера показываютъ уже высокую степень

цивилизации, предполагаютъ значительное развитіе поэтическаго искусства. Замѣчаніе схолиаста Иліады (VI, 168): «странно, чтобы люди, нашедшіе всякаго рода искусство, не знали грамоты», — не лишено силы. Запомнимъ эти соображенія и обратимся ко второму доводу Вольфа — о недостаткѣ писчаго матеріала.

До шестого столѣтія, говоритъ Вольфъ, до начала торговли съ Египтомъ, откуда стали вывозить папирусъ, у грековъ были самыя жалкія орудія письма. Древній вѣтійскій свинцовый экземпляръ «Трудовъ и Дней» Исіода, упоминаемый Павсанією (IX, 31, 4), — басня. Однако Велькоръ (*Die hesiodische Theogonie*, Elberfeld 1865, 14) не только вполне вѣритъ свѣдѣнію, сообщаемому Павсанією, но и считаетъ этотъ фактъ чрезвычайно важнымъ для исторіи текста Исіода. Вольфъ говоритъ потомъ о древнѣйшихъ письменныхъ законодательствахъ; я не привожу его доводовъ относительно этого пункта, потому что они вполне опровергнуты Ницшемъ. Вольфъ высказываетъ, впрочемъ, убѣжденіе, что нѣкоторые поэты писали книги и въ VIII, и въ VII столѣтіяхъ въ Іоніи и Великой Греціи (то-есть, южной Италіи); «но если говорить о всей Греціи и о нѣсколько болѣе обычномъ употребленіи письма и писанія книгъ, то нельзя заходить дальше времени Ѡалеса, Солона, Писистрата и семи мудрецовъ», слѣдовательно, далѣе VI вѣка. Хотя очевидно, что Вольфъ избѣгаетъ слишкомъ рѣзкихъ и утвердительныхъ выраженій, такъ что даже впадаетъ въ противорѣчія съ самимъ собою (напр., стр. LXV), однако вообще онъ держится мнѣнія о первомъ распространеніи письма въ VI вѣкѣ, а въ видѣ исключенія и для болѣе развитыхъ людей (*sollertiores quidam homines*, стр. LXX) допускаетъ письмо и раньше. Противъ этой части изслѣдованій Вольфа поднялось много возраженій. Изъ первыхъ возражателей замѣчательнъ Гугъ (*Hug, die Erfindung der Buchstabenschrift*, Ulm 1801). Старательнѣе всѣхъ разобрать дѣло Ницшъ (*De historia Homeri maximeque de scriptorum carminum aetate meteltemata*). Главную часть книги Ницша занимаютъ старанія его доказать, что письменность была въ большемъ употребленіи у грековъ раньше, нежели какъ думалъ Вольфъ. Болѣе всего Ницшъ папираетъ на мѣсто Иродота (V, 58), мѣсто, дѣйствительно замѣчательное.

„Финикиане, прибывшіе съ Кадмомъ“, говоритъ Иродотъ, „поселившись въ Греціи, научили эллиновъ многому и между прочимъ

азбукъ. Изъ грековъ іонійцы въ то время были ближе всѣхъ къ финикіанамъ; они и приняли отъ финикіанъ азбуку, немного измѣнивъ ее, и называли буквы финикійскими (φοινικίαια). Іонійцы называютъ книги съ древняго времени кожами (διφθέρα), потому что нѣкогда, за рѣдкостію папируса, употребляли козьи и овечьи шкуры. Еще и до сихъ поръ многіе изъ варваровъ пишутъ на такихъ кожахъ*.

Ницшъ собралъ много любопытныхъ извѣстій объ этихъ кожахъ, древнѣйшемъ писчемъ матеріалѣ грековъ. Такъ, замѣчательны древнія греческія пословицы: «Зевсъ долго спуска глядитъ въ кожи» (ὁ Ζεὺς κατεῖδε χρόνιος εἰς τὰς διφθέρας); «Ты говоришь о томъ, что древнѣе кожн» (ἀρχαιότερα τῆς διφθέρας λέγεις). Въ первой пословицѣ выражается народное представленіе о книгахъ Зевса, въ которыхъ записаны преступления и добрыя дѣла. Зевсъ отъ времени до времени справляется въ своихъ кожныхъ книгахъ и назначаетъ злomu человѣку наказаніе, а доброму награду: оттого бываетъ, что преступникъ долго остается безнаказаннымъ. Вторая пословица прямо указываетъ на древность кожаныхъ книгъ. Еще замѣчательнѣе рассказы позднѣйшихъ писателей о томъ, что кожи Епименида и Ферекида были исписаны буквами. Плутархъ (Pelop. 21) говоритъ, что спартанцы убили мудреца Ферекида и, по какому-то изреченію оракула, берегли его кожу. Сvida сообщаетъ еще болѣе странное извѣстіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и объясняетъ дѣло (v. Ἐπιμενίδης). «Когда умеръ Епименидъ, то нашли, что его кожа испещрена буквами» (τὸ δέρμα εὐρήσθαι γράμμασι κατὰστίχων). По превосходной догадкѣ Ницша, такіе рассказы образовались именно отъ того, что спартанцы сохраняли сочиненія Ферекида, написанныя на кожѣ (διφθέρα), и отъ Епименида остались тоже кожаныя книги. Епименидъ жилъ въ началѣ VI вѣка, а слѣдовательно, на кожахъ продолжали писать пѣкоторое время и послѣ того, какъ стали въ большемъ количествѣ ввозить папрусъ изъ Египта. Ницшъ приходитъ къ результату, что время Писистрата и Поликрата было первымъ временемъ писанія книгъ, а распространеннаго чтенія, изданія, собранія въ бібліотеки (Fascic. I, p. 95). Мнѣ кажется, что должно согласиться съ Ницшемъ въ этомъ пунктѣ. Къ мѣстамъ древнихъ о кожныхъ книгахъ, собраннымъ у Ницша, слѣдуетъ присоединить отрывокъ изъ «Плисеена» Еврипида (Fragm. 629 Nauck) (TGFr. ² 627 N), гдѣ говорится о «кожахъ, наполненныхъ множествомъ изреченій Аполлона», εἰσὶν

γάρ, εἰσὶ διφθέραι μελαγγραφεῖς, πολλῶν γέμουσαι Δοξίου γηρυμάτων
(Anecd. Oxon. III, 373).

Со времени изданія книги Ницша найдено нѣсколько очень важныхъ древнѣйшихъ надписей греческихъ, которыя значительно увеличили сумму нашихъ свѣдѣннй въ греческой палеографіи. Особенно замѣчательны надписи еирѣйскія и абусимбельскія (или эсамбульскія). Извѣстія Иродота и другихъ древнихъ, что греки заимствовали свою азбуку отъ финикіанъ, считались справедливыми и прежде. Въ начертаніяхъ буквъ греческой азбуки, даже такъ называемаго іонійскаго алфавита, ставшаго общеупотребительнымъ въ концѣ V вѣка до Р. X., можно замѣтить сходство съ азбукою финикійскихъ надписей. Слова Иродота, что іонійцы называли свои буквы финикійскими, совершенно подтверждаются древнею теосскою надписью (IG. 3044), гдѣ слова ὅς ἄν τὰ φοινικήια ἐκκόψῃ означаютъ: «кто выскоблитъ буквы» (надписи). Но съ открытіемъ еирѣйскихъ надписей стало невозможнымъ никакое сомнѣніе: начертанія ихъ очень близки къ финикійскимъ, а въ нѣкоторыхъ буквахъ даже тождественны. Еирѣйскія надписи издашы, между прочимъ, въ книгѣ Франца: *Elementa epigraphices graecae* (№№ 1—20) (IG. XII 3, 762 сл.). Это—короткія надгробныя надписи, состоящія изъ однихъ почти именъ. Древнѣйшія изъ нихъ относятся, по мнѣнію Франца, къ 40-й олимпіадѣ, то есть, къ 620 году до Р. X. Кирхгофъ думаетъ, что онѣ нѣсколько древнѣе, и приближаетъ ихъ къ половинѣ VII вѣка (*Studien zur Geschichte des griechischen Alphabets*, 160 (4 изд. Gütersloh 1887, 64)). Но такъ какъ между азбукою еирѣйскихъ надписей и азбукою древнихъ финикійскихъ все-таки существуютъ различія, а первоначально обѣ азбуки были тождественны, то заимствованіе письма отъ финикіанъ должно было совершиться раньше. Вотъ все, что мы можемъ сказать на основаніи еирѣйскихъ надписей. Очень жаль, что результатъ нашъ такъ ограниченъ, но не будемъ увлекаться споромъ, будемъ безпристрастно завѣшивать всякій доводъ. Еирѣйскія надписи, по крайней мѣрѣ, дѣлаютъ несомнѣннымъ самый фактъ заимствованія письма у финикіанъ. А такъ какъ изъ Иродота мы знаемъ, что іонійцы писали финикійскою азбукою на кожахъ задолго до Псамматиха I, то греческая письменность доведена нами теперь до VIII вѣка, несмотря на всю скудость нашихъ источниковъ.

Абусимбельскія надписи даютъ намъ, мнѣ кажется, полное основаніе думать, что грамотность была уже значительно распространена между греками во второй половинѣ VII вѣка. Абу-Симбель или Эпсамбуль, мѣстечко въ Нубіи, знаменито находящимися неподалеку колоссальными статуями, высѣченными въ скалахъ. На ногахъ этихъ колоссовъ найдены Лепсіусомъ надписи на разныхъ языкахъ: греческія строки смѣшаны здѣсь съ финикійскими и совершенно неизвѣстными, можетъ быть, карійскими, какъ па удачу предполагаетъ Лепсіусъ. Кирхгофъ издалъ греческія и подробно обсуждастъ ихъ въ своемъ сочиненіи о греческой азбукѣ (*Studien zur Gesch. d. gr. Alph.*, 147 сл. (4 изд., 37 сл.)). Это надписи греческихъ наемниковъ, которые, какъ мы узнаемъ изъ главной надписи (SIG. 5126), прибыли съ царемъ Псамматихомъ въ Елефантину и оттуда, подъ предводительствомъ Псамматиха, сына Оеокла, въ сопровожденіи египтянина Амасиса и чужеземца (*αλογλοσος* = *ἀλλόγλωσσος*, то-есть, туземца, зоіонійца, — прямо говоритъ Кирхгофъ) Дихепотасимто, предприняли поѣздку вверхъ по Нилу. Они дошли выше Керкія (неизвѣстное мѣсто) «до тѣхъ поръ, пока позволяла рѣка», то-есть, думаетъ Кирхгофъ, до второй катаракты (водопада). Первую надпись рѣзали двое, названные по именамъ. Затѣмъ слѣдуютъ еще девять надписей, вырѣзанныхъ въ то же самое время (какъ ясно изъ №№ 5 и 10) людьми, принимавшими участіе въ поѣздкѣ и желавшими оставить свое имя на славномъ памятникѣ. Кирхгофъ основательно предполагаетъ, что главную надпись вырѣзали двое за весь отрядъ, а потомъ другіе грамотные изъ отряда вырѣзали свои имена особо. Если даже мы предположимъ, что всѣ грамотные захотѣли отмѣтить свои имена, то получимъ все-таки одиннадцать грамотныхъ въ отрядѣ. Мы не имѣемъ никакой возможности опредѣлить число людей, бывшихъ въ отрядѣ; по, вѣроятно, отрядъ былъ небольшой. Войско (какъ очевидно изъ сличенія 1-й надписи съ 10-ю) оставалось въ Елефантинѣ; а въ Нубію былъ посланъ отрядъ, какъ думаетъ Кирхгофъ, для открытій. Мнѣ кажется, однако, что это послѣднее мнѣніе Кирхгофа не можетъ быть приято: египетскіе цари очень хорошо знали страну непосредственно къ югу отъ Оиваиды. Скорѣе это была поѣздка, предпринятая греками для своего удовольствія или изъ любопытства, такъ что участниковъ поѣздки было

немного. Абусимбельскія надписи замѣчательны еще и въ другомъ отношеніи: это древнѣйшія надписи, въ которыхъ являются особенности іонійскаго алфавита. Іонійцы—первые изъ грековъ переняли у финикіанъ азбуку, первые и измѣнили ее, чтобы сдѣлать ее удобною, ввели особыя знаки для означенія долгихъ звуковъ *ε* и *ο*. И въ поэзіи, и въ прозѣ іонійцы были передовыми изъ грековъ; іонійцамъ принадлежитъ и поэзія Гомера, и элегія, и ямбъ, и холіямбъ, и исторія, и философія; іонійцы первые показали грекамъ путь въ Черное море, въ Египетъ, въ Адриатическое море, въ Галлію, въ Испанію. Древнѣйшія оирэйскія и абусимбельскія надписи принадлежатъ почти къ одному времени, а между тѣмъ разница между ними велика; очевидно, что іонійцы въ письменности были далеко впереди дорійцевъ острова Оиры. Абусимбельскія надписи относятся, по мнѣнію Кирхгофа, съ которымъ я совершенно согласенъ, къ 620 году (приблизительно), такъ что развѣ немногимъ моложе оирэйскихъ. Между тѣмъ начертанія каппы, іоты, сигмы и другихъ буквъ значительно новѣе въ первыхъ, нежели во вторыхъ: встрѣчается пси; хі имѣетъ въ абусимбельскихъ надписяхъ особый знакъ, тотъ же чтѣ и въ нынѣшней греческой азбукѣ, между тѣмъ какъ въ оирэйскихъ этотъ звукъ изображается чрезъ КН. Главная абусимбельская надпись состоитъ изъ пяти строкъ, которыя идутъ всѣ отъ лѣвой руки къ правой; въ десятой надписи первая строка идетъ отъ лѣвой руки, а вторая отъ правой къ лѣвой (βουστροφύδον), причемъ буквы заворачиваютъ такъ же, какъ въ одной оирэйской (№ 1. а, у Франца) (IG. XII 3, 792). Прежде греки постоянно писали отъ правой руки къ лѣвой, такъ, какъ написано первое имя первой оирэйской надписи, и такъ, какъ писали финикіане. Много времени должно было пройти отъ перваго введенія финикійской азбуки до образованія алфавита абусимбельскихъ надписей. Слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что іонійцы, вырѣзавшіе свои имена въ Абусимбелѣ (въ надписяхъ встрѣчается одинъ теосецъ, одинъ колофонецъ, одинъ ялсонецъ, слѣдовательно, доріецъ изъ Родоса, писавшій, однако, по-іонійски, какъ и его товарищи), учились грамотѣ, не дожидаясь привоза папируса изъ Египта. Не Египетъ далъ имъ ихъ азбуку, но они вырѣзали на египетскихъ колоссахъ начертанія, выработанныя іонійскою письменностью. Во всякомъ случаѣ за сто лѣтъ до писистратовской рецензіи

мы видимъ значительное распространіе грамотности между греками.

Многимъ ученымъ кажется, что отсутствіе дигаммы въ рукописяхъ Гомера, извѣстныхъ александрійскимъ ученымъ, заставляетъ насъ принять позднюю запись Гомера. Бернгарди, Гротъ, г. Леонтьевъ и многіе другіе признаютъ, что Гомеръ записанъ тогда, когда дигамма не произносилась болѣе. Г. Леонтьевъ говоритъ:

„Во время сочиненія гомеровскихъ поэмъ дигамма была дѣйствительнымъ звукомъ и имѣла большое вліяніе на стопосложеніе. Но когда поэмы Гомера были въ первый разъ записаны, тогда дигамма уже болѣе не выговаривалась: поэтому она не попала въ текстъ, и александрійскіе критики, знавшіе о существованіи дигаммы въ стихотвореніяхъ Алкея и Сафо, не допускали однакожь ея у Гомера“.

Изъ этого г. Леонтьевъ выводитъ, что «древнѣйшія рукописи Гомера были многимъ моложе Алкея и Сафо». Мнѣ кажется, что этотъ «доводъ отъ дигаммы», который считается сильнѣйшимъ у противниковъ ранней записи Гомера, совершенно неоснователенъ. Въ самомъ дѣлѣ, необходимо признать, что, по крайней мѣрѣ, при Соломѣ существовали уже рукописи поэмъ Гомера, положимъ пока — хоть нѣкоторыхъ частей этихъ поэмъ. Но Алкей и Сафо—современники Солона, и, слѣдовательно, никакъ нельзя сказать, чтобы рукописи Гомера были моложе Алкея и Сафо. Затѣмъ должно признать одно изъ двухъ: или въ древнѣйшихъ рукописяхъ Гомера, современныхъ Алкею, была дигамма, и, слѣдовательно, александрійскимъ ученымъ не были извѣстны древнѣйшія рукописи Гомера, или же въ нихъ не было дигаммы, и въ такомъ случаѣ отсутствіе или присутствіе дигаммы въ рукописяхъ Гомера не зависитъ отъ отсутствія или присутствія ея въ рукописяхъ Алкея и Сафо. Дигамма встрѣчается гораздо позже VI вѣка, напримѣръ, въ ираклейскихъ доскахъ, относящихся къ концу IV вѣка (SIG. 5774. 5775 (IG. XIV 645)), и даже еще позже, напримѣръ, въ подписи критскаго города Акса (или Оакса, или Вакса, ср. SIG. 3050). Дѣло въ томъ, что іонійцы перестали писать и выговаривать дигамму гораздо раньше, нежели дорійцы и эолійцы. Въ древнѣйшихъ іонійскихъ и аттическихъ подписяхъ уже нѣтъ дигаммы. Когда іонійцы перестали употреблять дигамму, мы не можемъ сказать. Алкей и Сафо были поэты эолійскіе: у нихъ и оставалась дигамма.

Если бы Гомеръ былъ записанъ и въ VII вѣкѣ, то и тогда, вѣроятно, въ его рукописяхъ не было бы дигаммы. Наконецъ, ничто не мѣшаетъ намъ принять, что первоначально въ рукописяхъ Гомера была дигамма, а потомъ, когда стали вездѣ выпускать эту букву, выпустили ее и въ рукописяхъ Гомера, при новыхъ перепискахъ. Это, вѣроятно, случилось такъ давно, что александрийскіе ученые и не знали о томъ. Мало ли чего не знали александрийскіе ученые! Прекрасно говорить Гербертъ Маршъ (Herbert Marsh, *Notae Pelasgicae*, Cambridge 1815, 54):

„Трудность относительно исчезновенія дигаммы въ рукописяхъ Гомера, въ предположеніи, что его поэмы были написаны прежде съ этою буквою, казалась многимъ писателямъ столь великою, что заставляла ихъ сомнѣваться, могли ли поэмы Гомера вообще быть записаны съ дигаммою. Но точно такая же трудность существуетъ и относительно исчезновенія придыхательной Н, буквы, которая, конечно, была употребляема, когда поэмы Гомера были въ первый разъ записаны. Однако мы не затрудняемся предположить, что тамъ, гдѣ у насъ теперь стоитъ крючекъ наверху буквы, прежде въ тысячѣ случаевъ по всѣмъ поэмамъ Гомера стояла цѣлая буква Н. Мы не затрудняемся предположить, что въ тысячѣ случаевъ стояло прежде О, гдѣ у насъ теперь стоитъ Ω. Короче сказать, когда вводится новая орѳографія, то тѣ выпуски, прибавки или перемѣны, которыя зависятъ отъ нея, производятся переписчиками по необходимости отъ начала до конца переписываемой книги“.

Францъ выражаетъ свое удивленіе тому, что ученые придаютъ такое значеніе «доводу отъ дигаммы». Дигамма, по его мнѣнію, рано была изгнана изъ письма. Мнѣ кажется поэтому, что «доводъ отъ дигаммы» очень слабъ, и что ссылка на рукописи Алкея и Сапфо не выдерживаетъ критики.

Сказать, что самъ авторъ Илиады и Одиссеи написалъ свои поэмы, будетъ въ настоящее время такою же ересью, какою было бы въ древности мнѣніе, что Гомеръ не умѣлъ писать. Такъ какъ мы не имѣемъ возможности опредѣлить время жизни Гомера и не знаемъ ничего о самомъ поэтѣ, то напрасно было бы стараться доказывать, что онъ самъ писалъ свои произведенія. Но мы можемъ, кажется, принять, что у мало-азійскихъ грековъ была уже письменность за 1000 лѣтъ до Р. Х. Въ настоящее время египтологи находятъ сочиненія, написанныя за полторы тысячи и болѣе лѣтъ до нашего лѣтосчисленія. Надписи египетскія заходятъ, какъ извѣстно, по общему мнѣнію специалистовъ, еще гораздо далѣе въ древность. Финикіане заимствовали грамотность отъ египтянъ также въ

самыя отдаленныя времена; финикіане находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ греками, и особенно съ іонійцами Малой Азіи. Процвѣтаніе іонійскихъ колоній относится къ очень древнему времени. Когда другія греческія племена выступили на сцену международныхъ отношеній, іонійцы могли уже похвалиться славнымъ прошедшимъ. «Давно когда-то были сильны милетцы» (πάλαι ποτ' ἴσαν ἄλκιμοι Μιλήσιοι), говорила греческая пословица. Трапезунтъ, далеко въ юго-восточномъ углу Чернаго моря, былъ основанъ жителями города Синопы въ половинѣ VIII вѣка. Синопа, колонія Милета, митрополія Трапезунта, была построена, слѣдовательно, еще ранѣе. Такъ давно стало для милетцевъ извѣстно Черное море. Въ каталогѣ Гомера мы находимъ названія нѣсколькихъ небольшихъ городовъ на южномъ берегу этого моря, въ Пафлагоніи; слѣдовательно, въ то время, когда была создана Иліада, іонійцы уже ѣздили въ Пафлагонію. Такому развитію мореплаванія и силы іонійскихъ городовъ не соответствовало бы отсутствіе грамотности. Наконецъ, мы имѣемъ прямое и ясное свидѣтельство Иродота, что іонійцы писали съ древнѣйшихъ временъ. Это подтверждается и палеографическими соображеніями. Итакъ, очень возможно, что произведенія Гомера были записаны еще въ VIII вѣкѣ, во время перваго киклическаго поэта. Доказать это я не въ состояніи: я очень хорошо понимаю, что всѣ высказанныя мною соображенія не убѣдительны. Для доказательства требуются гораздо болѣе сильныя и прямыя доводы. Но, съ другой стороны, высказанныхъ выше соображеній совершенно достаточно, чтобы уничтожить доводы Вольфа о первой записи Гомера при Писистратѣ или при Солонѣ. Результатъ выходитъ слѣдующій: мы знаемъ почти навѣрное, что при Солонѣ уже читали Гомера по письменнымъ экземплярамъ, слѣдовательно, поэмы Гомера были записаны раньше Солона, раньше 590 года до Р. Х., а на сколько раньше, мы не въ состояніи опредѣлить. Но есть возможность относить эту запись и къ VIII вѣку.

На эти соображенія тотчасъ представляется возраженіе, сдѣланное уже Вольфомъ: кто бы сталъ читать въ IX или VIII столѣтіяхъ рукописи Гомера? Но, во-первыхъ, грамотность была между греками гораздо болѣе распространена въ древнее время, чѣмъ думалъ Вольфъ; во-вторыхъ, въ первое время составлены были письменные экземпляры Гомера не для пуб-

лики, а для однихъ рапсодовъ. Такъ и думаетъ Францъ (*Elementa epigraphices Graecæ*, 30 сл.). Очень можетъ быть, что нѣкоторое время поэмы Гомера передавались все-таки безъ помощи письма, что первоначально онѣ не были записаны; но всѣ возможные признаки соединяются въ пользу предположенія, что запись послѣдовала рано и что промежутокъ времени между созданиемъ и записью поэмъ былъ далеко не такъ великъ, какъ думаютъ Вольфъ и его послѣдователи.

Но возможно ли было создать безъ помощи письма такія большія произведенія, какъ Иліада и Одиссея? Вольфъ ставитъ этотъ вопросъ и отвѣчаетъ отрицательно. Онъ признаетъ за поэмами Гомера высокое, несравненное достоинство и согласенъ представить себѣ творца Иліады и Одиссеи необыкновенно гениальнымъ. Вольфъ выбираетъ самыя пышныя фразы для восхваленія поэта (стр. СІХ сл.); но въ заключение говоритъ: «Все-таки и такой умъ не могъ бы создать на память такія поэмы». Тутъ вопросъ переходитъ въ область субъективную: Вольфъ считаетъ невозможнымъ, Ницшъ и Францъ возможнымъ. У насъ здѣсь нѣтъ никакихъ основаній для рѣшенія. Что бы мы ни сказали, все будетъ неубѣдительно для человѣка, уже составившаго свое мнѣніе на этотъ счетъ. Я представлю только два соображенія и возьму ихъ изъ мыслей и данныхъ самыхъ главныхъ противниковъ единства, Вольфа и Лахманна. Отвергая первоначальную запись гомеровскихъ поэмъ, Вольфъ тѣмъ самымъ принимаетъ, что пѣсни, изъ которыхъ были составлены потомъ Иліада и Одиссея, долгое время сохранялись рапсодами и передавались изустно, по памяти. Затѣмъ онъ высказываетъ убѣжденіе, что были рапсоды, помнившіе наизусть обѣ поэмы.

„Пожалуй, покажется кому-нибудь удивительнымъ“, говоритъ онъ, „что рапсоды могли запомнить цѣлаго Гомера. А мнѣ это кажется еще мало, и я думаю, что хорошіе рапсоды знали на память и гораздо болѣе“ (*Stupes fortasse ad tantam capacitatem memoriae, quae totum Homerum complecti potuerit? Mihi vero id etiam parum videtur, multoque plura nonnumquam bonos rhapsodos tenuisse suspicor*, стр. СІ).

Не явное ли тутъ противорѣчіе? Вольфъ считаетъ возможнымъ, чтобы простые рапсоды знали на память «гораздо болѣе» стиховъ, чѣмъ находится въ обѣихъ поэмахъ, а самому великому автору поэмъ, котораго Вольфъ не знаетъ какъ восхвалять, онъ отказываетъ въ этой возможности? Я не понимаю,

какъ складывались въ головѣ Вольфа два такія противоположныя понятія. Лахманнъ самъ приводитъ примѣръ, который уничтожаетъ всѣ возраженія Вольфа о невозможности создать поэму на память.

„Эшенбахъ (говоритъ Лахманнъ въ письмѣ къ Лерсу, см. Friedländer, Die homerische Kritik von Wolf bis Grote, стр. VI) не умѣлъ ни читать, ни писать; его поэма Парциваль состоитъ изъ 24.810 стиховъ; но можно назначить премію тому, кто найдетъ бы въ ней малѣйшее противорѣчіе“.

Извѣстно, что средне-вѣковый поэтъ Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ самъ въ поэмѣ своей хвастается, что не знаетъ ни читать, ни писать. Странно же считать выше силъ Гомера то, что было возможно для Эшенбаха. И если вольфганцы считаютъ время Гомера неграмотнымъ, то должны приписать поэта́мъ этого времени болѣе обширную и твердую память. Много можно было бы сказать—и уже сказано учеными—о способности импровизаторовъ и народныхъ пѣвцовъ; но мы можемъ оставить этотъ предметъ, такъ какъ всѣ согласны признать возможность передачи Илиады и Одиссеи по памяти въ продолженіе многихъ поколѣній рапсо́довъ, и, слѣдовательно, всѣ должны, кажется мнѣ, согласиться и въ томъ, что одинъ поэтъ могъ создать на память большую поэму.

Когда мы признаемъ, что нѣкоторое время Илиада и Одиссея передавались изустно, безъ письма, то эти́мъ самымъ мы возбуждаемъ сомнѣніе въ твердости текста обѣихъ поэмъ. Ничто не можетъ увѣрить насъ въ томъ, что данный стихъ Гомера дошелъ до насъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ поэтъ первоначально создалъ его. Чѣмъ длиннѣе будетъ въ нашемъ предположеніи промежутокъ времени отъ созданія до записи поэмъ, тѣмъ менѣе мы можемъ быть увѣрены, что читаемъ слова Гомера, а не какого-либо позднѣйшаго рапсо́да. Какъ бы твердо рапсо́ды ни заучивали Гомера, все-таки въ продолженіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ, при заучиваніи и пѣніи стиховъ по памяти, безъ письменныхъ экземпляровъ, неизбежно должны были произойти измѣненія. Эпическія формы рѣчи такъ знакомы и близки рапсо́дамъ, что онѣ легко могли при пѣніи замѣнить случайно забытый стихъ другимъ. Наконецъ, измѣненія могли быть и болѣе значительныя, касаться порядка и частныхъ разсказа. Къ сожалѣнію, необходимо допустить существованіе и основательность такого сомнѣнія: мы только въ такомъ случаѣ могли бы быть увѣрены, что читаемъ пер-

воначальный гомеровский текстъ, если бы могли прослѣдить преданіе этого текста съ дипломатическою точностью. Никакое изящество, никакое высокое достоинство стиховъ само по себѣ не можетъ служить доказательствомъ ихъ полной подлинности; только одни внѣшнія, документальныя доказательства могутъ рѣшить дѣло. А такихъ доказательствъ мы совершенно не въ состояніи представить. Служеніе истины требуетъ отъ насъ важныхъ жертвъ: оно не допускаетъ насъ увлекаться любимыми мыслями и гипотезами; оно требуетъ, чтобы мы разсматривали предметъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Правда, постоянныя ограниченія и обусловливанія, необходимыя въ ученомъ изслѣдованіи, вредятъ общему впечатлѣнію, и потому многіе ученые избѣгаютъ выставлять возраженія противъ своихъ мыслей; но такой пріемъ скрадывать слабыя стороны дѣла и освѣщать особенно ярко благопріятную для предлагаемыхъ мыслей сторону есть пріемъ ораторскій и неприличенъ ученому. Хотя въ моей гомеровской гипотезѣ значительно сокращается время передачи поэмъ безъ записи, но все-таки и мнѣ приходится признать возможность того, что такая устная передача продолжалась лѣтъ сто или полтора. И въ такое время поэмы могли уже подвергнуться значительнымъ измѣненіямъ.

Но съ другой стороны, для того, чтобы доказать позднѣйшее происхожденіе или подложность какого-либо мѣста въ Гомерѣ, точно также совершенно недостаточно однихъ внутреннихъ доводовъ; точно также необходимы доводы внѣшніе, документальныя. Но такихъ внѣшнихъ доводовъ не существуетъ; и, слѣдовательно, доказать подложность какого-нибудь мѣста въ Гомерѣ невозможно. Поэтому-то жестоко ошибаются всѣ тѣ новыя ученые, которые съ увѣренностью утверждаютъ, что то или другое мѣсто Гомера подложно, а такихъ ученыхъ множество. Всѣ внутренніе доводы, представляемые учеными противъ тѣхъ или другихъ мѣстъ Гомера, исходятъ изъ личныхъ воззрѣній и вкусовъ и потому неубѣдительны. Убѣдительныя внутренніе доводы подложности могутъ быть найдены въ самомъ языкѣ сочиненія; но всѣ ученые согласны, что вообще Иліада и Одиссея написаны однимъ и тѣмъ же языкомъ. Правда, многіе ученые старались находить разныя микроскопическія отличія въ языкѣ разныхъ гомеровскихъ мѣстъ, но всѣ такія попытки были неудачны. Итакъ, за до-

водами подложности можетъ быть въ Гомеровскомъ вопросѣ только большая или меньшая вѣроятность. Я разобралъ вопросъ объ одной изъ самыхъ важныхъ и общепринятыхъ «интерполяцій», о концѣ XI кпиги Одиссеи; смѣю думать, что мнѣ удалось доказать неосновательность возраженій древнихъ и новыхъ ученыхъ противъ этого знаменитаго мѣста. А между тѣмъ во всемъ Гомерѣ нѣтъ мѣста, которое бы такъ единогласно считалось всѣми учеными за подложное (если мы не будемъ считать нѣкоторые отдѣльные стихи, не имѣющіе никакой важности). Итакъ, очень вѣроятно, что многое въ текстѣ Гомера дошло до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ; многое, можетъ быть, и вставлено; но что именно, нѣтъ никакой возможности открыть. Попытки возстановить первоначальный видъ гомеровскаго текста или первоначальную форму пѣсень, изъ которыхъ будто бы сложены Илиада и Одиссея, по моему убѣжденію, самую сущностью дѣла осуждены оставаться безплодными. Я постараюсь доказать это въ слѣдующей главѣ. Но если бы поэмы Гомера оставались не записанными до VI вѣка, то, конечно, въ нихъ было бы огромное количество перемѣнъ противъ первоначальнаго текста, — перемѣнъ, которыя оставили бы неизгладимые слѣды въ поэмахъ. Было бы несравненно легче отыскать и отдѣлить позднѣйшее отъ первоначальнаго, такъ какъ и языкъ, и понятія, и вѣрованія, и обстоятельства очень измѣнились въ продолженіе трехсотъ слишкомъ лѣтъ. Между тѣмъ въ настоящее время нѣтъ возможности выдѣлить позднѣйшее. Этимъ опять подтверждается мое убѣжденіе, что произведенія Гомера были записаны сравнительно вскорѣ послѣ ихъ созданія. Въ первый вѣкъ послѣ Гомера рапсоды были такъ близки по языку и понятіямъ своимъ къ поэту, что ихъ измѣненія не могутъ быть замѣтны для насъ.

Обратимся теперь къ разбору внутреннихъ доводовъ противниковъ единства.

IV.

Сторона Гомеровскаго вопроса, составляющая содержаніе нашей послѣдней главы, имѣетъ особенно обширную литературу. Это совершенно естественно. Для того, чтобы изложить взглядъ свой на строеніе Илиады и Одиссеи или даже

какой-нибудь части гомеровскихъ поэмъ, не нужно особенной подготовки. Всякій, кто читаль Гомера, прочитавъ критическія разсужденія Лахманна или Ницпа или какого-нибудь другого ученаго, легко можетъ выразить впечатлѣніе, которое производитъ на него поэма Гомера или извѣстное мѣсто въ Гомерѣ. Оттого въ настоящее время скопилось множество диссертацийъ по Гомеровскому вопросу. Всякое мѣсто въ Гомерѣ обсуждалось съ разныхъ сторонъ и сообразно съ разными вкусами. Понятно, что ученые рѣдко сходятся въ своихъ приговорахъ. Если бы составить списокъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, которыя считаются у разныхъ ученыхъ подложными, то едва ли бы осталось что-нибудь изъ всего Гомера. При этомъ часто является замѣчательная сбивчивость понятій. Съ нѣкотораго времени господствуетъ склонность находить недостатки въ разныхъ мѣстахъ Гомера. Нашедъ какую-нибудь слабую черту—что всегда очень легко (на всѣхъ не угодишь),—ученый тотчасъ заключаетъ, что разсматриваемое имъ мѣсто подложное. Но почему же не можетъ быть ни одного слабого стиха, ни одной слабой черты у Гомера? Другіе поступаютъ еще страннѣе: находятъ въ разныхъ мѣстахъ Гомера совершенныя нелѣпости, бессмыслицы (и нерѣдко въ самыхъ превосходныхъ мѣстахъ), и опять приписываютъ эти мѣста позднѣйшему времени. Но какую же цѣль могли имѣть рапсоды, внося бессмыслицу? Зачѣмъ было рапсодамъ умышленно противорѣчить ближайшимъ мѣстамъ Гомера, какъ это часто выводятъ новые ученые? Между критиками Гомера находятся, однако, замѣчательные ученые, посвятившіе разборъ дѣла основательныя и большія статьи и представившіе доводы, по видимому, вѣскіе. Я разберу существенныя возраженія противъ единства строенія поэмъ и противъ подлинности главнѣйшихъ отдѣльныхъ мѣстъ, а также и болѣе основательно указанныя противорѣчія.

Вопросъ о строеніи Иліады принадлежитъ къ числу наиболѣе спорныхъ въ настоящее время. Древніе не сомнѣвались въ единствѣ Иліады. И они дѣлали нѣкоторыя возраженія (*ἀπορίαι*, *ζητήματα*, *προβλήματα*), но или рѣшали сомнѣнія (*λύσεις*), или просто считали затруднительныя мѣста недостатками и слабыми сторонами Гомера, или, наконецъ, не соглашались съ разрѣшеніями этихъ возраженій. Самый компетентный критикъ изъ всѣхъ древнихъ, Аристотель, какъ извѣстно,

считаетъ Иліаду и Одиссею произведеніями Гомера; изъ другихъ поэмъ онъ приписываетъ Гомеру одного Маргита, а вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ высокую художественность, прекрасно-обдуманнѣйшій планъ и соотвѣтствіе частей въ обихъ поэмъ.

„Въ сравненіи съ другими поэтами Гомеръ является удивительнымъ и въ томъ отношеніи, что онъ не взялся изложить всю войну, хотя война имѣла и начало, и конецъ: тогда бы онъ былъ слишкомъ великъ и необозримъ; или если бы онъ остался умѣренъ по величинѣ, то былъ бы запутанъ въ пестротѣ (описываемыхъ фактовъ). А нынѣ онъ, взявъ одну часть, употребляетъ много эпизодовъ, на примѣръ, каталогъ кораблей и другіе эпизоды, которыми перехватываетъ свою поэмъ. А другіе, напротивъ того, одно событіе и одно время раздробляютъ на части, какъ, на примѣръ, авторъ „Кипрскихъ пѣсенъ“ и „Малой Иліады“. Поэтому изъ содержанія Иліады и Одиссеи составляется по одной трагедіи или только по двѣ, а изъ „Кипрскихъ пѣсенъ“ много, и изъ „Малой Иліады“ болѣе восьми“ (Poetic. гл. 23).

Такъ говоритъ Аристотель, и его мнѣніе, признаюсь, кажется мнѣ болѣе основательнымъ, нежели какое-либо изъ высказанныхъ новыми учеными. Аристотель беретъ широкую, ясную и существенную черту строенія Иліады, черту, тотчасъ поражающую вниманіе всякаго, кто безъ предвзятыхъ идей принимается въ первый разъ за чтеніе Иліады, именно, что поэтъ прямо переноситъ насъ въ десятый годъ войны, что онъ хочетъ изложить только часть войны. Древніе греки, приступая къ слушанію или чтенію Гомера съ общимъ понятіемъ, что поэтъ говоритъ о Троянской войнѣ, обращали, конечно, особенное вниманіе на это отсутствіе описанія первыхъ лѣтъ войны. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ такомъ выборѣ предмета прямо является намѣреніе, планъ поэта: поэтъ хотѣлъ изобразить часть Троянской войны (какъ эта война являлась въ преданіяхъ). Поэту удалось создать художественное, цѣльное произведеніе: Аристотель чувствовалъ единство Иліады. Что поэма, въ ея настоящемъ видѣ, имѣетъ извѣстную связь и послѣдовательность, этого не отрицаютъ и вольфіанцы; они только приписываютъ ее позднѣйшему времени. Итакъ, они должны и доказать свое утвержденіе; если мы опровергнемъ ихъ доводы, то будетъ достигнута и наша задача: мы получимъ право считать Иліаду первоначально единою.

Главное основаніе возраженій противъ единства Иліады заключается въ томъ, что эта поэма занимается не исключительно гнѣвомъ Ахилла, между тѣмъ какъ первый стихъ при-

казываетъ Музѣ пѣть гнѣвъ Ахилла. Зачѣмъ, возражаетъ Готфридъ Германнъ, поэма продолжается и послѣ того, какъ Ахиллъ перестаетъ гнѣваться (*Opuscula*, V, 56 сл.)? Зачѣмъ, повторяютъ многіе ученые, поэтъ такъ долго останавливается въ третьей и слѣдующихъ книгахъ на описаніи сраженій, не имѣющихъ никакого отношенія къ гнѣву Ахилла? На этомъ основаніи уже Гейне и Мюллеръ (*Homerische Vorschule*, 122) выставили предположеніе, что книги II—VII Илиады составляли прежде отдѣльное произведеніе. Дюнцеръ (*Homer und der epische Kyklos*, 59 сл.) развиваетъ подробнѣе эту мысль. Въ первой книгѣ Зевсъ общается Оетидѣ оставляя побѣду за троянами до тѣхъ поръ, пока ахэяне не будутъ умолять Ахилла о помощи и не отдадутъ должной чести Ахиллу. Зевсъ идетъ къ богамъ, которые пируютъ до ночи. Ночью всѣ боги спятъ, но Зевсу не дастъ уснуть забота, какъ ему дать побѣду троянамъ и погубить многихъ ахэянь. Опъ посылаетъ къ Агамемнону пагубный Сонъ, который побуждаетъ царя вооружить ахэянь и общается разрушенію Трои. Агамемнонъ вооружаетъ войско и молится Зевсу, чтобы ему удалось еще сегодня разрушить городъ (II, 412 сл.). Теперь, замѣчаютъ ученые, слѣдовало бы ожидать, что Зевсъ тотчасъ пошлетъ бѣду на ахэянь, и греки, доведенные до крайности, будутъ просить помощи у Ахилла; этого требуетъ единство дѣйствія. вмѣсто того Парисъ предлагаетъ единоборство, Менелай припимаетъ вызовъ, и Агамемнонъ также соглашается. Молитва Агамемнона передъ единоборствомъ (III, 276 сл.) представляеть замѣчательную противоположность съ предшествовавшею молитвою. Гдѣ же тутъ прежній Зевсъ, гдѣ же прежній Агамемнонъ, который надѣется разрушить Трою въ этотъ самый день? Одною выдачей Елены нельзя удовлетворить его. Менелай побѣждаетъ Париса, Агамемнонъ требуетъ Елену и ея сокровища, и Зевсъ, который, кажется, совсѣмъ забылъ о мести Ахилла, предлагаетъ собранію боговъ прекратить войну и утвердить договоръ. Это предложеніе у него совершенно серьезно, что видно изъ всей его рѣчи и особенно изъ того, что поэтъ не дѣлаетъ замѣчанія о притворствѣ рѣчей Зевса. Только съ трудомъ Герфъ удается возобновить войну. Затѣмъ ахэяцы сначала побѣждаютъ, счастливо сражаются въ V и VI книгѣ, а въ VII снова является поединокъ, и послѣ него кончается день, въ который Зевсъ хотѣлъ

причинить бѣду Агамемнону. Наконецъ, въ VIII книгѣ Зевсъ какъ будто просыпается и неожиданно энергически начинаетъ исполнять свое обѣщаніе. «Послѣ этого», заключаетъ Дюнцеръ, «не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что II — VII книги суть самостоятельное произведеніе. Чтобы привести въ порядокъ поэму, вставлены въ эти книги нѣкоторые интерполяціи», а именно: 1) IV, 512 сл.: Аполлонъ говоритъ троянамъ, что Ахиллъ не сражается; 2) V, 786—792: Гера говоритъ грекамъ: «Стыдно, аргійцы! Когда Ахиллъ ходилъ на войну, трояне не выходили передъ Дарданскія ворота, потому что боялись его, а нынѣ сражаются вдали отъ города, при корабляхъ»; 3) VI, 99 сл.: Елень, сынъ Пріама, говоритъ Энею и Гектору: «Мы не боялись такъ и Ахилла» (какъ теперь Діомеда); 4) VII, 113 сл.: Агамемнонъ говоритъ Менелая: «Самъ Ахиллъ боялся встрѣчаться съ Гекторомъ въ битвѣ»; 5) VII, 228 сл.: Эантъ говоритъ Гектору: «Ты теперь узнаешь, какіе у данаевъ витязи и безъ Ахилла. Онъ лежитъ у кораблей, разгнѣвавшись на Агамемнона; но у насъ много такихъ, которые могутъ съ тобой помѣряться». Во всѣхъ этихъ мѣстахъ сохраняется представленіе первой и второй книгъ о томъ, что Ахиллъ не принимаетъ участія въ войнѣ. Дюнцеръ считаетъ всѣ эти мѣста подложными и старается собрать противъ нихъ особыя возраженія, но совершенно неудачно. Такъ, напримѣръ, онъ замѣчаетъ, что нѣкоторые стихи этихъ мѣстъ имѣютъ такъ называемую *διπλή*, особую помѣтку Аристарха. Но Дюнцеръ совсѣмъ не понимаетъ значенія этого знака, если думаетъ, что можно приводить *διπλή* противъ стиха. *Διπλή* просто значить, что стихъ чѣмъ-нибудь замѣчательнень, и множество стиховъ отмѣчены у Аристарха этимъ знакомъ. Стихи, отмѣченные посредствомъ *διπλή*, Аристархъ приводилъ въ доказательство своихъ мнѣній въ разныхъ случаяхъ.

Гротъ высказываетъ о II-й и слѣдующихъ книгахъ Иліады такое же мнѣніе, какъ Гейне и Дюнцеръ о III-й и слѣдующихъ. Гротъ думаетъ, что книги первая, восьмая и отъ одиннадцатой до двадцать второй включительно составляли прежде особую цѣлую поэму, Ахиллеиду, что двадцать третья и двадцать четвертая суть прибавленія и распространенія Ахиллеиды, а что книги отъ второй до седьмой и десятая имѣютъ болѣе общее содержаніе и превращаютъ Ахиллеиду въ Иліаду. Гротъ указы-

ваетъ на тѣ же самыя трудности, на которыя указаль уже Дюнцеръ, и признаеть вмѣстѣ съ нимъ разсказъ о построеніи стѣнъ греками позднѣйшею вставкою, сдѣланною для того, чтобы согласить Иліаду, въ которой нѣтъ греческихъ стѣнъ, съ Ахиллеидою, гдѣ онѣ являются. «Внимательное сличеніе (замѣчаетъ Гротъ) сдѣлаеть яснымъ, что поэтъ, изобразившій споры боговъ въ началѣ IV книги, не позаботился о гармоніи съ Зевсомъ первой и восьмой книги». Г. Леонтьевъ также совершенно принимаетъ это мнѣніе; онъ вообще склоняется на сторону вольфганцевъ и даже упрекаетъ Грота за то, что тотъ мало цѣнитъ изслѣдованія Лахманна.

Особенно вооружается Гротъ противъ связи девятой книги съ поэмою. Онъ говоритъ, что многія мѣста во второй половинѣ поэмы никакъ не могутъ быть согласены съ посольствомъ грековъ къ Ахиллу, описаннымъ въ IX книгѣ. Жалкій страхъ Агамемнона послѣ первой неудачи, описанной въ VIII книгѣ, страхъ, заставляющій его обратиться съ униженными просьбами къ Ахиллу, несогласенъ съ блистательною храбростію Агамемнона въ XI книгѣ. Въ XI книгѣ (ст. 607) Ахиллъ видитъ пораженіе греческаго войска и говоритъ Патроклу: «Теперь, я думаю, ахэяне будутъ стоять у колѣнъ моихъ, умоляя, такъ какъ приходитъ крайняя нужда». Эти слова даютъ понять, что прежде того не было посольства ахэянъ къ Ахиллу. Въ XIII книгѣ (ст. 115) Посидонъ, возбуждая упавшихъ духомъ греческихъ героевъ, говоритъ, что Ахиллу причинена обида, но что поправить дѣло можно, такъ какъ душевное настроеніе хорошихъ людей допускаеть исправленіе. А что скажемъ мы, говоритъ Гротъ, о рѣчахъ Патрокла и Ахилла въ началѣ XVI книги, передъ отправленіемъ Патрокла? Ни Несторъ, когда онъ умоляетъ Патрокла быть посредникомъ между греками и Ахилломъ и когда совѣтуетъ, какъ приступить къ этому дѣлу, ни Патроклъ, когда онъ самымъ ревностнымъ образомъ старается подѣйствовать на душу Ахилла и даже упрекаетъ его въ черствости сердца, не вспоминають о богатомъ вознагражденіи, которое ему предлагали. А самъ Ахиллъ повторяеть указанія на первоначальную причину спора, вспоминаеть обиду, нанесенную ему отнятіемъ Врисиды, и продолжаетъ говорить въ духѣ первой книги. Потомъ, не упоминая ни словомъ о полномъ удовлетвореніи, которое ему предлагали, уступаетъ просьбѣ своего друга. Онъ

говорить: «Если бы Агамемнонъ былъ хорошо расположенъ ко мнѣ, то трояне давно бы наполнили своими трупами рвы». Но изъ IX книги слѣдуетъ, что Агамемнонъ былъ готовъ на всѣ возможныя условія, только бы помириться съ Ахилломъ. Далѣе, въ той же самой рѣчи, Ахиллъ говоритъ Патроклу: «Слушайся моихъ словъ и добудь мнѣ великую почесть и славу отъ всѣхъ грековъ. Пусть они возвратятъ мнѣ дѣву и дадутъ блестящіе подарки». Какъ согласить это съ IX книгою, гдѣ Ахиллъ говоритъ, что онъ не заботится, чествовать ли его греки? Ему уже предлагали Врисиду и богатые дары. Нѣсколько далѣе, въ рѣчи Патрокла мирмидонамъ сказано: «Сражайтесь храбро, мирмидоны, чтобы мы принесли честь Ахиллу, и чтобы Агамемнонъ понялъ, какъ онъ былъ безуменъ, когда хотѣлъ унижить храбрѣйшаго изъ грековъ». Но теперь не было уже нужно давать Агамемнону почувствовать его ошибку: онъ призналъ ее и всѣми средствами старался исправить. Оплакивая смерть Патрокла, Ахиллъ вспоминаетъ о нанесенной ему обидѣ, но не вспоминаетъ о посольствѣ. Агамемнонъ (XIX, 86) въ своей примирительной рѣчи сожалѣетъ о своей ошибкѣ, не говоря о посольствѣ. Цѣль Ахилла и Ѳетиды въ первой книгѣ—та, чтобы греки были унижены и дали Ахиллу удовлетвореніе. Въ книгахъ VIII и IX это желаніе исполняется: греки разбиты и предлагаютъ удовлетвореніе. Чего же еще нужно Ахиллу? Зачѣмъ тянется Илиада далѣе? Вторженіе десятой книги разрушаетъ планъ поэмы. Существуютъ только четыре мѣста, въ которыхъ посольство упоминается; одно въ XVIII книгѣ, которое Аристархъ считалъ подложнымъ, и три въ XIX. Гротъ выражаетъ убѣжденіе, что всѣ четыре мѣста подложны и вставлены съ цѣлью связать Ахиллеиду съ Илиадою. Итакъ, гдѣ посольство не упомянуто, тамъ оно необходимо должно было быть упомянуто, и отсутствіе упоминанія о немъ ученые считаютъ доказательствомъ, что въ первоначальной Ахиллеидѣ посольства не было; а гдѣ посольство упомянуто, тамъ это упоминаніе ученые считаютъ подложнымъ. Такимъ путемъ нетрудно доказать что угодно. Можно объявить, напримѣръ, что въ Илиадѣ не упоминается Идомей. Сначала перечислимъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ такой важный герой долженъ былъ быть упомянутъ (такихъ мѣстъ можно найти множество), и гдѣ его имени нѣтъ; а потомъ всѣ мѣста, гдѣ упоминается Идомей,

объявимъ подложными. Доказательствъ подложности не нужно; по крайней мѣрѣ, ни Дюцерь, ни Гротъ, ни прочіе ученые не представляютъ никакихъ доказательствъ въ разобранномъ случаѣ.

Все содержаніе Иліады, по требованію ученыхъ, должно прямо относиться ко гнѣву Ахилла, потому что въ первомъ стихѣ такъ обѣщано. И дѣйствительно, планъ поэмы до такой степени художественъ и строго обдуманъ, что она вполне удовлетворяетъ даже и такому требованію. Общій ходъ поэмы представляетъ непрерывную связь и послѣдовательность. Во второй и слѣдующихъ книгахъ греки испытываютъ свое счастье безъ Ахилла, и было бы очень странно и непоэтично, если бы поэтъ заставилъ всѣхъ греческихъ героевъ бѣжать почти безъ боя предъ лицомъ Гектора, какъ только Ахиллъ оставилъ ихъ. Тогда поэтъ жестоко унизилъ бы всѣхъ героевъ Еллады и Аргоса; тогда въ нихъ не было бы никакого интереса; это были бы ничтожные люди, и стало бы непонятно, какъ Ахиллъ подчинился требованію Агамемнона и допустилъ отнять дѣву. Ахиллъ не могъ бы уважать героевъ ахэйскихъ, и почестъ отъ нихъ не могла бы имѣть въ его глазахъ никакого значенія. Но Гомеръ представляетъ греческихъ богатырей настоящими богатырями, прославляетъ ихъ подвиги и показываетъ, что только воля Зевса могла доставить побѣду троянамъ. Для такой цѣли совершенно необходимы вторая и слѣдующія книги (до VIII). Въ этихъ книгахъ постоянно указывается на положеніе грековъ и на то обстоятельство, что Ахиллъ не участвуетъ въ битвахъ; о возраженіяхъ Дюцера противъ подлинности этихъ указаній и говоритъ не стоить, такъ какъ онъ не приводитъ доказательствъ. Сами возражатели обращаютъ вниманіе на поведеніе Зевса въ IV книгѣ, какъ на главнѣйшій свой доводъ. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, тутъ нѣтъ ни малѣйшаго затрудненія: Дюцерь указываетъ на то, что Агамемнонъ соглашается рѣшить дѣло единоборствомъ и въ молитвѣ не проситъ болѣе о разрушеніи Трои въ этотъ самый день. Но развѣ не постоянно оказывается на войнѣ, что воюющіе готовы принять условія, на которыя они прежде не соглашались? Развѣ не постоянно приходится отказываться отъ блестящихъ надеждъ? Поэтъ прямо замѣчаетъ, что Зевсъ не утвердилъ своимъ рѣшеніемъ просьбы Агамемнона (III, 302); какъ же послѣ этого Дю-

дѣрь можетъ спрашивать: прежній ли это Зевсъ? Послѣ бѣгства Париса и требованія Агамемнона выдать, по условію, Елену, Зевсъ на совѣтѣ боговъ принялся раздражать Геру насмѣшливыми словами, говоря какъ бы не къ ней; «Двѣ у Менелая помощницы-богини, Гера и Аѳина; но онѣ сидятъ поодаль и любуются зрѣлищемъ его борьбы съ Парисомъ, а съ нимъ всегда Афродита, отводитъ отъ него гибель и теперь спасла его отъ явной смерти. Но побѣда все-таки за Менелаемъ; итакъ, разсудимъ, какъ пойдутъ эти дѣла: подыдемъ ли мы снова войну, или помиримъ враждующія стороны. Не будетъ ли всѣмъ любезно и пріятно, если городъ Пріама останется цѣль, а Менелай возьметъ Елену?» Зевсъ очень хорошо знаетъ, что его слова задѣнутъ Геру за живое, что она сочтетъ такое, повидимому, мирное и умѣренное предложеніе за злую насмѣшку надъ ея стараніями разрушить Трою. Поэтъ такъ и представляетъ дѣло: Зевсъ хочетъ подшутить надъ своею ревнивою и сварливою сунругой. Какъ же могъ Дюнцеръ сказать: «Зевсъ совершенно серьезно предлагаетъ миръ, что видно изъ всей рѣчи и изъ того, что если бы рѣчь Зевса была притворная, то поэтъ непременно указалъ бы на это?». Поэтъ именно говоритъ, что Зевсъ шутилъ, дразнилъ Геру (*αὐτίκ' ἐπειρᾶτο Κρονίδης ἐρεθίζεμεν Ἥρην κερτομοῖς ἐπέεσσιν, παραβλήδην ἀγορεύων*). Ясно же ничего и быть не можетъ. Далѣе Гера отвѣчаетъ въ гнѣвъ, что Зевсъ хочетъ сдѣлать всѣ ея труды и старанія тщетными, и выражаетъ свое желаніе погубить Трою. Это постоянное враждебное желаніе погубить Трою раздражаетъ Зевса. Онъ самъ разгорячается и говоритъ: «За что ты такъ ненавидишь Пріама и троянъ? Ты, кажется, съѣла бы ихъ живыми. Дѣлай, какъ знаешь, изъ-за этого у насъ не будетъ ссоры. Но вотъ что я тебѣ скажу, и ты помни это: если я захочу разрушить какой-нибудь твой любимый городъ, ты не должна мнѣ противиться. Я уступаю тебѣ теперь противъ моего желанія, потому что люблю Трою». Гера успокоиваетъ его своею готовностью пожертвовать любимыми своими городами и замѣчаніемъ о его могуществѣ: «Если бы я и стала тогда мѣшать тебѣ разрушить, я не въ силахъ была бы провести свое желаніе, потому что ты гораздо сильнѣе... Прикажи Аѳинѣ», заключаетъ она, «постараться, чтобы трояне нарушили договоръ». Зевсъ безъ всякихъ возраженій тотчасъ приказываетъ Аѳинѣ исполнить

это. Смыслъ всего этого мѣста совершенно ясенъ: Зевсъ нисколько не забываетъ обѣщанія, которое онъ далъ Ѡетидѣ. Онъ вовсе не стоитъ за свое предложеніе, которое и не было серьезно; онъ сердится только на Геру за ея ненависть къ троянамъ. Разговоръ Зевса и Геры ведеть съ такимъ высокимъ искусствомъ, которое свойственно лишь немногимъ поэтическимъ произведеніямъ: Зевсъ говоритъ и дѣйствуетъ именно такъ, какъ мы можемъ ожидать отъ его характера, извѣстнаго намъ изъ Гомера.

Беумлейнъ прекрасно возражаетъ противъ Грота (Philologus, XI, 405 сл.):

„Выставляютъ, какъ несомнѣнное требованіе искусства, чтобы Зевсъ или поэтъ тотчасъ же, со второй пѣсни, приступилъ къ исполненію обѣщанія Зевса Ѡетидѣ. Пусть позволяютъ намъ съ тою же откровенностью, съ какою Гротъ судить о неумѣннн (не Гомера, но) позднѣйшаго компилятора,—судить объ этой реставраціи прежняго вида поэмы. По нашимъ эстетическимъ понятіямъ, мы никакъ не можемъ не назвать эту попытку совершенно неудачною. Искусство именно требуетъ препятствій, отступленій, случаевъ. Эти отступленія находятся и въ тѣхъ пѣсняхъ, которыя Гротъ относитъ къ своей Ахиллеидѣ. Ахиллеида, въ которой храбрость остальныхъ греческихъ героевъ совершенно уничтожалась, едва ли могла бы стать національнымъ эпосомъ грековъ. Гротъ, конечно, правъ, что книги отъ второй до седьмой служатъ къ тому, чтобы изобразить войну вообще. Но что даетъ намъ основаніе предположить, что таково изображеніе не было въ намѣреніи поэта?“

Разсмотримъ теперь тѣ мѣста второй части Иліады, которыя, по мнѣнію Грота, доказываютъ, что посольства грековъ къ Ахиллу не было въ первоначальной Ахиллеидѣ. 1) Въ одиннадцатой книгѣ слова Ахилла должно понимать такъ: «Теперь-то придуть ко мнѣ ахэйцы просить». Это ясно съ перваго взгляда и не представляетъ никакого затрудненія. Уже Ницшъ указалъ, что именно такъ должно ихъ объяснять. Къ сожалѣнію, Ницшъ далъ оружіе въ руки своимъ противникамъ тѣмъ, что очень часто возвращается къ этому «вѣ», теперь-то, въ изложеніи содержанія и хода Иліады. Желая доказать, что гнѣвъ Ахилла составляетъ истинное содержаніе Иліады, и что вся поэма построена на этомъ страстномъ увлеченіи Ахилла и на ужасныхъ слѣдствіяхъ, послужившихъ наказаніемъ самому Ахиллу, — мысль совершенно вѣрная, — Ницшъ заходитъ въ своей ревности слишкомъ далеко. Онъ именно напираетъ на свои объясненія тѣхъ самыхъ мѣстъ, въ которыхъ противники единства видятъ противорѣчія общему

плану поэмы и часто повторяетъ свои объясненія. Отъ этого Кёхли (Köchly, De Iliadis carminibus dissertatio III. Turici 1857, 6 сл.) могъ сказать:

„Тѣ слова или мысли Гомера, на которыхъ Ницшъ особенно настаиваетъ, или существуютъ въ одномъ воображеніи Ницша, или очень рѣдко и мимоходомъ упоминаются у Гомера. Чѣмъ рѣже и темпѣ какая-нибудь главная мысль Ницша встрѣчается у Гомера, чѣмъ насильственнѣе и труднѣе онъ выжимается изъ мѣсть Гомера или вносится туда, тѣмъ подробнѣе Ницшъ излагаетъ ее, тѣмъ чаще повторяетъ и украшаетъ ее, помня правило: *repetitio est mater studiorum*“.

Кёхли приводитъ нѣсколько примѣровъ дѣйствительно большой неловкости Ницша. Къ числу такихъ повторяемыхъ Ницшемъ скользкихъ мѣсть относится и это *уѵ*, *jetzt recht, das betonte jetzt*. Тѣмъ не менѣе мысль Ницша совершенно справедлива. Древніе не находили ни малѣйшаго затрудненія въ этихъ словахъ Ахилла. Въ схоліяхъ на Илиаду отмѣчаются всякія, даже ничтожныя затрудненія (*ἀπορίαι*), которыя были возбуждаемы въ древнее время; это мѣсто, которое кажется Гроту и другимъ несогласнымъ съ IX книгою, не возбудило вопроса въ древности. Въ самомъ дѣлѣ, Ахиллъ страдаетъ отъ своего бездѣйствія (*ποθέσθε δ' ἀϊτήν τε πτόλεμόν τε*, II, I, 492). Онъ хочетъ, чтобы Агамемнонъ былъ жестоко наказанъ за свою дерзость, но жалѣетъ грековъ и съ участіемъ смотритъ на битву. Видя пораженіе грековъ, онъ естественно ждетъ новыхъ просьбъ. Онъ послалъ Патрокла не съ тѣмъ, конечно, чтобы узнать, раненъ ли Махаонъ, по вообще узнать о положеніи дѣлъ; а рана Махаона служить только предлогомъ. 2) Рѣчь Посидона въ XIII книгѣ также, мнѣ кажется, невѣрно понята Гротомъ. Дѣло идетъ (въ словахъ *ἀλλ' ἀχεώμεθα* и пр.) вовсе не объ удовлетвореніи Ахилла, а о томъ, чтобы ахѣйцы снова вооружились мужествомъ. Посидонъ стыдитъ ахѣйцевъ ихъ бѣгствомъ, указываетъ на то, какое поношеніе, что трояне дошли уже до кораблей, тѣ самые трояне, которые прежде боялись выступить противъ ахѣйцевъ. Далѣе Посидонъ говоритъ: «Хоть и правда, что герой Атридъ виноватъ, потому что не почтилъ Ахилла, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы могли бросить войну. Но скорѣе поправимъ дѣло: духъ витязей поправимъ» (то-есть, онъ можетъ быть возстановленъ). Тутъ Посидонъ, очевидно, говоритъ о возбужденіи мужества, а не о томъ, чтобы помириться съ Ахилломъ. Въ схоліяхъ и то и другое объясненіе поставлены рядомъ, а

Гротъ какъ бы и не подозрѣваетъ возможности нашего объясненія, которое, однако, гораздо болѣе согласно со смысломъ всей рѣчи Посидона. 3 и 4) Внутренняя борьба Ахилла, изображенная съ такимъ высокимъ искусствомъ въ XVI книгѣ, къ сожалѣнію, совсѣмъ не понята болшею частью новыхъ ученыхъ. Между тѣмъ древніе понимали красоту этого мѣста и наслаждались ею; для нихъ не существовало затрудненій, представляющихся черезчуръ тонкому чувству повѣйшихъ эстетическихъ критиковъ. Ахиллъ спрашиваетъ плачущаго Патрокла, который только что воротился къ нему изъ лагеря ахейцевъ: «Что ты плачешь, Патрокль, какъ маленькая дѣвочка, которая бѣжитъ за матерью и просится на руки, схватившись за платье, задерживаетъ мать, когда та торопится, и со слезами на глазахъ смотритъ на нее, пока та не возьметъ ея съ собою? Возвѣщаешь ли ты что-нибудь мирмидопянамъ или мнѣ самому? Можетъ быть, ты одинъ услышалъ какую-нибудь вѣсть изъ Фоиі? Говорятъ, еще живъ Менитій, сынъ Актора, и живъ Эакидъ Пилей въ землѣ мирмидонской, которыхъ обоихъ смерть опечалила бы насъ особенно. Или ты оплакиваешь ахейцевъ, которые погибаютъ на корабляхъ за свое преступленіе?» Замѣчательно, что нашлись знаменитые ученые (G. Hermann, *Opuscula*, V, 61), которые и въ этой рѣчи находятъ нелѣпости (!). Но на такія возраженія едва ли нужно отвѣчать. Патрокль упрашиваетъ Ахилла помочь. Между прочимъ онъ говоритъ: «Пусть никогда такой гнѣвъ, какой ты сохраняешь, не возьметъ меня. Безжалостный, тебѣ отецъ не всадникъ Пилей, и мать не Фетида, но родили тебя море да скалы». Упреки Патрокла были бы неумѣстны, если бы Агамемнонь не предлагалъ уже удовлетворенія, если бы греки не посылали уже своихъ лучшихъ героевъ умолять Ахилла. Тогда Ахиллъ имѣлъ бы въ глазахъ всѣхъ безпристрастныхъ людей того времени, и тѣмъ болѣе въ глазахъ Патрокла, полное право предоставить грековъ ихъ судьбѣ. Ему, величайшему изъ витязей, оказавшему такія огромныя услуги войску, нанесли грубое оскорбленіе, насмѣялись надъ нимъ. Если бы до сихъ поръ греки не просили его помощи и прощенія, то его озлобленіе достигло бы высшихъ размѣровъ: отъ него можно было бы ожидать нападенія на ахейцевъ и союза съ троянами, точно такъ же, какъ Эантъ, оскорбленный рѣшеніемъ войска въ спорѣ объ оружіи Ахилла, хотѣлъ напасть ночью

на ахэйцевъ. Эантъ былъ гораздо менѣ оскорбленъ, чѣмъ Ахиллъ. Какое право имѣлъ бы Патрокль называть Ахилла неумолимымъ, если бы раньше того никто не умолялъ Ахилла? Если принять гипотезу Грота, то эта рѣчь Патрокля будетъ первою обращенною къ Ахиллу просьбою помочь грекамъ. Какимъ же образомъ возможно, чтобы Патрокль, другъ Ахилла, обращаясь къ нему въ первый разъ съ просьбою простить грубое оскорбленіе и спасти оскорбителей, сталъ называть его безжалостнымъ, сыномъ моря и скаль? Вотъ это такъ, дѣйствительно, было бы пелѣпо. Между тѣмъ теперь, послѣ IX книги, рѣчь Патрокля совершенно умѣстна и понятна. Зачѣмъ, спрашиваютъ, Патрокль не упомянулъ о посольствѣ грековъ? Но не намъ предписывать поэту, какъ онъ долженъ изложить рѣчь умоляющаго друга. Упреки въ жестокости и неумолимости прямо указываютъ на мольбы IX книги. Патрокль просится у Ахилла въ битву, на помощь грекамъ, просить отпустить съ нимъ мирмидонянъ и дать ему свое вооруженіе. Отвѣтъ Ахилла опять-таки вполне согласенъ съ положеніемъ, созданнымъ сценами IX книги, и будетъ непонятенъ безъ IX книги. Ахиллъ вспоминаетъ объ обидѣ; это вполне естественно; онъ не вспоминаетъ о посольствѣ: напоминаніе о мольбахъ ахэйцевъ могло бы служить противъ Ахилла, и не его дѣло говорить о нихъ. Такъ какъ онъ въ IX книгѣ не принялъ удовлетворенія и не счелъ обиду заглаженною, то и въ XVI можетъ говорить объ обидѣ. Но на самомъ дѣлѣ мольбы ахэйцевъ произвели на него впечатлѣніе; онъ говоритъ теперь противъ Агамемнона далеко не такъ рѣзко, какъ прежде: онъ говоритъ, что у него не было въ мысляхъ вѣчно гнѣваться. «Я сказалъ (ἦτοι ἔφη) γε), что не прежде перестану гнѣваться, какъ если бой дойдетъ до моихъ кораблей», замѣчаетъ онъ. Въ XI книгѣ (ст. 650 сл.) онъ именно говоритъ это самое, въ заключеніе переговоровъ съ послами. Мы имѣемъ полное право въ словѣ ἔφη, сказалъ, видѣть отношеніе къ послѣднимъ словамъ Ахилла Эанту въ IX книгѣ. Но, конечно, можно объяснять это слово и иначе. Въ схоліяхъ оно объясняется, какъ δὲ μὴ ἴδῃ, я предположилъ. Гейне, Гротъ и прочіе ученые принимаютъ это объясненіе. Ницшъ опять довольно неловко настаиваетъ на этомъ словѣ (въ смыслѣ «сказалъ»), хотя значеніе его оспаривается. Но и безъ того XVI книга тѣсно связана съ IX-й. Ахиллъ отпускаетъ Патрокля со

своимъ вооруженіемъ и войскомъ и даже торопитъ его, когда видятъ, что корабли уже зажжены. Изъ этого мы ясно видимъ, что Ахиллъ глубоко сочувствовалъ грекамъ, несмотря на обиду, и что удовлетвореніе, предложенное ему, и просьбы героевъ смягчили его. Онъ не послалъ бы Патрокла и допустилъ бы троянъ сжечь корабли грековъ, если бы не было посольства IX книги. Сколько разъ Ираклъ впадалъ въ бѣшенство за малѣйшую обиду и избивалъ прежнихъ своихъ друзей? Повторяемъ, по понятіямъ того времени, Ахиллъ былъ бы правъ, если бы не помогъ грекамъ, не получивъ удовлетворенія за обиду. Патроклъ не смѣлъ бы и говорить ему о помощи грекамъ. Ахиллъ просилъ у Зевса чрезъ Оетиду, «чтобы ахэйцы были загнаны троянами до кораблей и до моря, убиваемые» (I, 409 сл.). Но посольство измѣнило все дѣло. Изъ упрямства Ахиллъ не хочетъ помириться, но тайнѣ чувствуетъ, что онъ теперь неправъ, что не можетъ быть лучшаго и болѣе блестящаго удовлетворенія, чѣмъ то, которое ему уже предлагали. Онъ уже готовъ помириться; онъ уже сказалъ: «У меня не было въ мысляхъ вѣчно гнѣваться» (ст. 60 сл.). Онъ требуетъ отъ Патрокла, чтобы тотъ добился отъ грековъ возвращенія дѣвы и кромѣ того богатыхъ даровъ, чтобы не даромъ была помощь мирмидонянъ. Само собою разумѣется, что если бы Патроклъ остался живъ, отбивъ троянъ, то съ нимъ въ лагерь Ахилла пришли бы и герои грековъ съ благодарностью и дарами Ахиллу, и миръ былъ бы заключенъ. Миръ уже рѣшенъ въ мысляхъ Ахилла, хотя онъ продолжаетъ еще сердитыя выходки противъ Агамемнона и грековъ (какъ, напримѣръ, въ ст. 77) 5). Рѣчь Патрокла къ мирмидонянамъ рѣшительно ничего не доказываетъ противъ IX книги. Вспомнить объ обидѣ можно было бы и послѣ окончательнаго мира. 6) Въ горѣ о смерти Патрокла и Ахиллъ и Агамемнонъ очень естественно вспоминаютъ о первой причинѣ бѣды, о ссорѣ. 7) Несправедливо, говоритъ Гротъ, что цѣль Ахилла уже достигнута пораженіемъ VIII книги, и что просьба Оетиды исполнена этимъ пораженіемъ. Ахиллъ просилъ, чтобы ахэйцы были загнаны до кораблей и до моря, и чтобы они были убиваемы при корабляхъ, а этого не случилось въ битвѣ VIII книги. Нечего удивляться упорству Ахилла въ IX книгѣ. Этимъ вполнѣ рисуется его характеръ. Онъ самъ себя раздражаетъ рѣчью.

и сыплеть рѣзкія увѣренія, что никогда и ничто въ мірѣ не заставитъ его помириться съ Агамемнономъ. Наконецъ, онъ увлекается до того, что говоритъ: «Завтра же я отплываю изъ-подъ Трои домой! Фениксъ, останься ночевать у меня; ты поѣдешь со мною!» Трогательная рѣчь Феникса производитъ на него впечатлѣніе. Ахиллъ говоритъ: «Не смущай меня своими жалобами и горемъ. Ты не долженъ любить Агамемнона, моего врага. Останься со мной. Завтра мы подумаемъ, плыть ли намъ домой, или оставаться». Очевидно, что угроза ѣхать домой вырвалась у Ахилла въ минуту увлеченія. Короткая и безыскусственная рѣчь Эанта еще болѣе затрогиваетъ Ахилла. Эантъ говоритъ: «Пойдемъ, Одиссей, передадимъ данаямъ, какъ можно скорѣе, отвѣтъ его; они ждутъ теперь. У Ахилла дикій духъ въ груди; онъ не обращаетъ вниманія на товарищескую дружбу и позабылъ, какъ мы его чтили больше всѣхъ. Другой и за убитаго брата или сына принимаетъ возмездіе и мирится, а онъ безжалостенъ. Тебѣ боги вложили въ грудь непреклонный и злой духъ изъ-за одной дѣвы; а мы теперь даемъ тебѣ семь самыхъ лучшихъ дѣвъ и кромѣ того многое другое. Умилостивься, устыдись дома своего. Мы, послы отъ всѣхъ данаевъ, находимся подъ твоею кровлею, мы, твои самые близкіе и любимые друзья изъ всѣхъ ахейцевъ». Обращеніе къ чувству дружбы и товарищества должно было всего сильнѣе подѣйствовать на Ахилла. Ахиллъ отвѣчаетъ: «Эантъ, ты сказалъ мнѣ все по душѣ, но сердце у меня расширяется отъ гнѣва, когда я вспомню, что сдѣлалъ со мной Атридъ. Но ступайте и скажите данаямъ: не прежде я позабочусь о войнѣ, какъ Гекторъ, убивая аргосцевъ, дойдетъ до палатокъ и кораблей мирмидонскихъ и сожжетъ корабли. А у моей палатки и моего корабля, я думаю, Гекторъ остановится, хоть и будетъ разгоряченъ битвою». Итакъ, Ахиллъ уже общаетъ остаться подъ Троей. А что онъ вовсе не такъ равнодушно смотритъ на возможность сожженія греческихъ кораблей, видно изъ XVI книги. Стало бытъ, ученые напрасно настаиваютъ на его угрозахъ и неумоимости въ IX книгѣ; напрасно ищутъ они послѣдовательности въ словахъ и дѣлахъ раздраженнаго человѣка, который къ тому же самъ поджигаетъ себя пылкою рѣчью.

Гротъ утверждаетъ, что неумоимость Ахилла въ IX книгѣ преувеличена и противна греческому чувству Немесиды (воз-

мездія); но посмотримъ, какіе результаты слѣдуютъ изъ этой гипотезы. Гротъ говоритъ, что IX книга вставлена послѣ. Но, конечно, и онъ относитъ IX книгу къ древнему времени и считаетъ ее прекрасною. Невозможно, мнѣ кажется, не видѣть необыкновенныхъ поэтическихъ достоинствъ этой книги. Но если она сочинена въ то же древнее время, или, положимъ, нѣсколько позднѣе Ахиллеиды, все-таки она относится ко времени процвѣтанія древней эпической поэзіи еллиновъ и есть одна изъ драгоценнѣйшихъ жемчужинъ, донныя сохранившихся изъ этой начальной эпохи европейской цивилизаціи. Какую же разницу въ нравственномъ вопросѣ, поднятомъ Гротомъ, составить то, что мы признаемъ «Посольство къ Ахиллу» особою маленькою поэмой, а не составною частью Ахиллеиды? Развѣ отъ этого одного упорство Ахилла перестанетъ быть противнымъ чувству Немесиды? Если авторъ «Посольства къ Ахиллу», этотъ великій поэтъ, какимъ мы непременно должны признать его, не сознавалъ никакого оскорбленія Немесиды въ упрямствѣ Ахилла, то почему же авторъ Илиады долженъ былъ сознавать такое оскорбленіе? Но кромѣ того, Немесида именно разгнѣвана такимъ упорствомъ Ахилла, такою непримиримостью, и паводитъ на Ахилла страшную бѣду; онъ лишается своего друга. Между тѣмъ если мы исключимъ IX книгу, то не видимъ, за что же боги такъ жестоко наказываютъ Ахилла, который и безъ того былъ обиженъ Агамемпономъ, не получилъ никакого удовлетворенія и, несмотря на то, послалъ, безъ всякой просьбы со стороны грековъ, въ помощь имъ свое войско, своего друга, свое оружіе, коней и возницу. Такое необыкновенное смиреніе и самоотверженіе Ахилла совершенно противорѣчили бы его гнѣву въ I книгѣ. Далѣе, Гротъ, Дюнперъ и Кёхли, конечно, предполагаютъ, что авторы Илиады пользовались матеріаломъ народныхъ пѣсней (если это не сами народныя пѣсни). Какъ же думаютъ они о матеріалѣ IX книги? Было ли въ народныхъ греческихъ пѣсняхъ что-нибудь о посольствѣ къ разгнѣванному Ахиллу? А если было, то какимъ образомъ могутъ они утверждать, что посольство къ Ахиллу не могло входить въ составъ Ахиллеиды? Мнѣ кажется, что этими соображеніями совершенно опровергается гипотеза Грота о первоначальной Ахиллеидѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ падаютъ и всѣ его возраженія противъ единства Илиады.

Послѣднія двѣ книги Иліады, изображающія погребеніе Патрокла и погребеніе Гектора, нисколько не нарушаютъ единства поэмы. Никто не можетъ предписывать поэту, па какомъ пунктѣ должно остановиться его произведеніе. Всѣ возгласы о неумѣстности этихъ двухъ книгъ въ поэмѣ о гнѣвѣ Ахилла не могутъ привести ни къ чему; они могутъ только свидѣтельствовать о разности вкусовъ поэта и его эстетическихъ критиковъ. Притомъ одни критики считаютъ обѣ книги неумѣстными приставками, а другіе, напротивъ того, прекрасными и необходимыми частями поэмы. Шиллеръ, котораго, конечно, должно считать болѣе компетентнымъ судьей въ дѣлѣ построения поэмъ, чѣмъ Лахманнъ, сказалъ однажды: «Если бы мы жили только для того, чтобы прочесть двадцать третью пѣснь Иліады, то мы могли бы не жаловаться на свою судьбу» (Lehrs, Aristarch. 433). Было бы странно, если бы поэтъ оставилъ не погребеннымъ трупъ Патрокла, а трупъ Гектора брошеннымъ въ лагерь Ахилла.

Обратимся теперь къ частностямъ, къ разбору тѣхъ противорѣчій и несообразностей, которыя указываются новыми учеными въ Иліадѣ. Такихъ указанныхъ противорѣчій множество; но изъ числа ихъ дѣйствительными противорѣчіями могутъ быть названы очень немногія, незамѣтныя въ массѣ стиховъ поэмы, а огромное большинство противорѣчій и несообразностей, приписываемыхъ Гомеру, существуетъ только въ воображеніи нѣмецкихъ ученыхъ.

Въ первой книгѣ Лахманнъ видитъ одну пѣснь и два ея продолженія. Первое продолженіе есть рассказъ о томъ, какъ Одиссей отвезъ Хрисиду домой, а второе — рассказъ о пребываніи Ѳетиды у Ахилла и на Олимпѣ. Все это построеніе основывается на томъ, что слова *ἐκ τοῦ*, съ тѣхъ поръ, въ 193-мъ стихѣ, не имѣютъ будто бы никакого отношенія къ предыдущему рассказу. Отпустивъ Врисиду съ глашатаями Агамемнона, Ахиллъ идетъ къ морю и вызываетъ свою мать. Ѳетида является, Ахиллъ рассказываетъ ей обиду, нанесенную ему Агамемнономъ, и проситъ вымолить у Зевса пораженіе грековъ. Ѳетида отвѣчаетъ между прочимъ: «Зевсъ вчера ушелъ къ эоіонамъ, и всѣ боги послѣдовали за нимъ; на двѣнадцатый день онъ снова придетъ на Олимпъ, и тогда я буду просить его». Они расстались. Между тѣмъ Одиссей привезъ Хрисиду въ Хрису, ночевалъ тамъ и вернулся до-

мой. А Ахиллъ гнѣвался, сидя у кораблей, и не ходилъ ни въ собраніе (ст. 490), ни на войну. «Но когда съ тѣхъ поръ наступила двѣнадцатая заря (ст. 493), прибыли на Олимпъ всѣ боги и Зевсъ». Какое же можетъ быть сомнѣніе въ томъ, съ какихъ поръ надобно считать двѣнадцатый день, и къ чему относится ѣхъ тою? Къ тому событію, безъ котораго не было бы и самой Иліады, къ ссорѣ Ахилла съ Агамемнономъ. Какой слушатель могъ не понять Гомера? Нѣмецкіе ученые восторгаются тѣмъ, что Лахманнъ первый открылъ противорѣчіе, котораго не чувствовали древніе. Потому-то и не чувствовали его древніе, что никакого противорѣчія тутъ нѣтъ. Лахманнъ заключаетъ: «Одиссей почевалъ въ Хрисѣ, а въ 490-мъ и слѣдующихъ стихахъ указывается на нѣсколько дней, слѣдовательно, боги приходятъ на Олимпъ не ранѣе какъ на 14-й или 15-й день». Но «съ тѣхъ поръ» относится не ко дню возвращенія Одиссея изъ Хрисы, а къ тому дню, когда начался гнѣвъ Ахилла: указаніе на гнѣвъ Ахилла помѣщается между рассказомъ о возвращеніи Одиссея и словами о прибытіи боговъ, такъ что вниманіе слушателей и читателей снова приковывается къ исходной точкѣ разсказа, къ гнѣву Ахилла. Что же касается до «нѣсколькихъ дней», заключающихся въ общихъ выраженіяхъ объ удаленіи Ахилла отъ грековъ, то какъ могъ Лахманнъ не понять, что эти «нѣсколько дней» (удаленіе отъ собранія и войны) и считаются въ числѣ дней, прошедшихъ до возвращенія боговъ на Олимпъ? Съ какого же дня изъ этихъ «нѣсколькихъ» Лахманнъ прикажетъ считать? Развѣ отъ такихъ общихъ опредѣленій можно вести счетъ? Слѣдовательно, надобно сначала отсчитать дня три на удаленіе Ахилла отъ собранія и войны, а потомъ съ послѣдняго дня этого удаленія, какъ будто бы оно кончилось, отсчитать еще до двѣнадцатаго дня? И подобныя остроумныя изслѣдованія (которыя въ похвалу зовутся микроскопическими) пользуются до сихъ поръ величайшимъ уваженіемъ!

Въ первой книгѣ существуетъ одно дѣйствительное противорѣчіе, указанное и древними, хотя весьма неважное. Въ разсказѣ о ссорѣ Ахилла съ Агамемнономъ является Аѣина, посланная Герою, удерживаетъ Ахилла, который хотѣлъ было убить Агамемнона, и возвращается на Олимпъ, въ домъ Зевса, къ прочимъ богамъ (ст. 222). А въ тотъ же день, какъ мы видѣли, Ѳетида разсказываетъ Ахиллу, что всѣ

боги еще вчера ушли въ Эѳіопію. Противорѣчіе не въ томъ, что Гера могла увидѣть ссору Ахилла съ Агамемнономъ изъ Эѳіопіи, или что Аѳина явилась оттуда полъ Трою (такъ какъ разстояніе почти не существуетъ для гомеровскихъ боговъ), а въ томъ, что Аѳина не могла теперь найти боговъ на Олимпѣ. Однако надобно принять въ соображеніе, что Олимпъ есть жилище боговъ, и слова «къ прочимъ богамъ» даютъ намъ общее указаніе на обыкновенное мѣстопребываніе боговъ. Но признаемъ, что тутъ есть противорѣчіе; изъ этого, однако, никакъ не слѣдуетъ, чтобы одинъ поэтъ не могъ сочинить тотъ и другой стихъ. Подобныя противорѣчія встрѣчаются и у другихъ поэтовъ. Примѣровъ можно представить много: достаточно будетъ трехъ совершенно ясныхъ и не допускающихъ никакихъ возраженій и объясненій. Гике (Hiecke, Ueber die Einheit des ersten Gesanges der Ilias, Greifswald 1857, Programm), опровергая мнѣніе Лахманна о первой книгѣ Илиады, приводитъ примѣръ противорѣчія изъ «Донъ Карлоса» Шиллера. Вся катастрофа дѣйствія въ «Донъ Карлосѣ» выходитъ изъ того, что принцъ говоритъ Эболи о своей любви къ королевѣ. Первое свиданіе Эболи съ Карломъ, по ея письменному приглашенію, было возможно только потому, что Карлъ не знаетъ руки королевы, какъ онъ самъ говоритъ (актъ II, сцена 4):

Noch hab' ich nichts von ihrer Hand gelesen ¹⁾.

А между тѣмъ Поэтъ Карлъ говоритъ потомъ о письмѣ королевы къ нему, посланномъ въ Алкалу еще давно, во время его болѣзни (актъ IV, сцена 5):

Gieb mir die Briefe doch noch einmal. Einer
Von ihr ist auch darunter, den sie damals,
Als ich so tödtlich krank gelegen, nach
Alcala mir geschrieben. Stets hab' ich
Auf meinem Herzen ihn getragen ²⁾.

Это противорѣчіе гораздо сильнѣе, чѣмъ гомеровское въ первой книгѣ. Еще болѣе рѣзкій примѣръ противорѣчія можно найти въ одномъ изъ сочиненій извѣстнаго американскаго писателя Эдгара По, именно въ «Приключеніяхъ Артура Гордона Пима» (часть этого фантастическаго разсказа была пе-

¹⁾ То-есть: Я никогда не читалъ ничего писаннаго ея рукою.

²⁾ То-есть: Дай мнѣ еще разъ взглянуть на письма. Между ними есть одно, которое она мнѣ написала въ Алкалу, когда я тамъ лежалъ больной при смерти. Я его всегда носилъ на сердцѣ.

реведена на русскій языкъ). Герой разсказа, Артуръ Пимъ, былъ спрятанъ въ трюмъ корабля между грузомъ и умираль тамъ отъ жажды, потому что его другъ Августъ, который одинъ зналъ, что Пимъ на кораблѣ, не могъ сойти къ нему. Наконецъ, Августъ нашелъ возможность сойти въ трюмъ; онъ боялся, что Пимъ уже умеръ. Когда Пимъ не откликнулся на первый зовъ Августа, этотъ послѣдній хотѣлъ было уйти. «Много лѣтъ прошло, прежде чѣмъ я узналъ этотъ фактъ», говоритъ Пимъ въ своемъ разсказѣ; «естественный стыдъ и раскаяніе въ своей слабости долго запрещали Августу признаться мнѣ тотчасъ въ томъ, что потомъ дозволила открыть болѣе твердая дружба». Но въ продолженіе того же самаго плаванія, черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ, этотъ Августъ умеръ, и его трупъ, брошенный въ воду, съѣли акулы (*Aventures d'Arthur Gordon Pym, traduction de Charles Baudelaire, 73 и 158*). Наконецъ, третій примѣръ указанъ недавно г. Щебальскимъ въ романѣ «Война и Миръ» графа Л. Толстого. Въ третьемъ томѣ этого произведенія, въ XIV главѣ, сказано: «31-го декабря, наканунѣ новаго 1810 года, былъ балъ у Екатерининскаго вельможи» (стр. 56). На этомъ балу «баронъ Фиргофъ говорилъ съ нимъ (съ княземъ Андреемъ Болконскимъ) о завтрашнемъ предполагаемомъ первомъ засѣданіи государственнаго совѣта» (стр. 66). «На другой день князь Андрей вспомнилъ вчерашній балъ» (стр. 70). Въ это же утро прѣзжаетъ къ князю Андрею Бизюковъ, который «только что узналъ подробности засѣданія государственнаго совѣта вчерашняго утра» (стр. 71). Итакъ, очевидно, что и новые поэты могутъ впадать въ противорѣчія касательно разныхъ подробностей. Но мы должны принять въ соображеніе, что Гомеръ, вѣроятно, не записывалъ своихъ произведеній, а создавалъ ихъ на память. Немудрено, что ему случилось сдѣлать нѣсколько неважныхъ ошибокъ, которыя и незамѣтны при чтеніи.

Геппертъ, который отвергаетъ множество гомеровскихъ стиховъ, считаетъ противорѣчіе первой книги неважнымъ (Gerpert, *Ueber den Ursprung der homerischen Gesänge, Leipzig 1840, I, 31*). Того же мнѣнія и Гротъ, которому единство первой книги кажется несомнѣннымъ. Между тѣмъ послѣдователи Лахманна пошли дальше его. Самъ Лахманнъ говоритъ, что его первое продолженіе (стихи 431—492) или сначала

принадлежало къ одному произведенію съ первою пѣснью (стихи 1—348), или, по крайней мѣрѣ, сочинено очень искусно и въ духѣ первой пѣсни (*Betrachtungen*, 5). Напротивъ того Морицъ Гауптъ замѣчаетъ (*Zusätze*, 99): «Удивительно, какъ много стиховъ перваго продолженія находятся въ другихъ мѣстахъ Гомера». Очень понятно: здѣсь описывается небольшая поѣздка по морю, припесеніе жертвы и пирь; такія общія описанія не разъ встрѣчаются у Гомера. Замѣчательно, что Гауптъ считаетъ эту часть первой книги сочиненною послѣ XV книги Одиссеи. А Кирхгофъ считаетъ эту часть Одиссеи позднѣйшею, сочиненною между 30-ю и 50-ю олимпіадами, то-есть, во второй половинѣ VII или въ началѣ VI вѣка. Кто будетъ доказывать позднѣйшее происхожденіе XV книги Одиссеи, тотъ скажетъ, конечно, что стихи 497 сл. взяты изъ Лахманновскаго «перваго продолженія первой пѣсни». Такъ и дѣлаетъ Геннингсъ (*Hennings*): онъ собираетъ всѣ мѣста своей мнимой «Тилемахія», которыя заимствованы изъ другихъ книгъ Иліады и Одиссеи. Между прочимъ тутъ является и наше «первое продолженіе» (*Ueber die Telemachie* въ *Jahrbücher für classische Phil.* III Supplementband, 227). Поэтъ «Тилемахія» жилъ, по Геннингсу, при Солонѣ, а можетъ быть, нѣсколько десятковъ лѣтъ раньше; слѣдовательно, Геннингсъ даетъ то же опредѣленіе, какъ и Кирхгофъ. Итакъ, по Гаупту выйдетъ, что поэтъ «перваго продолженія» еще позже Солона? Или Гауптъ не согласенъ съ Кирхгофомъ и Геннингсомъ? Опъ не согласенъ и съ Лахманномъ, который считалъ свое «первое продолженіе» прекраснымъ и очень древнимъ. Кѣхли, продолжая дѣло Гаупта, предлагаетъ еще болѣе странныя мнѣнія и еще болѣе придиричвыя сопоставленія и заключаетъ: «Итакъ, всякому ясно, что здѣсь (въ стихахъ II. I, 430—492) мы имѣемъ не пѣсню и не отрывокъ пѣсни, и даже не что-нибудь похожее на поэзію, но простую заплату, сшитую изъ разныхъ лоскутковъ». Такою методою можно всякое дажное мѣсто въ Гомерѣ разложить на лоскутки и объявить заплатою. Совершенно непонятна увѣренность, съ которою Кѣхли высказываетъ свои приговоры; совершенно непонятно и уваженіе, которымъ пользуются его послѣдованія.

Справедливо замѣчаетъ Гѣрманъ (*Hörmann, Die einheitlichen Elemente des ersten Gesanges der Ilias*, Innsbruck 1867, 9), что считать рассказъ о Ѡетидѣ у Ахилла и на Олимпѣ только

продолженіемъ или прибавкою, а не самостоятельною подлинною пѣснью, значить—противорѣчить теоріи малыхъ пѣсенъ. Въ самомъ дѣлѣ, и въ «подлинныхъ пѣсняхъ» Лахманна встрѣчается много указаній на просьбу Ѳетиды Зевсу; эта просьба—одна изъ самыхъ существенныхъ частей Иліады. Безъ всякаго сомнѣнія, мотивъ свиданія Ѳетиды съ Зевсомъ былъ еще въ древнѣйшее время въ пѣсняхъ. Итакъ, когда же обработать этотъ мотивъ?

Вспомнимъ причину, почему Лахманнъ считалъ рассказъ о Ѳетидѣ позднѣйшимъ продолженіемъ. Эта причина—несогласіе рассказа о Ѳетидѣ съ «первымъ продолженіемъ». А такъ какъ изъ знаменитыхъ изслѣдованій и «несомнѣнныхъ» результатовъ Гаупта и Кёхли слѣдуетъ, что «первое продолженіе» написано послѣ XV книги Одиссеи и, слѣдовательно, послѣ Солона (если принять не менѣе «несомнѣнныхъ» изслѣдованій Кирхгофа и Геннигса), то рассказъ о просьбѣ Ѳетиды сочиненъ еще позже, вѣроятно, во время Фидія, который, кстати, былъ вдохновленъ изображеніемъ Зевса въ этомъ, тогда только-что явившемся, «второмъ продолженіи» и создалъ своего олимпійскаго Зевса. А такъ какъ во всей Иліадѣ находятся постоянныя указанія на просьбу Ѳетиды, и такъ какъ нельзя отрицать, что наша Иліада построена на этой просьбѣ, то необходимо признать, что наша Иліада составлена еще позже, то-есть, когда же? Не во время ли Пелопоннесской войны? И къ величайшему моему изумленію узналъ я недавно, что таково мнѣніе ученаго англичанина Пэлей (Paley), который думаетъ, что Иліада составлена при Иродотѣ, а можетъ быть, и послѣ Иродота, и что составителемъ нашей Иліады былъ Антимахъ Колофонскій (см. статью *The Homeric Question* въ *Quarterly Review*, № 250, October, 1868, 459). Такимъ образомъ изслѣдованія Лахманна, Кёхли и Кирхгофа принесли достойный плодъ; остается теперь отнести составленіе Иліады ко времени Поливія или императора Августа. Въ выводахъ изъ положеній вольфіанцевъ я ничего не преувеличилъ и не сдѣлалъ никакого скачка: я вывожу строго то, что слѣдуетъ изъ посылокъ. Въ самомъ дѣлѣ, и Лахманнъ, и Кёхли, и Кирхгофъ утверждаютъ, что ихъ результаты несомнѣнны. Но двѣ несомнѣнныя истины не могутъ противорѣчить одна другой. Итакъ, необходимо согласить выводы Лахманна съ выводами Кёхли и Кирхгофа. Пэлей и соглашаетъ ихъ своею гипотезою.

Но что я говорю о вдохновеніи Фидія? Якобъ «несомнѣнно» доказалъ, что знаменитые стихи 528 сл., изображающіе помаваніе бровей Зевса и вдохновившіе Фидія, подложны (Jacob, Ueber die Entstehung der Ilias und der Odyssee, Berlin 1856, 170 сл.). Зевсъ не есть болѣе *cuncta supercilio movens*. Дѣло въ томъ, что Зевсъ хочетъ скрыть отъ Геры посѣщеніе Ѳетиды, а если онъ будетъ сотрясать Олимпъ помаваніемъ бровей, то Гера услышитъ. Итакъ, Гера, по мнѣнію Якоба, будетъ держать такую рѣчь Зевсу: «Что ты хитришь? Какъ будто бы я не слыхала, какъ весь Олимпъ ходунуномъ ходилъ. Вѣрно, ты помавалъ бровями Ѳетидѣ».

И древніе, и новые видятъ противорѣчіе между послѣднимъ стихомъ I книги и вторымъ стихомъ II книги. Стихи эти читаются такъ: «Всѣ боги пошли спать по домамъ своимъ. И Зевсъ пошелъ къ ложу, гдѣ прежде отдыхалъ, когда приходилъ на него сонъ. Тамъ онъ легъ спать (*ἔνθα καθεῦδ' ἀναβάς*), а рядомъ съ нимъ Гера» (кн. I). «Всѣ прочіе боги и люди спали всю ночь, а Зевса не держалъ сонъ» (кн. II). Слово *καθεῦδε* можетъ значить «спалъ». Въ такомъ случаѣ надо понимать, что Зевсъ не всю ночь спалъ, какъ прочіе боги и люди (*πανόυχοι*). Какъ бы то ни было, никакого противорѣчія тутъ нѣтъ. Такъ думаетъ и Геспертъ (Ursprung d. hom. Gesänge, I, 162).

Противъ второй книги также было множество возраженій, совершенно неосновательныхъ. Гротъ возстаетъ противъ того, что ложъ «гибельнаго сновидѣнія» оказывается совершенно недѣйствительною. Сновидѣніе (*ὄνειρος*) велитъ Агамемнону вооружить войско и обѣщаетъ ему, что онъ возьметъ въ этотъ самый день Трою. Но между тѣмъ Агамемнонъ не тотчасъ вооружаетъ ахѣйцевъ, а сначала собираетъ совѣтъ и собраніе войска: наконецъ, когда ахѣйцы выступаютъ, то побѣждаютъ троянъ. Почему же тутъ сновидѣніе недѣйствительно? Оно именно побудило Агамемнона вести войну дѣятельнѣе, давать общія битвы, а это и ведетъ къ пораженіямъ. Лахманнъ считаетъ подложнымъ «совѣтъ князей» (*βουλὴ γερόντων*) безъ малѣйшаго основанія, такъ что и опровергать намъ нечего.

Каталогъ многіе ученые считаютъ позднѣйшею вставкою. Такъ, напримѣръ, Преллеръ (Griech. Mythologie, II, 300) (3-е изд., 427), признавая цѣлость Иліады, считаетъ каталогъ болѣе позднимъ. Отфридъ Мюллеръ, на изслѣдованія

котораго о каталогѣ вольфіанцы ссылаются, признаетъ многія части каталога очень древними: напримѣръ, списокъ минійцевъ и віотійцевъ онъ относитъ къ первымъ столѣтіямъ послѣ эолійскаго переселенія (Orchomenos, 1-е изданіе, 210) (2-е изд., 205); слѣдовательно, по его мнѣнію, нѣтъ во всемъ Гомерѣ ничего древнѣе этихъ стиховъ ¹⁾. Оно и понятно: эти стихи даютъ Мюллеру столько важныхъ именъ, что онъ не можетъ не считать ихъ древнѣйшими. Точно такъ же Мюллеръ считаетъ «очень замѣчательными и, конечно, древнѣйшими» мѣста каталога объ слейцахъ и пилосцахъ (стр. 367) (2-е изд., 361). Дѣло въ томъ, что весь каталогъ «очень замѣчателенъ и очень древенъ». Возраженія Мюллера противъ нѣкоторыхъ частей не убѣдительны.

„Весь каталогъ“, говоритъ онъ, „какъ извѣстно, составленъ изъ самыхъ различныхъ, совершенно безсвязныхъ и даже иногда противорѣчащихъ другъ другу частей. Такъ, въ перечисленіи аргосскаго и микинскаго войска ясно вліяніе дорійскаго вторженія. Агамемнонъ владѣетъ въ каталогѣ іонійцами Эгіалеи, которые, вѣроятно были независимы и никогда не встрѣчаются въ Иліадѣ. Это потому, что ахѣйцы послѣ переселились въ Эгіалею“.

Но, во-первыхъ, іонійцы встрѣчаются въ Иліадѣ (XIII, 685); во-вторыхъ, они очень могли быть подъ властію Агамемнона или вообще микинскихъ государей. «Совершенно ясно, что стихи 596 и 730 каталога не могли быть сочинены однимъ поэтомъ» (стр. 368) (2-е изд., 362, прим. 3). Въ 730-мъ стихѣ Ихалія (*Oixalla*), славный въ мифахъ городъ стрѣлка Еврита, помѣщенъ въ Тессаліи; а въ 596-мъ стихѣ сказано, что въ Лоріи, одномъ изъ городовъ пилосскихъ, музы встрѣтили пѣвца Фамириса, шедшаго изъ Ихаліи, отъ Еврита. Мнѣмъ объ Евритѣ и Ихаліи помѣщались у еллиновъ въ разныхъ странахъ, между прочимъ, и въ Мессиніи, то-есть, землѣ Пилосской. Конечно, одинъ пѣвецъ не могъ помѣщать Ихалію и въ Тессаліи, и въ Мессиніи. Однако почему въ такомъ случаѣ нѣтъ у Гомера Ихаліи въ числѣ пилосскихъ городовъ? Скажутъ: Ихалію пилосскую исключили изъ каталога составители нашей Иліады, чтобы уничтожить противорѣчіе. Но въ такомъ случаѣ почему они оставили упоминаніе о Фамирисѣ, почему не перенесли его на Ихалію оессалійскую? Насколько мы можемъ судить,

¹⁾ Я не могъ достать программы Кёхли о каталогѣ (Zürich, 1862—3), но метода и результаты его изслѣдованія мнѣ павѣстны.

города Ихалии, вѣроятно, не было въ Мессиніи. Павсанія не видѣлъ особаго города Ихалии, а думалъ, что Ихалия получила потомъ имя Карнасій (Pausan. IV, 2, 2. 26, 6. 33, 4). Страбонъ, напротивъ, думаетъ, что это Анданія (VIII, p. 498). Намъ очень трудно судить въ вопросахъ древнѣйшей этнографіи и географіи Еллады и еще труднѣе въ вопросахъ мѣстной мифологіи разныхъ греческихъ племенъ. Мы видимъ какое-то отношеніе между землею Пилоса и Эссалией. Вѣроятно, изъ одной страны въ другую было переселеніе. Поэтому и тамъ, и тутъ были одинаковыя мѣстные мифы. Гомеръ могъ слышать о встрѣчѣ Тамириса съ музами въ Доріи пилосскомъ, на пути изъ Ихалии, и въ то же время зналъ объ Ихалии эссалийской. Одинъ пѣвецъ не могъ бы говорить о двухъ Ихалияхъ Еврита; но Гомеръ такъ и не говоритъ. Конечно, очень возможно принять, что были вставки въ каталогъ, какъ и во всякую другую книгу Гомера, и даже скорѣе, чѣмъ въ другія книги, такъ какъ всякому городу и всякому племени греческому было лестно видѣть имя свое въ каталогѣ. Даже древніе рассказывали о вставкахъ въ каталогъ, но такъ же, какъ и Мюллеръ, только по догадкамъ. Мнѣ же кажется, что нельзя доказать подложность ни одного мѣста въ каталогѣ. Всего болѣе затрудненій представляло для древнихъ и новыхъ упоминаніе віотійцевъ въ Віотіи; по древнимъ преданіямъ, віотійцы во время Троянской войны жили въ Эссалии. Уже Фукидидъ не зналъ, какъ разрѣшить это недоумѣніе, и предложилъ догадку. Мюллеръ, какъ мы видѣли, считаетъ віотійскій списокъ каталога древнѣйшимъ. Тѣмъ не менѣе Мюллеръ считаетъ віотійцевъ Гомера анахронизмомъ (стр. 395) (2-е изд., 388). Онъ указываетъ на подобные анахронизмы нѣмецкаго эпоса. Справедливо, что Гомеръ могъ впасть въ анахронизмъ; но едва ли возможно доказать это. У насъ нѣтъ еллинскаго преданія, которое было бы древнѣе Гомера; поэтому остается еще вопросомъ, кому мы должны слѣдовать, Гомеру или преданію, сохраненному у позднѣйшихъ древнихъ. Гроть вѣрить Гомеру. Дѣйствительно, трудно предположить здѣсь ошибку поэта. Во-первыхъ, онъ подробно исчисляетъ віотійскіе города, подробнѣе, нежели города какого-либо другаго племени. Во-вторыхъ, онъ не говоритъ о Фивахъ, которыя были въ то время разрушены, по общему преданію древности. Віотійцы возстановили Фивы, или, во всякомъ слу-

чаѣ, по преданію, приводившему віотійцевъ изъ Тессаліи, они поселились и въ Фивахъ, и Фивы были сильнѣйшимъ городомъ. Гомеръ не дѣлаетъ анахронизма относительно Фивъ, и невѣроятно, чтобы тутъ же онъ впадалъ въ анахронизмъ относительно всего народа віотійцевъ. Но возраженія Мюллера не направлены собственно противъ единства поэмы. Только вольфіанцы пользуются ими для своихъ выводовъ. Кёхли выставлялъ особеннаго рода гипотезу, именно, что каталогъ былъ прежде составленъ, по обычаю віотійской школы (?), изъ строфъ по пяти стиховъ въ каждой (Köchly, Dissert. III, 24; ср. статьи L. G. и Дюнцера въ *Neue Jahrb. für Phil.* XXV). За это Дюнцеръ называетъ Кехли «человѣкомъ проницательнымъ и со вкусомъ» (*scharfsinnige und geschmackvolle*; Германнъ говоритъ то же: *der nur zu scharf sehende Köchly erkannte* и пр., стр. 57). Дюнцеръ говоритъ торжествующимъ тономъ:

„Какъ бы ни былъ неудобенъ для многихъ этотъ фактъ, Кёхли вполне доказалъ, что каталогъ кораблей былъ первоначально написанъ въ строфахъ по пяти стиховъ, такъ что каждая строфа имѣла отдѣльный цѣлый смыслъ. Невоозможно же считать случайностью, что изъ 28 отдѣленій каталога одиннадцать подходятъ подъ этотъ законъ безъ всякаго измѣненія, а остальные также легко подвести посредствомъ исключенія подложныхъ стиховъ“ (*Düntzer, der Schiffskatalog der Ilias. N. Jahrb. f. Phil.* XXV [1855], 415 сл.).

Я не вижу пятистишія въ каталогѣ; а если можно исключать мѣшающіе стихи, чтобы подвести подъ пятистишія, то почему же нельзя исключать ихъ, чтобы подвести каталогъ подъ четверостишія или вообще подъ строфы съ какимъ угодно числомъ стиховъ? При такой методѣ можно разложить и «Полтаву» Пушкина на четверостишія. Какой-то ученый (L. G.), увлеченный примѣромъ Кёхли, объявилъ, что «въ другихъ пѣсняхъ, отдѣленныхъ Лахманномъ, является, выражаясь кратко, законъ семи» (см. *Zur homerischen Kritik. N. Jahrb.* XXV, 412 сл.). Ученый подгоняетъ стихи Гомера подъ семистишія, причемъ исключаетъ неподходящіе стихи. Точно такъ Группе подгонялъ Теогонію подъ трехстишія, а Сетберъ (Soetbeer) подъ пятистишія.

Августъ Моммзенъ (*Philologus*, V, 522) старался доказать, что родина автора каталога—Віотія. Если поэтъ каталога говоритъ нѣсколько подробнѣе о Віотіи, то изъ этого никакъ еще не слѣдуетъ, что онъ віотіецъ. При такой методѣ мы должны

будемъ признать автора Одиссеи иеакисійцемъ, потому что большая половина дѣйствія Одиссеи происходитъ на Иеакѣ. Но извѣстно, что Гомеръ имѣетъ самое невѣрное понятіе о положеніи Иеаки относительно окрестныхъ острововъ, и что онъ помѣщаетъ въ числѣ этихъ острововъ какой-то Дулихій, котораго негдѣ помѣстить тамъ. Я не стану теперь входить въ изложеніе этого вопроса, хотя и могъ бы очень легко доказать справедливость своихъ словъ. Во всякомъ случаѣ, авторъ Одиссеи не могъ быть иеакисійцемъ. Вообще Гомеръ имѣетъ неясное и неполное понятіе о западной половинѣ Еллады. Такъ, онъ смѣшиваетъ Пилосъ трифилійскій съ Пилосомъ мессинскимъ; перечисляя города восточныхъ областей, во всей Ахаіи называетъ пять городовъ, изъ которыхъ Иперисія и Гопоесса уже и древнимъ были совершенно неизвѣстны; остаются затѣмъ: Пеллина, Эгій, весь «берегъ» (*Ἀττικὸν τ' ἀνὰ πάντα*) и Елика. «Берегъ» Гомера есть сѣверный берегъ Целопонниса или Эгіалея, или Ахаія. Такое менѣе ясное и менѣе подробное знаніе западныхъ областей Греціи въ связи съ нѣкоторыми стихами, которые показываютъ, что собственная Еллада была для поэта «за-моремъ», и западные берега морей и проливовъ были для него «по ту сторону» (напримѣръ, II. II, 535 и 626), подтверждаетъ общее преданіе о мало-азіатскомъ происхожденіи творца Илиады и Одиссеи.

«Если бы у меня было десять языковъ и десять устъ, неустающій голосъ и мѣдная грудь», то и тогда бы я не перечислилъ всѣхъ критическихъ замѣчаній, сдѣланныхъ нѣмецкими учеными противъ разныхъ мѣстъ Гомера. Метода нѣмецкихъ изслѣдователей, мнѣ кажется, понятна уже изъ тѣхъ примѣровъ, которые представлены выше. Приведенные мною примѣры заключаютъ въ себѣ существеннѣйшія и наиболѣе основательныя возраженія ученыхъ. Изъ остальныхъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ противорѣчій всѣ сколько-нибудь основательныя и важныя указаны уже древними. Во всемъ Гомерѣ находятся три или четыре дѣйствительныя противорѣчія, но ни одно изъ нихъ не можетъ быть названо важнымъ: Разберемъ еще нѣкоторыя болѣе или менѣе основательныя возраженія.

Въ третьей книгѣ, и древніе, и новые говорили противъ сцены, когда Пріамъ смотритъ со стѣнъ Трои на греческое войско и спрашиваетъ Елену о вождахъ (*τεταροσκοπία*). Какъ

могъ Пріамъ въ десятый годъ войны не знать греческихъ вождей? Но этотъ вопросъ совершенно неумѣстный: если поэтъ не видѣлъ ничего несообразнаго въ своей сценѣ, то нечего и намъ спрашивать. Это доказываетъ только, что Иліада была первою по времени художественною обработкою мотивовъ народныхъ пѣсенъ. Во-первыхъ, предводитель, любящійся видомъ непріятельскаго войска со стѣнъ осажденнаго города и спрашивающій имена вождей, есть одинъ изъ любимыхъ мотивовъ героическаго эпоса. Во-вторыхъ, если бы въ какой-нибудь художественной Иліадѣ до Гомера было такое описаніе, поэтъ нашей Иліады не сталъ бы повторять «смотри со стѣны» того же самага войска тѣмъ же царемъ.

Въ пятой книгѣ (ст. 576 сл.) Менелай убиваетъ Пилэмена, вождя пафлагонянъ; а въ тринадцатой Пилэменъ опять является живымъ (ст. 658). Это—второе дѣйствительное противорѣчіе. Далѣе, въ той же книгѣ Сарпидонъ, предводитель ликійцевъ, бьется съ Тлиполомомъ, сыномъ Иракла. Тлиполомъ убитъ, Сарпидонъ тяжело раненъ. А въ XII книгѣ Сарпидонъ снова является въ битвѣ, на третій день послѣ своей раны. Но у Гомера раненые исцѣляются очень быстро, въ тотъ же день, а цѣлый день, данный Сарпидону на поправленіе, показываетъ, что поэтъ помнилъ объ этой ранѣ.

Какъ характеристическій примѣръ отмѣчаемъ мы, что Ла-Рошъ считаетъ подложными значительное количество стиховъ шестой книги, въ знаменитомъ свиданіи Гектора съ Андромахой (Philol. XII, 395 сл.). Замѣчательнѣе всего то, что Кёхли сильно нападаетъ на Ла-Роша (Dissert. VI, 10, 1859 г.) и говорить:

„Доводы, которыми Ла-Рошъ съ полною увѣренностью подкрѣпляетъ свою работу, приличную палачу (*hanc carnificinam*), опровергать и скучно, и бесполезно, потому что едва ли отъ людей; свѣдущихъ въ эпической поэзіи, найдеть онъ много одобрительныхъ отзывовъ. Хотя онъ почти на каждой страницѣ проповѣдуетъ объ истинномъ эпическомъ стилѣ и о высшемъ искусствѣ древняго поэта, однако почти ничего не предлагаетъ, кромѣ повелительныхъ указовъ личнаго произвола (*imperiosa proptii arbitrii edicta*). Онъ, кажется, положилъ, что не ему должно учиться у Гомера тому, что прекрасно, что соотвѣтственно предмету, что достойно древняго героя; но Гомеру и грекамъ нужно учиться у него. Можно подумать, что Ла-Рошъ шутилъ; такъ часто у него то, что было предметомъ общаго удивленія какъ грековъ, такъ и новыхъ, выставляется нелѣпѣйшими произведеніями несчастнаго стихоплета и покрывается самою отборною бранью“ (*Tam saepe quae communi cum Graecorum tum recentiorum admiratione adhuc floruerunt, ut absur-*

dissima miselli versificatoris prodigia sesquipedalibus verbis obruuntur latissimisque conviciis lacerantur).

Затѣмъ Кѣхли приводитъ примѣры нелѣпыхъ возраженій Ла-Роша и негодуетъ на его произволь. Все, что Кѣхли говорить о Ла-Рошѣ, вполне примѣняется и къ нему самому. У Лахманна, Кѣхли и другихъ вольфіанцевъ тотъ же произволь, та же брань противъ самыхъ лучшихъ мѣстъ Гомера (напримѣръ, противъ сцены Елены съ Парисомъ, противъ поединка Гектора съ Эантомъ), тѣ же самыя фразы, какъ у Ла-Роша. Фридлиндеръ указываетъ на эту странность нападокъ Кѣхли на Ла-Роша. «Вѣдь это будетъ напоминать Gracchos de seditione querentes» (Jahrb. LXXXIII, 29). Лахманнъ и Кехли также учатъ Гомера эпическому стилю и высшему искусству. Ихъ изслѣдованія имѣютъ точно такое же научное значеніе и достоинство, какъ и изслѣдованія Ла-Роша.

Десятую книгу, Долонію, почти всѣ считаютъ отдѣльнымъ произведеніемъ. Доказать это невозможно. Всѣ доводы ученыхъ вертятся на томъ, что Долонія есть эпизодъ, который очень легко можетъ быть исключенъ. Но мы знаемъ, что Гомеръ часто употребляетъ эпизоды. Съ вопросомъ о Долоніи связанъ вопросъ о появленіи Рѣса (Ρῆσος) и Фракійяне. Фракійяне — союзники троянъ и въ каталогѣ; Долонія не вводитъ ничего чуждаго въ отношенія воюющихъ. Долонія естественна и въ томъ отношеніи, что выставляетъ заботливость и безпокойство вождей послѣ пораженія.

Вооружались много противъ длинноты дня битвы, который описывается съ начала XI книги до 241 стиха XVIII. Говорятъ: «Невозможно, чтобы въ одинъ день произошло такъ много событій». Возражатели забываютъ, что на самомъ дѣлѣ были такіе дни великихъ битвъ, въ которые совершалось въ десять разъ болѣе событій, чѣмъ описывается въ этихъ книгахъ у Гомера. Большая часть поэтовъ страдаютъ важнымъ недостаткомъ: у нихъ время проходитъ слишкомъ скоро. Очень часто разговоръ, который не могъ занять и пяти минутъ, у нашихъ романистовъ выставляется заявившимъ цѣлый часъ. Гомеръ избѣжалъ этой ошибки. Противъ не подкрѣпленнаго доказательствами личнаго мнѣнія вольфіанцевъ мы поставимъ такое же личное мнѣніе Грога и Кине. Гротъ считаетъ книги съ XI до XVIII частями единой Ахиллеиды; Кине распола-

гаетъ событія «длиннаго дня» въ симметрическомъ порядкѣ, такъ что всякая частность необходима для симметріи.

Говорили много противъ послѣднихъ книгъ Илиады, считали ихъ слабыми, холодными. Это опять дѣло личнаго вкуса. Я привелъ мнѣніе Шиллера о XXIII книгѣ. По моему убѣжденію, поэтъ стоитъ на высотѣ искусства и въ этихъ книгахъ. Было очень трудно достойнымъ образомъ описать подвиги Ахилла послѣ того, какъ Гомеръ уже представилъ столько превосходныхъ боевыхъ сценъ. Необходимо было выставить Ахилла и на дѣлѣ именно такимъ непобѣдимымъ богатыремъ, какимъ онъ является въ убѣжденіи грековъ и троянъ. Многие поэты не выполнили бы этой задачи; Гомеръ выполнилъ ее блистательно. Уже первое появленіе безоружнаго Ахилла у рва, страшный крикъ его мѣднаго голоса и всеобщее смятеніе троянъ, прекратившее битву, достойнымъ образомъ вводятъ Ахилла на сцену войны. Затѣмъ въ сраженіи слѣдующаго дня онъ одинъ гонитъ троянъ и наноситъ имъ страшное пораженіе. Двадцать вторая книга, описывающая смерть Гектора, не уступаетъ никакому другому мѣсту Гомера въ поэтическомъ достоинствѣ. Сила и изящество изображенія вполне соотвѣтствуютъ трагичности предмета. Между тѣмъ Лахманъ называетъ XXII книгу вмѣстѣ съ четырьмя предшествующими плохую (Betracht. 80). Геппертъ, несогласный со многими его возраженіями, самъ представляетъ другія, столь же неосновательныя. Ему не нравится XXIV книга. Но исчисленіе возраженій и отзывовъ нѣмецкихъ ученыхъ можетъ привести только къ тому результату, что мы узнаемъ, какой вкусъ у того или другого ученаго, и что ему въ Гомерѣ не нравится.

Самое любопытное изъ всѣхъ замѣчаній Лахманна касается именъ разныхъ второстепенныхъ или, лучше сказать, третьестепенныхъ дѣйствующихъ лицъ (Betracht. 77). Въ XV-й книгѣ Гекторъ убиваетъ Схедія, сына Пирамиды, предводителя фокейцевъ (ст. 515), а въ XVII-й (ст. 306)—Схедія, сына Ифита и тоже предводителя фокейцевъ. Въ XI-й (ст. 577) убитъ Аписаонъ Фавсіадъ, въ XIII-й Ипсиоръ Иппасидъ (ст. 411), въ XVII-й Аписаонъ Иппасидъ (ст. 347); всѣ трое получаютъ одинаковыя раны, и смерть ихъ описывается въ одинаковыхъ выраженіяхъ. Судьба этихъ воиновъ несчастная: ихъ гибель легко можетъ вызвать улыбку вмѣсто слезъ

у читателей. Они являются только затѣмъ, чтобы погибнуть отъ руки какого-нибудь болѣе важнаго героя; и, безъ сомнѣнія, въ большей части случаевъ имена ихъ выдуманы самимъ поэтомъ, безъ всякаго преданія. Для того наивнаго времени было необходимо поименно назвать убитыхъ какимъ-нибудь вождемъ; это исчисленіе приносило славу вождю. Но придавать какое-нибудь значеніе именамъ этихъ убитыхъ очень странно. Лахманнъ считаетъ невозможнымъ, чтобы одинъ поэтъ сочинилъ всѣ приведенные выше стихи. Но кто же другой, кромѣ самого поэта, могъ вспомнить эти имена? Кому другому могло придти въ голову имя Аписаонъ кромѣ того, кто уже разъ сочинилъ это удобное для гекзаметра имя? Фридендеръ подробно разбираетъ поднятый Лахманномъ вопросъ объ именахъ въ особой статьѣ (N. Jahrbüch. XXV, 537—552: Ueber die kritische Benutzung der homerischen Homonymie). Фридендеръ согласенъ съ Лахманномъ, что стихи объ Аписаонахъ не могли выйти изъ однихъ устъ; въ этомъ онъ, мнѣ кажется, ошибается. Я не стану отрицать возможности вставки рапсодовъ, но утверждаю только, что напрасно намъ теряться въ догадкахъ, изъ которыхъ мы никакъ не можемъ выйти на твердую почву. Во всякомъ случаѣ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что такими микроскопическими замѣчаніями нельзя поколебать единство Иліады.

Едипство Одиссеи такъ ясно и очевидно для всякаго безпристрастнаго читателя, что появившіяся въ нѣмецкой литературѣ нападенія на нее, по справедливости, можно назвать прискорбными послѣдствіями ложной методы. Единству и простотѣ плана Одиссеи удивлялся Аристотель. Самъ Вольфъ называетъ «удивительную цѣлость и связь Одиссеи славнѣйшимъ памятникомъ греческаго ума» (Prolegom. CXVIII). Гротъ, какъ извѣстно, высказываетъ убѣжденіе, что гомеровскаго вопроса и не было бы, если бы дошла до насъ одна Одиссея, «такъ какъ она вся проникнута признаками преднамѣреннаго припоровленія». Гротъ говоритъ далѣе (I, 520 сл. перевода Мейснера):

„Чтобы противиться этимъ доказательствамъ единства (взятымъ изъ всего теченія поэмы), надобно представить, по крайней мѣрѣ, какіе-нибудь сильные доводы частныхъ недостатковъ связи или противорѣчій. Но замѣчательно, что хотя Вольфу, Мюллеру и Бернгарду Тиршу очень нужны были такіе доводы, они могли, однако же, представить только одинъ неотрицаемый примѣръ недостатка

согласія въ частяхъ.—число дней, которые занимаетъ отсутствіе Тилемаха въ Пилось и Спарту. Хотя Тилемахъ торопится уѣхать и отвѣчаетъ отказомъ на самыя убѣдительныя приглашенія остаться, однако должно предположить, что онъ остался на 30 дней у Менелая,—чтобы привести его дѣйствія въ хронологическую гармонію съ дѣйствіями Одиссея и объяснить первое свиданіе отца съ сыномъ у Евмэя. Здѣсь несомнѣнна неточность со стороны поэта, который не предполагалъ такого точнаго разбора и не былъ въ древнее время такъ строго разбираемъ. Совершенно нельзя удивляться этой неточности; напротивъ, удивительно то, что неточность стоитъ совершенно одиноко, и что нѣтъ никакихъ другихъ неточностей въ поэмѣ“.

Шеманнъ, разбирая одно изъ сочиненій Ницша (*Die Sagenproesie der Griechen* въ *N. Jahrb. LXIX, 129*), высказываетъ слѣдующее мнѣніе:

„Я совершенно согласенъ съ Ницшемъ насчетъ единства Одиссеи и признаю въ этой эпопеѣ столь счастливо изобрѣтенную и столь искусно проведенную композицію, что лучше и быть не могло. Разсматривать Одиссею, какъ мозаичную работу, составленную изъ пѣсенъ, которая прежде не были въ связи, я считаю за чистое суемудріе (*Aberwitz*), хотя, съ другой стороны, несомнѣнно, что поэма потерпѣла отъ отдѣльныхъ, отчасти довольно обширныхъ интерполяцій, которыя легко можно узнать. Но сама она есть гениальная концепція высокаго ума, который не имѣлъ себѣ образца, не имѣлъ, насколько мы можемъ судить, и достойныхъ послѣдователей“.

Отзывъ Шеманна, авторитетнаго ученаго, былъ особенно непріятенъ вольфіанцамъ. Зепгебушъ (*Homer. diss. II, 88*) и Кёхли (*Diss. de II. III, 3*) порицаютъ Шеманна. Въ новѣйшее время поднялись новые бойцы противъ Одиссеи, изъ которыхъ первое мѣсто принадлежитъ Кирхгофу.

Единство Одиссеи не нужно защищать особымъ разборомъ ея плана. Я ограничусь разсмотрѣніемъ важнѣйшихъ такъ называемыхъ противорѣчій, а потомъ разберу доводы, представленныя Кирхгофомъ въ защиту его особенной теоріи постепеннаго строенія Одиссеи. Уже В. Мюллеръ и Б. Тиршъ говорили, что собраніе боговъ въ I-й книгѣ противорѣчитъ собранію въ V-й; они думали, что путешествіе Тилемаха въ Пилось и Спарту составляло предметъ особой поэмы. Гротъ совершенно опровергаетъ ихъ возраженія.

„В. Мюллеръ, говоритъ онъ, несправедливо утверждаетъ, что Зевсъ обѣщаетъ въ первой книгѣ то, что не исполняетъ потомъ. Зевсъ въ первой книгѣ не обѣщаетъ послать Гермеса къ Калипсо, но Афина убѣждаетъ его сдѣлать это. Зевса надобно въ самомъ дѣлѣ два раза просить, потому что Зевсъ указываетъ на гнѣвъ Посидона противъ Одиссея“.

Несмотря на это опроверженіе, Бониць опять говорит о несогласіи по содержанію обоихъ собраній боговъ. Онъ прибавляетъ, что собраніе боговъ, въ V-й книгѣ составлено изъ лоскутковъ, взятыхъ изъ другихъ мѣстъ Гомера. Мы знаемъ уже, какъ должно судить о подобныхъ возраженіяхъ.

„Афина“, говоритъ Бониць, „оставляетъ Одиссея долго спустя послѣ разсвѣта и приходитъ въ Лакедэмонъ до разсвѣта, чтобы разбудить Тилемаха. И то, и другое опредѣленіе дано прямо и необходимо для всего содержанія обоихъ рассказовъ; несогласимость этихъ опредѣленій очевидна и признана. Такое противорѣчіе нелегко при самостоятельномъ построении плана“.

И между тѣмъ тутъ совсѣмъ нѣтъ противорѣчія. Наступила ночь въ землѣ фэакійцевъ (Odys. XIII, 35). Одиссея посадили на корабль, корабль выплылъ въ путь, а Одиссей заснулъ (ст. 79). «Когда взопла блестящая звѣзда, возвращающая свѣтъ зари, тогда прибылъ корабль къ острову» (ст. 95), то-есть, Иеакъ. Одиссей проснулся (ст. 187). Афина явилась къ нему и говорила съ нимъ, потомъ удалилась, чтобы поднять Тилемаха (ст. 440). Она является къ Тилемаху и велитъ ему ѣхать домой (XV, 10—42). Тилемахъ будитъ Писистрата, и тотчасъ встаетъ заря (ст. 55). Разстояніе для Афины ничего не значитъ: въ мгновеніе она изъ Иеаки переносится въ Лакедэмонъ. Какое же тутъ противорѣчіе? Не говорится, чтобы солнце взопло до прихода Афины къ Одиссею или во время разговора ея съ нимъ. Совершенно напрасно принимаетъ Бониць тонъ удивленія, когда говоритъ, что и это противорѣчіе стараются устранить (стр. 31 и 57). Со стороны Боница это просто одна изъ многихъ придиорокъ вѣмецкихъ ученыхъ. Миѣ кажется, наконецъ, что и то противорѣчіе, которое признаетъ Гротъ, едва ли можетъ быть названо дѣйствительнымъ. Правда, Тилемахъ говоритъ Менелая: «Не удерживай меня здѣсь долгое время». Но послѣдняя рѣчь остается въ IV-й книгѣ за Менелаемъ. Менелай общается Тилемаху подарокъ, но не даетъ его пока, и Тилемахъ не уѣзжаетъ. Неизвѣстно, сколько дней онъ располагается остаться у Менелая. Онъ поѣхалъ въ Пилось и Спарту за тѣмъ, чтобы узнать что-нибудь объ отцѣ отъ прежнихъ товарищей Одиссея по Троянскому походу. Афина въ видѣ Мента совѣтуетъ Тилемаху съѣздить къ Нестору и Менелая, чтобы узнать объ отцѣ, и если они скажутъ, что отецъ живъ, то ждать его еще годъ (I, 284 сл.). Если такъ, то Тилемаху

нѣтъ никакой нужды особенно торопиться изъ Лакедэмона, гдѣ онъ узналъ, что Одиссей еще живъ. Ученые дѣлаютъ еще разныя пустыя возраженія, но никакихъ противорѣчій въ Одиссеѣ все-таки не оказывается.

Гипотезу Кирхгофа о происхожденіи Одиссеи я изложилъ въ первой статьѣ (выше, 7 сл.). Онъ сначала напечаталъ текстъ Одиссеи по слоямъ своихъ разныхъ редакцій и не представилъ никакихъ доказательствъ. Затѣмъ въ пяти «экскурсахъ» онъ старается подтвердить свои предположенія. Кирхгофъ такой извѣстный и опытный ученый, что отбросить его доводы безъ возраженій нельзя. Къ сожалѣнію, и его метода въ гомеровскихъ изслѣдованіяхъ совершенно ложная, даже можетъ быть, еще болѣе вредная, чѣмъ метода Лахманна и Кёхли. Первый и второй экскурсы Кирхгофа напечатаны въ *Philologus* (vol. XV). Въ первомъ экскурсѣ Кирхгофъ старается доказать, что поэтъ Еэй ('Νοῦατ) зналъ Одиссею въ ея «позднѣйшей редакціи», то-есть, въ томъ же видѣ, какъ она дошла до насъ. Затѣмъ Кирхгофъ разбираетъ, къ какому времени относится поэма Еэя, которая приписывалась Исіоду. Во всякомъ случаѣ доказательства и самый тезисъ Кирхгофа подтверждаютъ единство Одиссеи. Во второмъ экскурсѣ Кирхгофъ разсматриваетъ нѣкоторые вопросы, соединенные съ гомеровскимъ «Вызовомъ мертвыхъ», Νέχοια. Изъ разныхъ мѣстъ древнихъ писателей слѣдуетъ, что въ «Ностахъ» Агія Тризинскаго былъ также «Вызовъ мертвыхъ» или «Сопествіе въ адъ», былъ также и каталогъ героинь, и также описывалось мученіе Тантала, какъ въ нашей Одиссеѣ. Кирхгофъ принимаетъ мнѣніе Отфрида Мюллера, что «Носты» сочинены въ началѣ VII вѣка. Въ какомъ отношеніи «Вызовъ мертвыхъ» въ «Ностахъ» къ «Вызову» Одиссеи?—спрашиваетъ Кирхгофъ.

„Мы должны различать между древнею основою XI-й книги Одиссеи и прибавкою младшей редакціи. Эта послѣдняя не могла быть извѣстна автору „Ностовъ“. Къ древней основѣ принадлежалъ—въ чемъ я не сомнѣваюсь—каталогъ героинь. Поэтому каталогъ героинь „Ностовъ“ долженъ быть разсматриваемъ какъ подражаніе Одиссеѣ. А въ изображеніи мученій Тантала младшая редакція Одиссеи подражала „Ностамъ“.

Какой же доводъ представляетъ Кирхгофъ въ своемъ экскурсѣ? Сначала онъ выставилъ теорію, совершенно ничѣмъ не подтвержденную; экскурсы должны доказывать теорію, а между тѣмъ въ нихъ теорія является уже какъ несомнѣнная

истина, сообразно съ которою объясняются и располагаются факты. Не въ высшей ли степени странно, что одно мѣсто XI-й книги Одиссеи объявляется оригиналомъ, которому подражалъ поэтъ «Ностовъ», а другое подражаніемъ этому самому поэту? И такая неслыханная гипотеза, составленная на основаніи уже данной теоріи, въ то же время выставляется подтвержденіемъ этой теоріи? Гораздо естественнѣе предположить, что поэтъ «Ностовъ» подражалъ поэту Одиссеи и въ описаніи мученій Тантала. Такимъ образомъ второй экскурсъ Кирхгофа еще болѣе разрушаетъ гипотезу этого ученаго о происхожденіи Одиссеи. Въ третьемъ экскурсѣ (Rhein. Mus. XV, 63 сл.) Кирхгофъ поднимаетъ новый вопросъ. Въ XII-й книгѣ Одиссеи Одиссей рассказываетъ, между прочимъ, какъ спутники его убили и съѣли нѣсколько коровъ Геліуса; онъ прибавляетъ, что Геліусъ пожаловался Зевсу, и Зевсъ обѣщаль погубить нечестивцевъ, и что онъ, Одиссей, узналъ объ этомъ разговорѣ боговъ отъ Калипсо, а Калипсо отъ Гермеса. Въ V-й книгѣ, когда Гермесъ приходитъ къ Калипсо и передаетъ ей приказаніе Зевса отпустить Одиссея, Калипсо говорить Гермесу: «Ты не часто посѣщаешь меня» (*πάρο; γε μὲν ὄντι θεοί; Ζεὺς*, ст. 88). Схولیастъ замѣчаетъ, что Калипсо никогда раньше не видала Гермеса, и что Одиссей лжетъ въ XII-й книгѣ, когда передаетъ прежній разговоръ Гермеса съ Калипсо. Гомеръ говоритъ: «Калипсо узнала Гермеса: боги не остаются неизвѣстными другъ другу, если и живутъ далеко другъ отъ друга» (ст. 77 сл.). Но въ V-й книгѣ Гомеръ не говоритъ, чтобы Калипсо прежде не видала Гермеса: изъ стиховъ 77 сл. и 88 скорѣе можно заключить прогивное. Между тѣмъ Кирхгофъ изъ этого мнимаго противорѣчія выводитъ, посредствомъ разныхъ эстетическихъ и логическихъ соображеній весьма сомнительнаго достоинства, что V-я и XII-я книги сочинены двумя разными лицами. Главное затрудненіе для Кирхгофа то, что самъ Одиссей рассказываетъ о разговорѣ боговъ. Изъ упомянутыхъ эстетическихъ и логическихъ соображеній слѣдуетъ, что если бы эту сцену рассказывалъ поэтъ отъ своего имени, а не отъ имени Одиссея, то затрудненія не было бы. А если такъ,

„то необходимо считать доказаннымъ (man wird es als erwiesen zugeben müssen), что эта часть апологовъ, которой принадлежитъ разбираемое мѣсто, первоначально передавалась въ третьемъ лицѣ, отъ имени поэта, и что настоящая форма представленія, по ко-

торой самъ Одиссей рассказываетъ въ первомъ лицѣ, есть позднѣйшая переработка“.

Такое невѣроятное предположеніе выводится изъ не существующаго противорѣчія и изъ разнымъ искусственнымъ построеній и отвлеченныхъ соображеній. Кирхгофъ думаетъ найти подтвержденіе своей мысли въ томъ, что Одиссей называетъ имя Лэстригонскаго источника; это было бы, думаетъ Кирхгофъ, умѣстно только въ разсказѣ отъ имени поэта. Въ большомъ четвертомъ экскурсѣ (Rhein. Mus. XV, 329 сл.) Кирхгофъ нападаетъ на рѣчь Аѳины въ первой книгѣ (ст. 269 сл.), объявляетъ автора этой рѣчи идиотомъ (ein Blödsinniger) и сыплетъ на него отборную брань (Verkehrtheit und völlige Gedankenlosigkeit, ein stammelndes Kind и проч.). Онъ считаетъ эту рѣчь копіею рѣчи Тилемаха къ народному собранію во II-й книгѣ Между тѣмъ, несмотря на всѣ увѣренія Кирхгофа, несмотря на высказанное имъ двадцать разъ полное убѣжденіе въ несомнѣнности своихъ заключеній, рѣчь Аѳины совершенно ясна, понятна и не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшаго противорѣчія. Аѳина совѣтуетъ Тилемаху торжественно, съ призваніемъ боговъ въ свидѣтели, потребовать въ народномъ собраніи удаленія жениховъ изъ своего дома, а матери предложить, чтобы она возвратилась къ своему отцу, если хочетъ выйти замужъ; самому же Тилемаху Аѳина предлагаетъ сѣздить въ Пилосъ и Лакедэмонъ, чтобы узнать что-нибудь объ отцѣ. Если Тилемахъ услышитъ, что отецъ еще живъ, то пусть ждетъ и черпнеть еще годъ; если же онъ услышитъ, что отецъ уже умеръ, то пусть, возвратясь домой, поставитъ ему могильный холмъ (кенотафій), а мать выдастъ замужъ. Послѣ того пусть онъ подумаетъ, какъ бы убить жениховъ Пинелопы въ своемъ домѣ. Само собою разумѣется, что на первое предложеніе въ народномъ собраніи ни женихи, ни Пинелопа не согласятся. И Аѳина, и Тилемахъ, и слушатели или читатели Гомера очень хорошо это сознаютъ. Для того-то это предложеніе и должно быть слѣлапо торжественно, съ призваніемъ боговъ, какъ формальность, какъ ультиматумъ. Это такъ ясно, что всѣ объяснители древняго и новаго времени не видѣли никакихъ затрудненій въ рѣчи Аѳины; но тому-то и удивляется Кирхгофъ. Неужели никто въ теченіе тысячелѣтій не замѣтилъ, что этой рѣчи и понять нельзя, что ее сочинилъ идиотъ? Вѣдь это въ высшей степени странно. Какъ же

могли всё древніе и новыя понимать рѣчь, въ которой нѣтъ ни одной мысли (*völlige Gedankenlosigkeit*)? Какъ логическій Кирхгофъ могъ сказать такую нелѣпость? Что касается до окончанія рѣчи, то и тамъ не будетъ затрудненія, если мы будемъ понимать, какъ слѣдуетъ. Тилемахъ долженъ выдать мать свою замужъ, когда узнаетъ, что отецъ его умеръ. Это очень естественно: вдовы въ греческихъ мифахъ выходятъ замужъ тотчасъ по смерти своихъ мужей. Пинелопа въ позднѣйшей поэмѣ Евгаммона вышла замужъ послѣ смерти Одиссея за Тилегона. Но изъ словъ Аѳины не слѣдуетъ, чтобы Тилемахъ долженъ былъ выдать свою мать непременно за кого-нибудь изъ жениховъ. Онъ могъ выдать ее и за кого-нибудь другого, кто не нанесъ ему такой обиды и ущерба, какъ женихи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ могъ желать отпугнуть женихамъ, и Аѳина возбуждаетъ его мужество, хочетъ, чтобы онъ рѣшился погубить жениховъ. Кирхгофъ указываетъ на такое противорѣчіе: если бы Тилемахъ выдалъ мать замужъ, то женихи тотчасъ же оставили бы его домъ, такъ какъ они именно грозятъ оставаться въ немъ, пока она не выберетъ себѣ супруга; слѣдовательно, Тилемахъ, не могъ сначала выдать замужъ мать, а потомъ убить жениховъ. Но, во-первыхъ, прежде чѣмъ побуждать Тилемаха къ убіенію жениховъ, Аѳина называла много другихъ дѣйствій, между которыми послѣднимъ является и выдача матери замужъ, такъ что слова: «когда ты все это сдѣлаешь», относятся ко всѣмъ прежнимъ дѣйствіямъ вмѣстѣ, и не зачѣмъ настаивать на томъ, что убить жениховъ Аѳина велитъ именно послѣ замужества Пинелопы. Во-вторыхъ, совѣтъ Аѳины касается тутъ времени не ближайшаго; когда Тилемахъ узнаетъ о смерти отца, вернется домой изъ поѣздки, поставитъ пустую могилу въ память отцу и подумаетъ о замужествѣ матери и убіеніи жениховъ, тогда положеніе дѣлъ будетъ ему ясно, онъ и самъ увидитъ, къ чему сперва должно приступить; главное въ совѣтѣ—ближайшее по времени. Совѣтъ Аѳины, опредѣляющій поведеніе Тилемаха въ ближайшемъ и въ отдаленномъ будущемъ, долженъ быть подробенъ и точенъ относительно ближайшаго времени и можетъ ограничиться общими чертами относительно времени отдаленнаго. Въ-третьихъ, поэтъ могъ себѣ представлять дѣло такъ: Тилемахъ выдастъ мать замужъ за какого-нибудь достойнаго человѣка не изъ числа жениховъ, женихи

же, разгнѣванные этимъ, останутся попрежнему въ его домѣ, такъ что онъ долженъ будетъ подумать о насильственныхъ мѣрахъ; или онъ выберетъ для матери въ мужа какого-нибудь добраго человѣка изъ числа жениховъ (напримѣръ, Амфинома, XVIII, 119 сл.) и при помощи его перебьетъ другихъ на самомъ свадебномъ пирѣ. Во всякомъ случаѣ, предположительныя выраженія Аоины не имѣютъ особенной важности, не противорѣчатъ ничему въ поэмѣ, и никто изъ читателей не остановится надъ ними съ недоумѣніемъ. А во второй книгѣ Тилемахъ высказываетъ въ народномъ собраніи то, чему научила его Аѳина; понятно поэтому и сходство обѣихъ рѣчей. Въ пятомъ экскурсѣ Кирхгофъ сравниваетъ два мѣста, въ XVI и въ XIX книгахъ, говорить о XXII книгѣ и представляетъ такія же придирчивыя и неосновательныя возраженія (Philol., XIX, 75 сл.). Было бы очень легко опровергнуть и ихъ, но нѣтъ никакой нужды, такъ какъ и въ нихъ является та же субъективная эстетическая критика. Многѣ кажется, что если изслѣдованія Кирхгофа ведутъ къ какому-нибудь результату, то скорѣе всего къ опроверженію его гипотезы.

Аристофанъ и Аристархъ считали 296-й стихъ XXIII книги окончаніемъ Одиссеи, какъ мы это знаемъ изъ схолиастовъ и Евстаѳіа. Изъ всего, что извѣстно намъ объ этомъ мѣстѣ двухъ знаменитыхъ грамматиковъ, видно, что они не основывались ни на какомъ преданіи, но пришли къ такому заключенію изъ разбора самого содержанія конца Одиссеи. Они нападали главнымъ образомъ на вторую *Nékoia*, находящуюся въ XXIV книгѣ Одиссеи. «Зачѣмъ, спрашивали возражатели, второй эпизодъ о царствѣ мертвыхъ?» У Евстаѳіа и въ схолияхъ передаются и отвѣты древнихъ ученыхъ на эти возраженія. Такъ, на общій вопросъ отвѣчали: у поэта обиліе предметовъ, и часто встрѣчаются однородныя сцены, напримѣръ, поединки по вызову и т. п. Возраженія Аристарха и Аристофана весьма слабы. Напримѣръ: «Какъ можетъ быть въ аду бѣлая скала?» (XXIV, 11). Отвѣчаютъ: «Бѣлая сторона у нея та, которая обращена къ солнцу». Но дѣло въ томъ, что у Гомера вовсе не въ аду эта бѣлая скала, а при Океанѣ. «Какъ могъ трупъ Ахилла такъ долго (семнадцать дней) оставаться петронутымъ?» Отвѣчаютъ: «По волѣ Фетиды, какъ и трупъ Патрокла». Смѣшно было и спраши-

вать. Самое существенное возраженіе слѣдующее: «Гермесъ не является проводникомъ душъ въ прочихъ книгахъ Гомера; души не нуждаются въ проводникахъ; непогребенные не могутъ войти въ адъ или, по крайней мѣрѣ, не могутъ соединиться къ толпѣ прочихъ мертвыхъ» (я усиливаю здѣсь возраженія Аристарха). Впослѣдствіи въ понятіи грековъ Гермесъ является проводникомъ душъ (*ψυχοποιός*), и вторая *Néxioa* была въ славѣ у грековъ. Греки, представляя себѣ мертвыхъ, всегда помнили о второй *Néxioa*. Мы видѣли, что въ описаніи царства мертвыхъ и загробной жизни Гомеръ не могъ, по самому существу дѣла, избѣжать противорѣчій. Но появленіе Гермеса въ XXIV книгѣ Одиссеи не столько противорѣчитъ понятіямъ о мертвыхъ и царствѣ ихъ, являющимся въ предыдущихъ книгахъ, сколько вносить въ нихъ новыя черты. Можетъ быть, отъ того-то Гермесъ и проводитъ души жениховъ въ адъ, что трупы ихъ еще не погребены. Вторая *Néxioa*, какъ и все окончаніе Одиссеи, отличается большимъ поэтическимъ достоинствомъ: описаніе смерти Ахилла, битвы надъ его тѣломъ и погребенія его превосходно. По языку окончаніе Одиссеи также чисто гомеровское.

За второю картиной ада слѣдуетъ свиданіе Одиссея съ отцомъ его Лаертомъ. У Эліана (*Var. Hist. XIII, 14*) сцена въ домѣ Лаерта упоминается вмѣстѣ съ прочими книгами, какъ древнѣйшая часть Одиссеи. Новые ученые повторяютъ за древними праздный вопросъ: «Зачѣмъ Одиссей хитритъ съ Лаертомъ и рассказываетъ лживую исторію?» Затѣмъ же, отвѣтимъ мы, зачѣмъ онъ постоянно хитритъ. И въ XIII книгѣ Одиссеи Аѣина, шутя, упрекаетъ его въ постоянной лжи. Во всякомъ случаѣ поэту такъ было угодно. Какой смыслъ имѣетъ этотъ вопросъ? Развѣ отъ него уничтожится въ XXIV книгѣ лживый рассказъ? Вѣдь уже существуетъ фактъ, что древній поэтъ влагаетъ въ уста Одиссею этотъ вымышленный рассказъ при свиданіи съ отцомъ. Не все ли равно для эстетической и нравственной стороны дѣла, кто авторъ этой сцены? Почему только то признается гомеровскимъ, чтò подходитъ подъ рамку произвольныхъ эстетическихъ условій, насчетъ которыхъ, притомъ, господствуетъ постоянное и коренное несогласіе между критиками. Между тѣмъ ученые постоянно поступаютъ такимъ образомъ: разбираютъ какое-нибудь гомеровское мѣсто, найдутъ въ немъ недостатки и тотчасъ объявляютъ его нелѣ-

нымъ и потому не гомеровскимъ, какъ будто бы всякому другому поэту, кромѣ Гомера, позволительна нелѣпость. Всѣми такими доводами ученыхъ доказывается лишь то, что известное мѣсто не нравится ученымъ.

Изъ новыхъ ученыхъ подробнѣ всѣхъ разобралъ окончаніе Одиссеи Шпонъ (Spohn, De extrema Odysseæ parte ejusque recentiore ortu quam Homericò, Lipsiæ 1816). Я отдаю полную справедливость его старательности и учености. Онъ посвящаетъ вопросу цѣлую книгу и собираетъ всѣ возможные возраженія, изъ которыхъ одни относятся къ предметамъ, другія къ языку. Изъ возраженій перваго рода Шпонъ особенно настаиваетъ на географическихъ, на томъ, что Гомеръ не могъ помѣщать въ одной и той же сторонѣ Киклоповъ, Лэстригоновъ, Харибду, Скиллу, Эолю, Сирень, Фринакию — все чудовищныя мѣста — и Сиколовъ, и Сиканію, о которой упоминается въ XXIV книгѣ. Но первыя мѣста все баснословныя, и Гомеръ вовсе не помѣщаетъ ихъ около Сициліи. Это была ошибка древнихъ, которую Шпонъ раздѣляетъ съ ними. Киклопы, Лэстригоны и пр. находятся у Гомера далеко на югъ отъ Греціи, въ совершенно неизвѣстной странѣ. О Сиканіи (Сициліи) Гомеръ очень могъ упоминать. Этотъ островъ былъ извѣстенъ грекамъ и прежде основанія сицилійскихъ колоній. Еще раньше времени Гомера была основана Кима италійская, и туда греки должны были плыть мимо Сициліи. Возраженія Шпона касательно языка многочисленны и важны, потому что послужили образцомъ для прочихъ нѣмецкихъ ученыхъ. Сначала онъ разбираетъ такъ-называемыя ἀπαξ εἰρημένα, то-есть, слова, встрѣчающіяся только одинъ разъ у Гомера, и именно въ этой послѣдней части Одиссеи. Но такихъ одинъ только разъ встрѣчающихся словъ много и въ другихъ книгахъ Илиады и Одиссеи, начиная съ первой книги Илиады. Фридендеръ въ прекрасномъ изслѣдованіи о ἀπαξ εἰρημένα (Zwei homerische Wörterverzeichnisse. Jahrb. f. Phil. III Supplementband, 713 сл.), вполне объясняетъ, что то или иное число этихъ рѣдкихъ словъ ничего не доказываетъ. Въ окончаніи Одиссеи еще менѣе такихъ словъ, чѣмъ въ другихъ поэмахъ. Изъ работы Фридендера ясно, что языкъ одинъ во всѣхъ частяхъ поэмы, и различіе въ суммѣ употребляемыхъ словъ зависитъ отъ различія предметовъ. Шпонъ указываетъ также на большое количество стиховъ въ окончаніи Одиссеи,

заимствованныхъ изъ другихъ гомеровскихъ книгъ. Итакъ, если встрѣчается новое слово, ученые заключаютъ, что книга принадлежитъ не Гомеру; если попадаетъ старый стихъ, опять считаютъ это признакомъ позднѣйшаго происхожденія. Гдѣ же спасеніе Гомеру между этими Скиллою и Харибдой? Въ спискѣ Шпона, кромѣ тождественныхъ стиховъ, отмѣчено много «подобныхъ и также «составленныхъ изъ нѣсколькихъ стиховъ гомеровскихъ». Такимъ точно образомъ Кёхли разбираетъ «первое продолженіе первой пѣсни». Если бы было доказано, что въ XXIV книгѣ Одиссеи чаще, чѣмъ въ другихъ книгахъ встрѣчаются старые стихи, то это обстоятельство все-таки не могло бы служить доказательствомъ позднѣйшаго происхожденія книги, потому что поэтъ, несмотря на всю силу своего творчества, легко могъ впасть въ повторенія старыхъ стиховъ, заканчивая свою поэму. Но замѣчательно, что ученые выставляютъ списки такъ называемыхъ «лоскутковъ», взятыхъ изъ другихъ частей поэмы, тогда, когда имъ нужно подтвердить свое напередъ составленное мнѣніе. И Шпонъ написалъ большое разсужденіе о языкѣ окончанія Одиссеи потому только, что Аристофанъ и Аристархъ выразили свое сомнѣніе. Сущность возраженій противъ XXIV книги Одиссеи именно въ этомъ сомнѣніи Аристофана и Аристарха. Еллендтъ составилъ списокъ параллельныхъ стиховъ XI книги Илиады (Ellendt, Sammlung der Parallelstellen zum XI Buch der Ilias въ Drei homerische Abhandlungen, Leipzig 1864); противъ этой книги также были многочисленныя возраженія. Кёхли очень любитъ прибѣгать къ этому аргументу, къ собиранію «лоскутковъ». Такъ, вторую половину VII и большую часть VIII книги Илиады онъ объявляетъ произведеніемъ самаго поздняго подражателя (*recentissimo imitatori adscribendum*), составленнымъ изъ разныхъ гомеровскихъ мѣстъ (*De Iliad. dissert. VII, 1859, 37*). Кёхли считаетъ заимствованными и такіе стихи, части которыхъ онъ находитъ въ трехъ разныхъ стихахъ гомеровскихъ. Доказать, что въ VII и VIII книгахъ есть «заплаты изъ лоскутковъ», нужно было для Кёхли потому, что эти книги составляютъ переходъ отъ Илиады къ Ахиллеидѣ. Но для Ахиллеиды Грота VIII книга крайне необходима. На изслѣдованіи Кёхли Гротъ можетъ видѣть, какъ новые ученые приняли бы Ахиллеиду, въ которой тотчасъ за просьбою Фетиды послѣдовало бы пораженіе грековъ. Такъ какъ по не-

обходимости описаніе пораженія кратко, въ общихъ чертахъ (и Гротъ именно требуетъ краткости: онъ не позволяетъ описывать подвиги другихъ греческихъ героев), то Кехли и называетъ его составленнымъ изъ лоскутковъ.

Иліада и Одиссея уже съ V и IV вѣковъ въ глазахъ грековъ стояли рядомъ, отдѣльно отъ другихъ поэмъ богатой греческой эпической литературы и гораздо выше ихъ всѣхъ. Мы видѣли, что уже древніе поэты-киклики чувствовали высокое превосходство обѣихъ поэмъ и избѣгали обрабатывать сюжеты Иліады и Одиссеи, не боясь въ то же время соперничества другихъ поэтовъ. Господствовавшее мнѣніе александрійскихъ ученыхъ приписывало Иліаду и Одиссею одному великому поэту. Были и между древними люди, думавшіе иначе—«раздѣлители», χωρῖζοντες. Доказательствомъ для нихъ были разныя несогласія между Иліадою и Одиссеєю. Изъ этихъ различій главныхъ два: въ Иліадѣ вѣстница боговъ Ирида, а въ Одиссеѣ Гермесъ; въ Иліадѣ жена Ифѣста Харита, а въ Одиссеѣ Афродита. Но надо замѣтить, что и въ XXIV книгѣ Иліады Гермесъ является, какъ проводникъ и помощникъ Пріама, то-есть, въ такой роли, которая очень близка къ роли его въ Одиссеѣ. Въ Одиссеѣ только одинъ разъ Зевсъ посылаетъ другого бога съ приказаніемъ; въ Иліадѣ Ирида является очень часто. Могъ ли Ифѣстъ взять себѣ другую супругу вмѣсто измѣнившей ему Афродиты, я не стану разбирать. Аристархъ не считалъ эти возраженія убѣдительными и признавалъ обѣ поэмы твореніями одного поэта. Къ возраженіямъ «раздѣлителей» новые ученые прибавили разные новые доводы. Большая часть новыхъ критиковъ увѣрена, что Одиссея моложе Иліады. Приводятъ въ доказательство то, что боги въ Одиссеѣ возвышеннѣе и менѣе вмѣшиваются въ дѣла человѣческія, что въ Одиссеѣ встрѣчаются второстепенныя божества, нѣчто въ родѣ фей или волшебницъ, и пр., и пр. Но всѣ эти признаки очень обманчивы. Лучшіе знатоки древнѣйшей греческой исторіи, Отфридъ Мюллеръ и Гротъ, признаютъ всѣ доводы о болѣе позднемъ происхожденіи Одиссеи очень слабыми. Гротъ думаетъ, что Одиссея сочинена другимъ поэтомъ, но въ то же самое время, какъ и Иліада (или Ахиллеяда). Различіе предмета достаточно объясняетъ всѣ незначительныя и кажущіяся различія въ нравахъ и языкѣ. Боги вмѣшиваются и въ Одиссеѣ; но споръ боговъ за Иліонъ

поконченъ, и они спокойнѣе. Въ Одиссеѣ не упоминаются «складныя дощечки» для письма, а въ Иліадѣ упоминаются. Это одно важнѣе всѣхъ доводовъ о менѣе отдаленной древности Одиссеи. Изъ этого одного упоминанія можно, пожалуй, заключить, что Иліада сочинена позднѣе. Но мнѣ кажется, что нѣтъ основанія приписывать Иліаду и Одиссею разнымъ временамъ.

За одинаго творца обѣихъ поэмъ стоитъ преданіе или господствующее мнѣніе древности и сходство поэмъ, сходство неотрицаемое въ языкѣ, нравахъ, понятіяхъ, искусствѣ, манерѣ, сходство въ недосыгаемой высотѣ поэтическаго достоинства. Нельзя одну поэмѣ поставить выше другой, и можно ли предположить двухъ поэтовъ, одинаково великихъ, съ одинаковымъ искусствомъ, и столь сходныхъ во всемъ въ одно и то же время? Но напрасно было бы долго говорить о такомъ предметѣ, въ которомъ невозможно придти къ твердому рѣшенію.

Какъ возможно, чтобы въ такое отдаленное время появился одинъ поэтъ, который создалъ такія несравненныя поэмы, свидѣтельствующія о высокой степени художественнаго навыка? Такія произведенія могутъ быть только результатомъ дѣятельности многихъ личностей, плодомъ поэтическихъ дарованій цѣлаго народа. Что же останется всему народу, если въ одномъ человѣкѣ мы воплотимъ всю поэзію? Такъ возражаютъ противники единства. Но, во-первыхъ, мы не отрицаемъ существованія народныхъ пѣсней, обнимавшихъ весь кикль троянскій, и, можетъ быть, гораздо болѣе. Въ самомъ Гомерѣ находятся ясныя указанія на прежнихъ пѣвцовъ. Мы утверждаемъ только, что до насъ дошли не народныя пѣсни, а художественныя поэмы, обработавшія сюжеты этихъ пѣсней. Какъ возможно, чтобы всѣ народныя пѣсни объ осадѣ Трои имѣли сюжетомъ только гнѣвъ Ахилла, смерть Патрокла и смерть Гектора, чтобы онѣ не воспѣвали паденія Трои? Намъ скажутъ, что были и такія пѣсни, и сюжеты ихъ обработаны въ киклическихъ поэмахъ. Прекрасно, это вполнѣ подтверждаетъ нашу мысль. Сюжеты пѣсней о гнѣвѣ Ахилла, смерти Патрокла и смерти Гектора обработаны въ Иліадѣ; Иліада такая же цѣлая поэма, какъ и поэмы киклическія, цѣлость которыхъ не отвергалъ еще никто изъ вольфіанцевъ. Само собою разумѣется, что намъ невозможно опредѣлить отношенія Гомера къ народнымъ пѣснямъ и степень его самостоятельности. Для насъ

все-таки Иліада и Одиссея остаются памятниками поэтической силы еллинскаго народа, воплощенной въ Гомерѣ.

Мы разобрали доводы новой критики противъ единства Гомера. Мнѣ кажется, невозможно не сознаться, что они крайне слабы. Самая главная ошибка новыхъ ученыхъ, ихъ прѣтокъ феѣдовъ, заключается въ ихъ мнѣніи, что эстетическими положеніями можно доказать что-нибудь; скажемъ общѣе: ошибка новыхъ ученыхъ въ совершенно невѣрномъ понятіи, которое они имѣютъ о томъ, что такое доказательство. Увѣренность, съ какою высказываются самыя произвольныя рѣшенія, изумительна. Это имѣетъ вредныя послѣдствія: метода авторитетныхъ людей, каковы, напримѣръ, Кёхли и Кирхгофъ, производитъ множество подражателей, которые приучаются принимать за несомнѣнную истину первое встрѣтившееся сближеніе, первую догадку. Къ чему повели всѣ карточные домики, выстроенные во множествѣ программъ и диссертаций по Гомеровскому вопросу?

Единство Иліады и Одиссеи есть также, строго говоря, гипотеза; но она стоитъ на несравненно болѣе твердыхъ основаніяхъ, чѣмъ ихъ дробность: она стоитъ на общемъ преданіи древности, на единствѣ дошедшаго до насъ текста, на художественной цѣлости поэмъ. Доказать свое мнѣніе долженъ тотъ, кто возстаетъ противъ единства, такъ какъ онъ говоритъ и противъ преданія, и противъ существующаго факта. *Opus probandi* лежитъ на противникахъ единства. Мы можемъ быть вполне увѣрены, что они падутъ подъ тяжестью этой задачи.
